

УДК 94(476)(092)
ББК 63.3(4Бел)
Ц18

Рецензент
доктор исторических наук, профессор *В. Ф. Ладысев*

Под редакцией *С. Н. Ходина*

Царюк, Ираида
Ц18 От родного порога / под ред. С. Н. Ходина. — Минск : БГУ, 2011. —
168 с. : ил.
ISBN 978-985-518-489-9.

Вспоминая о былом, декан исторического факультета БГУ (1973—1986) Ираида Осиповна Царюк (Притыцкая) на примере своей семьи рассказывает не только о героическом пути известного деятеля Беларуси С. О. Притыцкого, но и об истории целого поколения нашей страны, о славных эпизодах самоотверженной борьбы за социальное и национальное освобождение Западной Белоруссии, боевом и трудовом героизме белорусского народа в период Великой Отечественной войны и послевоенного возрождения.

Книга представляет интерес не только для историков, но и для широкой читательской аудитории.

УДК 94(476)(092)
ББК 63.3(4Бел)

© Царюк И., 2011
© БГУ, 2011

ISBN 978-985-518-489-9

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Историки часто говорят, что историю делают люди. Но в строчках учебников Человек теряется за мельканием фамилий и инициалов. Абстрактные герои в них присутствуют как статисты, они не говорят — и мы не можем их услышать. А ведь они, герои нашей истории, были детьми, мечтали, любили этот мир и эту землю. И может быть, зная больше о них, мы сможем лучше понять самих себя.

Книга, которую вы держите в руках, — это летопись страны, эпохи через историю одной семьи — семьи Притыцких. Именем С. О. Притыцкого в Беларуси названы улицы и проспекты, предприятия и учреждения. Это имя Вы встретите в учебниках по истории. Но очень сложно, зачастую невозможно что-то понять, не узнав, всесторонне не осмыслив жизнь героя.

В современной европейской историографии весьма актуальны гендерные аспекты, микроисторические подходы в исследованиях. Эта книга создана не профессиональным писателем, а историком, что наполняет ее особым духом, вызывает ощущение соприкосновения с глобальной историей.

Поколение 70—80-х гг. XX в. гордится своими Учителями. Ираида Осиповна Царюк — одна из тех, кто внес достойный вклад в достижения 75-летней деятельности исторического факультета. Приближаясь к 90-летнему юбилею БГУ, мы все тщательнее всматриваемся в лица тех, кто создавал университет, восстанавливал и развивал его.

«От родного порога» — уникальная книга. Это проникновенный рассказ о судьбах людей, готовых к самопожертвованию, яркая панорама их жизни, полной борьбы и тревог. Запечатлев в своем сознании примеры истинного мужества и героизма, преисполнимся благодарности нашим бабушкам и дедушкам, родителям, нашим дорогим Учителям. Очень хотелось бы, чтобы эту книгу прочитали те, кому строить будущее нашей страны.

С. Н. Ходин,
декан исторического факультета
Белорусского государственного университета

К ЧИТАТЕЛЮ

Предлагаемая книга — итог прожитого и пережитого мною, восстановленного в памяти. Многое почерпнуто из рассказов родных и близких. Как историк не могла не использовать и документальные материалы.

Содержание книги — описание тернистого пути Притыцких, который они прошли вместе со своей малой Родиной — Белосточчиной. Мне хотелось поделиться с читателями сведениями о подпольной борьбе на территории Западной Белоруссии в 1920—30-е гг. моих братьев Александра и Сергея, сестры Любы. С особым теплом вспоминаю наших родителей — Осипа Григорьевича и Наталью Игнатьевну.

Будучи очевидцем трудной жизни белорусской деревни в условиях межвоенной Польши, могу смело утверждать, что в судьбе нашей семьи отражена судьба всей страны. Ярким подтверждением этого является жизненный путь П. Волошина, Б. Тарашкевича, И. Добрияна, В. Царюка, П. Железняковича, В. Хоружей, Н. Дворникова, Ф. Пестрака, М. Танка и многих других. Мечты о светлом будущем, революционный романтизм вели их от родного порога по дорогам подполья, забастовок, стачек, арестов, бросали в водоворот событий. В сущности, эта книга и о них.

В жизни каждого народа, отдельного человека существуют какие-то незримые, возможно, не всегда объяснимые связи, нити. Они проникают в разные временные, территориальные измерения и образуют ту среду, те условия, которые становятся твоей судьбой. Мое жизненное и временное пространство — это детство на Белосточчине, детский дом в Саратове, ремесленное училище в Москве, Несвижское педучилище, Белорусский государственный университет в Минске.

Большая часть моей жизни — от студентки до заведующего кафедрой, декана факультета, доктора наук — связана с историческим факультетом. В университете я встретила много замечательных людей, ученых, высококвалифицированных специалистов, талантливых педагогов. И о них, моих учителях, коллегах, друзьях и учениках, тоже мой рассказ.

При их поддержке и, конечно, родных, прежде всего мужа Александра Царюка и дочери Натальи Царюк, эта книга увидела свет, за что я им бесконечно благодарна.

Мое повествование иллюстрируют архивные снимки, а также фотографии из семейных альбомов. К сожалению, утрачено качество некоторых из них, особенно любительских, но они важны в контексте излагаемых событий.

И. О. Царюк,
доктор исторических наук,
профессор, заслуженный работник
Высшей школы БССР

КОЛЫБЕЛЬ МОЕЙ СЕМЬИ

В исторической, политической, художественной литературе, школьных и вузовских учебниках сформировалось и закрепилось название определенной территории, находящейся на западе Белоруссии и востоке Польши, как «Западная Белоруссия», или, с польской стороны, «Кресы всходне». О событиях на этой небольшой, но, по-видимому, значимой территории, о ее людях, об общественно-политических, культурных явлениях снимались кинофильмы, создавались как художественные, так и научные книги, велись политические споры, особенно о межвоенном периоде от Брестского мира до сентября 1939 г.

Этот клочок земли на политических картах Европы будоражит некоторые «горячие головы» и по сей день. Что же лежит в основе, где истоки этого интереса и бьющей ключом общественно-политической жизни, проникнутой героико-романтическими идеями, главным образом среди молодежи, в 20—30-е гг. XX в.?

В XIV—XV вв. здесь смыкались близлежащие пущи: Молевицкая, Новодворская и Букштельская. Но со временем леса вырубались на продажу и постройки. Отвоеванная у леса земля застраивалась, обрабатывалась. И наш по-

Начало пути...

вятовый (уездный) г. Соколка возник на лесной вырубке, вырос из охотничьей усадьбы.

Немалую роль в развитии Соколки и ее окрестностей сыграла тридцатилетняя жена короля Польши Сигизмунда Старого бонна Мария, которая в 1523 г. получила эти земли в подарок от мужа. С ее помощью, по ее разрабатываемым планам, велось строительство, развивались простейшие ремесла, облагораживалась местность. Историческую судьбу белорусских земель, в том числе и Соколычины, определяло геополитическое расположение местности. Эти земли топтали воины разных национальностей и вероисповеданий, грабили, разоряли. Соседи с запада и востока, севера и юга пытались заполучить их в качестве союзника, угнетали коренной народ. Земли эти знали расцвет, величие и падение.

На пять веков, со времени образования Великого княжества Литовского (ВКЛ) в начале XIII в. вплоть до XVIII в., наша Родина сначала в составе ВКЛ, а с 1569 г. после Люблинской унии, объединившей ВКЛ с Польшей, в образованном новом государстве — Речи Посполитой — была интегрирована в западную историю. После разделов Речи Посполитой, когда белорусские земли были присоединены к России на 200 лет, — в восточную. Ею манипулировали, и она долго находилась меж берегов истории, мучительно, трудно выбираясь на тот путь, который ей был предначертан. Много шумело здесь бурь и событий. Неоднократно белорусские войска разбивали войска Московского княжества (на Немиге, под Оршей). В свою очередь, московский царь Иван Грозный, затем Екатерина II посылали войска на белорусские земли, разоряли, жгли, уничтожали все, в том числе и их жителей. Будучи в составе Российской империи, как западный рубеж ее границ, наша страна принимала на себя первые удары врагов. Это прослеживается по всей истории белорусских земель, начиная от битвы на Калке, Диком Поле, Синей Воде, Куликовом поле.

Чего стоила только битва с «кжижаками» (крестоносцами) — войсками Тевтонского ордена, хотя она и окончилась победой объединенных армий Великого княжества Литовского и Польского королевства. Основную же тяжесть в борьбе вынесли войска Великого княжества Литовского, которые состояли в основном из белорусских хоругвь. Разгром крестоносцев под Грюнвальдом остановил агрессию Тевтонского ордена на восток. После нее в течение пяти столетий, вплоть до 1914 г., на земли Белоруссии и Литвы не ступала нога вооруженного немца. Но тогда, в 1410 г., на белорусских землях не было ни одной деревни, ни одного города, которые не посылали бы воинов на эту судьбоносную Грюнвальдскую битву.

Война Московского государства против Великого княжества Литовского длилась 13 лет и унесла 1,5 миллиона жителей белорусских земель. Хозяйство было разрушено, а чтобы восстановить его, не было ни людей, ни средств. Но очень скоро белорусская земля стала ареной новой войны — теперь России и Швеции. Шведские войска под командованием короля Карла XII опустошали города и села. Размеры действий шведской армии усиливались постоянными

ми маршами армии короля Польши Августа II — сторонника российского императора Петра I — и войск польских сторонников Карла XII под командованием Сапеги. Битва Богуслава Радзивилла с войсками, верными польскому королю Августу II, при населенном пункте Яново, недалеко от Соколки, принесла новые разорения.

Белорусскими лесными дорогами, уверенные в своей скорой победе, шли на Москву войска императора Франции Наполеона Бонапарта и после своего поражения возвращались снова через земли Белоруссии. Военные действия 1812 г. оставили на Соколышине не только могилы французских солдат, но и картины, отражающие события тех дней, в различных легендах, преданиях, поговорках. Настрадались люди в те годы. Самое ужасное, что простому человеку трудно было разобраться, что же несет Наполеон белорусскому народу: освобождение от крепостной зависимости, возрождение Великого княжества Литовского или новую кабалу. Где игра, заигрывание, а где холодный дальновидный расчет французского императора, поди ж ты разберись, неграмотный крестьянин. Ведь белорусы воюют и в армии Наполеона, и в армии Кутузова.

А в мирное время народ по-прежнему терпел гнет господствующих классов, политическое и национальное бесправие. Власти разыскивали и преследовали своих противников и не очень-то жаловали бывших сторонников из народа. И как результат, во второй половине XVIII в. у жителей Соколышины, как и других районов Белоруссии, стало пробуждаться сознание социальной несправедливости. Этому способствовало в первую очередь быстрорастущее социальное расслоение. Оно зачастую принимало разительные размеры и формы. Первые ростки его появились во второй половине XVIII в. в связи с попытками ускорить хозяйственное развитие промышленности в ущерб сельскому хозяйству, когда изымались земли для нужд промышленности. Владельцам отчужденных земель предлагалось либо оставаться работать в промышленности, либо переселяться в другие места. Это вело к увеличению земельного голода, росту количества лишних рук на селе, еще большему обнищанию крестьян.

Одним из разработчиков этих мероприятий был А. Тизенгауз, который в то время жил в Соколке. По его плану, в частности, в Соколке были построены первые 17 кирпичных домов для ремесленников. И сегодня в Соколке есть улица Тизенгауза, названная в честь родоначальника города и развития промышленного производства.

В ответ на изъятие земель крестьяне стали оказывать противодействие. Наиболее распространенными формами их выступлений явились поджоги помещичьих построек, сопротивление полиции, войскам, бунты. К ним относится и начавшееся в мае 1794 г. восстание под руководством Тадеуша Костюшко.

Т. Костюшко родился в д. Сехновичи Кобринского уезда в семье белорусского шляхтича. Окончил Варшавский кадетский корпус, затем пять лет учился в Пражской военной гимназии. После учебы уехал в Северную Америку.

ку, где шла война за освобождение от английского владычества. Там он дослужился до генерала и даже получил орден. Возвратившись на Родину, служил в польской армии в чине командира бригады. Т. Костюшко не принял второго раздела Польши. В стране начались волнения, вскоре переросшие в восстание. Оно все очевиднее принимало широкие и угрожающие размеры. Практически все белорусские губернии поддерживали его.

9 мая 1794 г., спустя несколько дней после начала восстания, Соколка официально заявила о своей поддержке Т. Костюшко, избрала руководящий комитет, который обратился к нему с просьбой принять добровольцев в свою армию. Повстанцы взяли власть в Вильно, Гродно, Новогрудке, Слониме, Пинске, Кобрине, Волковыске, Лиде, Браславе. Русская императрица Екатерина II послала на усмирение восстания полководца Александра Суворова во главе регулярных царских войск. В сентябре 1794 г. восстание было подавлено. Раненого Тадеуша Костюшко Суворов привез в Петербург, где его заключили в Петропавловскую крепость. После смерти Екатерины II ее сын, император России Павел I, вопреки воле покойной матери, щедро одарил Костюшко и разрешил ему выехать за границу. Тот избрал своим местожительством Швейцарию, где и умер в 1817 г.

Александр Суворов за беспощадное подавление восстания получил от императрицы щедрый подарок: Кобринскую волость — родину Костюшко — и около 50 тыс. белорусских крестьян. Таково было вознаграждение за пленение раненого Костюшко и разгром у д. Крупчицы корпуса повстанцев под руководством соратника Костюшко генерала Сераковского.

Сразу после восстания Костюшко, оставившего в народе накал борьбы, рост самосознания и горечь поражения, пошли новые разделы Польши. После третьего раздела Речи Посполитой Сокольский повет вошел в состав Пруссии, правда, ненадолго. Тильзитский мир 1807 г. уточнил территории, принадлежащие России. В результате Соколка с окрестными землями и населением вошла в созданный уже царскими властями Белостокский округ, который в 1843 г. был присоединен к Гродненской губернии России.

На положении белорусов сказывалось и то, что в результате третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. русская императрица Екатерина II грубо, без учета традиций и обычаев коренного населения, осуществила присоединение белорусских земель западных повоев. С момента присоединения к Российской империи белорусский язык, который являлся государственным языком Великого княжества Литовского, по существу, оказался под запретом. Белорусский народ не получил своей государственности хотя бы в виде автономии. Белорусские земли были разделены между соседними российскими губерниями. 180 550 крестьянских душ Екатерина подарила русским помещикам. Да и ее сын Павел I добавил им 28 тыс. белорусских крестьян. Положение сельского населения еще более ухудшилось в связи с введением крепостной зависимости, неведомой ранее на этих землях. Крестьян просто раздали русским помещикам и чиновникам различных рангов. Введены были подати огромного размера, рекрутчина — сначала пожизненная, а потом — 25-летняя. Подобно-

го не знали другие присоединенные к России земли: Литва, Грузия, Бессарабия, Эстония. Такая недалековидная политика царизма вызвала новое массовое недовольство населения.

Назревали новые события, новые потрясения. В середине XIX в. в Соколке была создана Лесная школа, куда в мае 1857 г. приехал в чине хорунжего Валерий Врублевский, выпускник Петербургского института земледелия и лесничества. Сначала он был помощником директора, а с 1861 г. становится руководителем школы в звании подпоручика. Врублевский наряду с большой работой по руководству школой и преподаванием вел активную общественно-политическую жизнь. Он познакомился с инженером Брониславом Шварцем, который возглавлял Сокольский участок строящейся в то время железной дороги Варшава — Петербург. Через Шварца Врублевский установил связь с Виленским центром восстания — комитетом «красных», который возглавлял К. Калиновский. Врублевский участвовал в написании и издании листовок, прокламаций, зовущих народ на борьбу.

Будучи тесно связанным с лесниками, бывшими его учениками, Врублевский посылал их в качестве агитаторов по окрестным деревням для разъяснения цели восстания, привлечения в его ряды крестьян, а также для распространения листовок.

24 апреля 1863 г. он организовал в д. Каменка, недалеко от наших Гаркавичей, «партию» — местный отдел восставших. Практически всеми делами повстанцев на Гродненшине и Белосточчине руководил Врублевский. По настоянию К. Калиновского он был назначен начальником штаба.

Врублевский, раненный в боях с царскими войсками, выехал в Париж на лечение. Характер борца-революционера привел его на баррикады. В звании генерала он возглавил 3-ю армию коммунаров. После падения Парижской

Дорога в прошлое (д. Гаркавичи)

Коммуны Врублевский работал генеральным секретарем Социалистического Интернационала.

Царское правительство военными силами во главе с Муравьевым, прозванным в народе «вешателем», наводило «порядок», усмиряло восставший народ. Об экономическом, культурном развитии белорусского «западного края» правительство не заботилось.

Между войнами и восстаниями были и времена затишья, когда тихо и мирно текла деревенская жизнь. Летом мужики и бабы — в поле. Зимой мужчины работали на току, молотили, вязали кули прямой, длинной соломы, чтобы можно было надежно накрыть хаты, заготовливали дрова. По вечерам, собравшись «на огонек», решали «мировые проблемы». Женщины пряли, ткали, вечерами ходили на «посиделки», а молодежь — на «вечеринки», на танцы. Но у каждого под крышей была своя жизнь, свои заботы и нужды: как прокормить детей, вырастить, выдать замуж дочерей, а сыновей наделить землей, помочь обзавестись своим хозяйством, да чтобы не обидеть никого, поделить поровну, по справедливости.

Так текла жизнь и в нашей д. Гаркавичи. Когда она появилась и кем она была основана, точных сведений нет. Известно лишь, что там испокон веков жили белорусы, исповедовавшие православие. В тот период национальные вопросы в наших краях не стояли на повестке дня так остро, как социальные. Не было причин ни для религиозных гонений, ни для расовой дискриминации. Гаркавичи и близлежащие деревни были в основном православными, белорусскими, хотя проживали в них и поляки, и белорусы, и татары, и евреи.

Есть упоминание в польских источниках, что в июне 1797 г. в Восточной Пруссии началось административное переустройство. Гаркавичи, вместе с д. Юровляны, входившие в то время в ее состав, были отнесены к Одельскому церковному приходу Сокольского повета. Вот эта д. Гаркавичи и стала колыбелью рода Притыцких. О времени появления их здесь, ничего неизвестно. Все, что здесь будет сказано о Гаркавичах, о событиях, там происходивших, о семье Притыцких, почерпнуто мною из исторической литературы. Главным источником стали сведения, которые поведали мне мои родные: родители, братья и сестры, многочисленные их друзья, соратники, бывшие свидетелями событий тех лет. Многое отложилось, сохранилось и в моей памяти, чем я дополнила воспоминания близких мне людей.

Д. Гаркавичи — в 120 жилых домов — расположена на Белосточчине в Сокольском повете в окружении невысоких холмов, покрытых редкими сосенками. Она находится недалеко от крупных населенных, административных центров: в 45 км — от Белостока, 18 км — от Соколки, 6 км — от Крынок и 35 км — от Гродно. Здесь встречаются деревни и деревеньки через 3—5 км.

Административный центр — «повятовы» г. Соколка — находился на пересечении Белостокского воеводства железной дорогой Варшава — Санкт-Петербург с ответвлениями на восток — в Крынки и на запад — в Августов. Через Соколку проложен тракт, соединявший г. Вильно с Варшавой через Гродно и Кнышин.

Гаркавичи расположены в ложбине, которую с трех сторон окружали разной высоты холмы, как бы заслоняя от внешнего мира. С четвертой стороны — небольшое озеро Виденское.

В начале деревни, по правой стороне дороги, — высокая гора Стасюлиха. Летом там гуляла молодежь, зимой — раздолье для детей: санки, доски, старые тазики — все пригодно для катания на заснеженных склонах горы. В конце деревни находился курган древних захоронений — могилы (от белорусского слова *могілкі*).

От деревни дорога сначала шла на юг через поле. Обычная проселочная дорога. Вот она нырнула в кустарник, где были перепутаны лозняк, редкая березовая поросль да какими-то ветрами занесенные бузина, сирень. А вот за ее поворотом блестит гладь озера. Весной и осенью по вечерам над ним поднимался густой белый туман и медленно, как бы нехотя, уплывал, подгоняемый легким ветерком, до самого горизонта. Происхождения озера никто не знал. Старожилы говорили, что оно было всегда.

Вся деревня использовала озеро и как водопой для скота. Озеро и прилегающий к нему луг были общественными угодьями, так называемый «сервитут». Позже, в 30-е гг. XIX в., когда началась хуторизация, ликвидация сервитутов, озеро и прилегающие к нему земли поделили между четырьмя или шестью хозяевами. Остальным доступ к нему был запрещен.

Достопримечательностью деревни являлся гай (роща). Между ольхой, калиной, рябинками, сквозь толщу трясины, покрытой густым изумрудным мхом и осокой, пробивались ключи. Мы, дети, не знали, что они давали жизнь большой воде, что именно здесь исток речушки Уснарка, которая несла нашу радость и слезы в р. Свислочь.

Через годы, через расстояния (д. Гаркавичи, 2006 г.)

По левую сторону речушки, ближе к Юровлянам, находились старые торфяники. Их рыли и перерывали. Леса у нас не было. Зимой приходилось привозить дрова за десятки километров, а поскольку они дорого стоили — основным топливом был торф. Но добыча торфа, даже мы, дети, понимали, — это тяжелый труд.

Откуда пошло название «Гаркавичи» — неизвестно. Есть легенда, что от гор, гористой местности. А по другой легенде, название деревни связывали с горькой долей людей. Скорее всего, и та и другая легенды имеют право быть. Ибо не случайно на перекладине креста, что стоял у въезда в деревню, было написано: «Господи, береги нас от мора, войны и огня». История показывает, что жители этих мест, и Гаркавичей в том числе, из поколения в поколение жили под страхом кары Господней, пережили много войн, пожаров и эпидемий. Ни помещиков, ни осадников у нас не было. В деревне было лишь несколько зажиточных крестьян. Были и середняки, но большую часть населения составляли бедняки.

По-видимому, люди, живущие в труде, нужде, в борьбе с неурожаями неплодородной земли, исповедуют высшие человеческие ценности: честность, взаимопомощь, взаимовыручку, высокую мораль и нравственность. У нас не было воровства, пьянства, разбоев. Не скажу, что все были глубоковерующие. В начале XX в., особенно после Первой мировой войны, среди молодежи уже витал дух атеизма. Но никогда никто не надругался над верой, священнослужителями. Храма в деревне не было. Ходили в Юровляны молиться, крестить детей, венчаться, отпевать усопших.

В Гаркавичах была польская начальная школа, размещалась она в арендованных хатах крестьян. Семилетка была в Юровлянах и гимназия — в местечке Крынки. Но никто из гаркавичских крестьян своих детей туда не посылал — это было далеко и дорого.

В 1920—1930-е гг. в Гаркавичах, как и в подавляющем большинстве сельских населенных пунктов, телефона, кино не было. Радио в ту пору только пробивало себе дорогу. Приобрести даже самый дешевый аппарат казалось несбыточной мечтой. Мало у кого хватало денег на покупку. Сложно было получить разрешение на приобретение его в полицейском участке. Радио с наушниками было лишь у школьного учителя да у «солтыса» (старосты). Тем не менее нельзя сказать, что люди были оторваны от внешнего мира. Почти в каждом доме кто-то читал по-польски и по-белорусски. Чаше читали официальную прессу, книги польских писателей. Главным же источником информации были базары. Крестьяне ездили по четвергам на рынок в Крынки, а по понедельникам — в Соколку не только за необходимыми покупками, но и за новостями и газетами. Базары являли собой, как и в других городах и странах, «барометр» жизни. Здесь естественно соприкасались языки и культуры, общественная и политическая жизнь. В этом плане особое значение имели базары в Соколке. Дело в том, что здесь проходили большие торги скотом, особенно лошадьми. Выведенная особая порода лошадей — «сокольская» — пользовалась большим спросом не только на Белосточчине. Приезжали купцы из разных регионов Поль-

ши — люди со своими новостями, взглядами, суждениями. Часто здесь завязывались беседы, шли споры, обсуждались темы, выходящие за рамки лошадиных торгов.

В информационном плане немалую роль играли так называемые «фэсты» — престольные праздники, которые проходили в православных храмах. Люди шли, ехали туда не столько помолиться, сколько встретиться с родственниками, знакомыми, давними друзьями, обсудить дела, поделиться новостями. Темы были не только будничные, хозяйственные, местного значения — виды на урожай, цены на зерно, новые налоги, штрафы и т. д., — но и более глобальные: а что же происходит в мире, как живут люди в других странах. Жители Западной Белоруссии только внешне казались безразличными, забитыми. С первых лет нахождения их в составе Польши, после Рижского договора, прежде всего в крестьянских массах, как в наиболее обездоленной части общества, накапливалось недовольство условиями своего существования. Все чаще то тут, то там эти настроения выплескивались на поверхность — пока стихийные, поспешные, неподготовленные. Но исторические события далекого прошлого, активизация революционных сил в Венгрии, Германии, да и в самой Польше, в 1920-е гг. давали о себе знать. Зримо и волнующе вставали образы Калиновского, Костюшко, Врублевского, страницы военных лихолетий и повстанческой борьбы за право «человеком зваться», за «мужицкую правду».

От земельного голода, безработицы, нужды и нищеты люди стали искать счастья на стороне, уезжали на заработки в Америку, Бразилию, Россию, центральные воеводства Польши.

Семья Григория Притыцкого разделила участь многих своих земляков в поисках работы, хлеба. У нашего дедушки по отцовской линии было четыре сына и одна дочь. Хозяйство состояло из шести десятин земли, одной лошади, двух коров, восьми овец да четырех свиней. Пока дети были малые, всего вроде хватало в доме, жили не хуже других. Но дети выросли, и встал вопрос, как поделить нажитое так, чтобы не было обид, чтобы могли взрослые дети создать свои семьи, иметь свое хозяйство, жить сносно и дальше.

На семейном совете мирно пришли к выводу, что те крохи, которые достанутся при разделе каждому, не спасут положение. В таких условиях дети поодиночке не только не создадут что-то, а, наоборот, растратят все, что есть, никогда не выбьются из нужды. Время расставило все по своим местам. Дочь Пелагею выдали замуж, собрав приличное приданое. Старший сын Игнат уехал в поисках работы в Россию. Спустя годы стало известно, что он окончательно обосновался в Оренбургской губернии. Сын Иван уехал в Соколку, стал работать стрелочником на железной дороге. Умер накануне Второй мировой войны в преклонном возрасте. Осип, третий сын, проявлял интерес к портняжничеству, поэтому пошел в ученики к местному портному. Младший сын Павел работал на железной дороге. Его три дочери до сих пор живут в Белостоке.

Мать — Наталья Игнатьевна
Притыцкая

Отец — Осип Григорьевич
Притыцкий

Свою землю Притыцкие разделили на четыре части: поровну каждому сыну. Свою часть и Игнатову обрабатывал Иван, а надел Павла — Осип. Практически они арендовали землю братьев. Помню, как каждую осень отец нагружал воз овощами, мукой, крупой и вез дяде Павлу все это в Белосток. Осип жил с отцом и матерью. Мать Пелагея вела хозяйство, а Григорий с сыном выполняли тяжелую мужскую работу.

Дед Григорий был среднего роста, кряжистый, крепкого телосложения. Умер, работая в поле, на 105-м году жизни, накануне Первой мировой войны. Бабушка Пелагея жила при сыне Осипе. Часто болела. Умерла в Пензенской губернии, куда семья выехала во время войны.

Через три дома от Притыцких жила семья Игната Мойжика. Сам Игнат в 1855 г. был призван на рекрутскую службу. Ему, можно сказать, «повезло». Он прослужил в царской армии лишь 25 лет: введенный Петром I рекрутский срок был сокращен с пожизненного до четверти столетия. Рекрутчина воспринималась белорусскими крестьянами, как похороны живьем. Став рекрутом, человек навсегда уходил из семьи. Игнат Мойжик вернулся домой в 1880 г., награжденный в Русско-турецкую войну Георгиевским крестом. В 1882 г. он женился, а через год родилась в этой семье дочь — Наташа. К солдату, перенесшему рекрутчину, встретившему свою любовь, казалось, пришли счастье и покой. Однако из царской армии Игнат вернулся не только с Георгиевским крестом, но и с неизлечимой тогда болезнью — туберкулезом. Болезнь на время притихла, затилась, но исподволь подтачивала силы и здоровье Игната. Когда дочери ис-

полнилось полтора года, отец умер. Мать Наташи тяжело переживала смерть мужа — в нищете, с маленьким ребенком, в одиночестве, без родных. Спустя несколько лет умерла и она. Девочку взял к себе дальний родственник — Алексей Боровик. Он и его жена относились к сироте хорошо: любили ее, воспитали трудолюбивой, скромной, доброй, отзывчивой.

Наташа была красавицей с большими голубыми глазами, русыми, чуть волнистыми и густыми длинными волосами. Привлекательнее девушки не было в округе. И в работе ей не было равных. На нее заглядывались парни, но сердце свое, свою любовь она отдала Осипу Притыцкому, который был старше ее на 13 лет. Три года он обхаживал Наташу, потому что молоденькой сироте не верилось, что такой завидный жених, ловкий и неутомимый труженик в поле, да еще и портной, у которого водилась кое-какая копейка, может ее серьезно полюбить. Но все же, когда исполнилось 17 лет, Наташа дала свое согласие на замужество.

В 1900 г. они сыграли свадьбу, а через год у счастливой пары родился первенец Ипполит. Шли годы. Рождались дети: Надежда, Александр, Сергей. И тут нагрянула беда — началась Первая мировая война.

ГОРЬКИЙ ХЛЕБ БЕЖЕНЦЕВ

Трагическую весть о начале Первой мировой войны, как ни парадоксально, гаркавичане узнали от местного кузнеца Якова Демьянова. Бывший артиллерист, как рассказывал потом отец, определил выстрел и разрыв артиллерийского снаряда между Белостоком и Соколкой. Неужели действительно война? Что будет? Как жить? Люди в деревне присмирели, углубились в свои невеселые мысли. Неизвестность пугала их. На третий день после этого выстрела в деревню прискакала сотня казаков.

— Собирайтесь, уходите. Деревню будем жечь. Ничего не оставляйте немцам.

Крестьяне — в недоумении, панике. Куда идти? Как бросить пусть и небогатые, но все же какие-никакие пожитки, хаты, скот? Люди стали собирать вещи, кое-что прятали, закапывали сундуки в ямы, надеялись, что скоро вернуться, что-то уцелеет.

Слезы и сборы в семье Притыцких. Как быть? Бабушка больна, Сережа грудной, да и остальные мал мала меньше, старшему Ипполиту — всего 12 лет. Мама плачет и плачет. Как, куда ехать, не знает никто.

Собрались, все готово. Соорудили кибитку, посадили туда больную бабушку и двинулись на Крынки, Малую Берестовицу. А позади на западе уже полыхала деревня. Все население сплошной лавиной движется на восток. Беженцы идут и идут. Телеги, нагруженные домашним скарбом, едут по дороге в два ряда.

Мама, перепоясанная большим платком, несет маленького Сережу. Дальше идти нет сил. В полузабытьи садится на пенек отдохнуть, задремала. А поток

телег и людей движется и движется. Кажется, лишь мгновение, как присела, а, глядишь, своих не видать, идут крестьяне уже чужих деревень. Мама мечется от воза к возу — потеряла своих. Ей подсказали, что гаркавичские ушли вперед. Чуть живая, она догнала свой обоз.

Как вихрь оторвал от дерева осенние листья, так война вырвала людей из родных мест и развеяла по всей России.

Война, трудные пути-дороги наложили свой отпечаток на мысли, поведение и взрослых, и детей. Как-то незаметно посуровел отец: то сорвется на крик, то огреет кого-нибудь по «мягкому» месту. Удивительно быстро повзрослели старшие дети, но в их настроении чувствовалась печаль. Особенно это было заметно по Ипполиту. Как рассказывали потом родители, с рождения спокойный, тихий, красивый мальчик, в 12 лет он стал отцу главным помощником и опорой. Недетская тревога за младших — Наде 9, Саньке 7 лет, а Сереже второй годик, — желание облегчить тяготы родителей, общие невеселые думы о прошлом и тревога о неизвестном будущем болью сжимали сердце подростка. Он умел унять не в меру расшалившихся, нередко отказывался от скудной пищи в пользу малышей, которые все время хотели есть.

Однако всему приходит когда-нибудь конец. Вот уже и не надо беженцам собираться в путь-дорогу. Семья Притыцких, вдова двоюродного брата отца — Мария и двое ее сыновей Иван и Леня, а также семья Алексея Боровика оказались в Пензенской губернии, Городищенском районе, в селе Нижний Шкафт, которое, по нашим меркам, было очень большим: около 500 дворов, три улицы, непривычное по своим размерам и расположению. Улица, где поселились Притыцкие, одним концом выходила в поле, за которым находился помещичий лес. Другой конец ее упирался в имение князя Балашова, ранее принадлежавшее графу Шувалову. Здесь же протекала небольшая, но с крутыми, поросшими кустарником берегами река с красивым названием Айва. Через нее был проложен мост, по которому рабочие, в основном ткачи и прядильщицы, ходили на суконную и шерсточесальную фабрики Морозова. В семи километрах от Нижнего Шкафта, в селе Аришка, находился довольно большой стекольный завод.

Притыцкие поселились в маленькой, с тремя окнами, хате Степана Борисова. Сам же хозяин построил себе новую большую избу. Отец портняжил, а мама с Надей пошли работать на ткацкую фабрику. Ипполит и Александр учились в школе. Война уже дала о себе знать и вдали от фронта. Спрос на производимую продукцию упал, товарооборот ослаб, производительность труда снизилась, поэтому и заработки у людей упали — нужда поселилась в семьях рабочих. Голод пришел и в семьи беженцев. Отец пошел работать сторожем в школу. Мама и Надя приносили домой свой скудный заработок. Росло напряжение, раздражение в семье. Одна радость — дети.

Сережа, в отличие от Ипполита и Сани, был более заводной, шаловливый, озорной, поэтому ему чаще доставалось от отца, державшего детей в строгости: хотел, чтобы они выросли умными, достойными. Сережино озор-

ство его беспокоило — как бы он не стал поверхностным, пустым. Когда Ипполит или Санька, а чаще мама, заступались за него, попадало и им. Но вокруг было столько интересного, запретного. Господский сад — тоже запретная зона. Там жили и отдыхали господа. А какие красивые наливные там груши и яблоки! Ну как не залезть в чужой сад?! Это же мечта и поле «боевых» действий мальчишек всех времен и народов.

Все изменилось в 1917 г. Владелец фабрик Морозов уехал. Фабрики были национализированы, установлен рабочий контроль. Управляющий имением Балашова — Франц Иосифович Вербицкий — остался и сотрудничал с советской властью. Крестьяне получили во владение бесплатно землю. Им выделили ссуду на обустройство хозяйства. На собраниях и съездах рабочих и крестьян была избрана волостная и уездная власть. Люди почувствовали себя хозяевами жизни, свободными, защищенными.

Ипполит активно включился в общественную жизнь, ходил на митинги, участвовал в воскресниках. Вместе с Александром стал работать в деревенском кружке по ликвидации неграмотности. Активизировалась работа драмкружка, куда стала ходить и Надя. Как ни просился Ипполит на работу, родители ему не разрешали. Они видели его способности и хотели, чтобы он учился.

По вечерам вся семья собиралась за большим обеденным столом: старшие обсуждали домашние дела да слушали, как дети читали вслух книги, газеты. В семье всегда рады были приходу друзей, соседей, земляков — тоже беженцев из Белоруссии. Допоздна затягивались обсуждения военных событий, разговоры о «хлебе насущном». Особенно интересно было, когда приходил заведующий клубом Иван Симкин, к которому привязались Санька и Сережа. Они любили его, дружили с ним. Симкин хорошо пел. С ним мальчишки выучили много песен. Особенно хорошо звучали в исполнении этого домашнего хора, под руководством И. Симкина, народные и революционные песни. Возможно, именно с тех пор так полюбил Сережа песни. И пел он хорошо.

Но особые отношения сложились у Симкина с Ипполитом. Ипполит учился уже в старших классах гимназии. Начитанный, любознательный, способный ученик, он имел много друзей, отличался высокой степенью организованности. Черпал знания из книг богатой библиотеки гимназии, а также посещал митинги, собрания, активно общался со старшими товарищами. И в этом плане незаменимым собеседником, источником идей и опыта был Симкин. Их обоих особенно занимали политические темы. В то горячее время они были, естественно, самыми актуальными и обсуждались везде. Особого накала беседа достигала, если в спор вступал отец, не понимая, как можно жить без царя. Все-таки 50 лет его жизни прошло при царе-батюшке. Не сказать, чтобы он так уж любил царя. Монархистом он не был. Просто борьба с повседневными нуждами за кусок хлеба не оставляла ему времени на приобретение политической грамотности. Он не понимал, что же будет дальше, что же еще даст революция, что придумают и реально будут воплощать в жизнь большевики вместо царя. Где его и миллионов людей место в этой новой жизни?

Открыли доступ в усадьбу Балашова. Находилась она в чудесном парке. На берегу реки стояли трехэтажный дворец, двухэтажная людская и театр. В людской открыли гимназию, а во дворце, в правом крыле, — библиотеку, клуб и детский сад. Дворец охранялся государством.

Семья Притыцких переехала жить в здание гимназии, где получила три комнаты. Стало свободнее, просторнее, детям раздолье, спят уже не по двое, а каждый на своей кровати.

Какое удовольствие получали дети, когда отправлялись по тесным, сырým господским подвалам. Тут и поиски кладов, и желание встретить привидение, и укромные места, где можно было спрятаться от «бандитов», «беляков», «леших» и еще невесть от кого. Ну, чем не сказка?

Революционные перемены отцу пришлось по душе. Это уже были не теории, не абстрактные рассуждения, споры с Ипполитом и Симкиным, а реальность: землю бесплатно отдали крестьянам, а фабрики — рабочим, и это было понятно уму и близко сердцу крестьянина. Он активно включился в новую жизнь. Помогал советской власти, вместе с другими восстанавливал мосты, ремонтировал дороги, вывозил лес, участвовал в субботниках, чинил красноармейскую одежду.

Казалось, все хорошо. Тем не менее отец тосковал по родным местам, хотя и пытался скрыть это, особенно от жены. А мама, чуткая, внимательная, все замечала и нередко спрашивала:

— Не можешь забыть Гаркавичи? Тоскуешь? А что мы там видели хорошего?

Чтобы не волновать жену, он часто отмалчивался. Перед глазами же — дорогие, любимые места, старая верба у калитки и молодая рябинка у ворот родного двора, вишни в конце огорода да пышно цветущие яблони и груши в большом саду. А еще тропинки, по которым они гуляли с Наташей, вьются и вьются бесконечно и во времени, и в пространстве.

— Здесь красиво, — бывало, скажет в такие минуты отец, — но наших с тобой дорожек нет.

— Царь правил везде. И там и тут. Было много горя. Но теперь здесь власть своя, а что там?

Ну, что можно возразить? Права Наташа. Только тянет его домой, ноет сердце, мечутся мысли между прошлым и будущим.

Не раз, после того как уложат детей спать, они часами сидели под липами, мысленно возвращались домой. Снова и снова перед глазами вставали картины прошлого. И вспоминалось чаще хорошее, радостное. Родина манила их, ясно виделась их молодость, красота в родном краю. В такие вечера ничто не пугало Наташу своей неизвестностью, не предвещало трагизма.

А жизнь шла своим чередом. Ипполит в 1920 г. окончил гимназию, готовился к службе в Красной Армии, а пока помогал родителям по хозяйству. Симкин с Ипполитом решили создать новый театр в помещении бывшего господского театра. Никто его не содержал, никаких финансовых вложений не было, все держалось на энтузиазме: сами актеры, режиссеры, художники и би-

летеры. Хорошо, если кто-то умеет рисовать, делать декорации, имеет представление о сценическом мастерстве. У наших «театралов» были таланты на все. В конце 1920 г. театр заработал.

В канун нового, 1921 г. шел очередной спектакль. Вот уже три часа в неотапливаемом помещении сидят зрители в валенках, тулупах. На улице трескучий мороз. А молодые актеры не замечают холода, в костюмах, соответствующих спектаклю, они вдохновенно играют. Ипполит, по-видимому, играл этот спектакль будучи уже больным. Утром у него поднялась температура. На третий день пришел фельдшер, поставил диагноз — воспаление легких. Лекарств не было. Воспаление перешло в быстротечную чахотку. Главная опора и надежда всей семьи, способный ученик, любимец учителей и товарищей, Ипполит на 20-м году жизни угасал, в полной мере сознавая неизбежный исход. Как-то утром Ипполит позвал к себе родителей и сказал:

— Вот и все. Я через несколько минут умру. Возможно, я причинял вам много забот, беспокойства, а теперь — горе, но вы не обижайтесь на меня. Я этого не хотел.

Отец говорил, что после этих слов мать упала на кровать и впервые зарыдала вслух. А Ипполит положил свою руку на ее голову, ласково погладил и сказал:

— Мамочка, не убивайтесь. Вам нужны силы. Нужно растить младших. Я Вас очень, очень люблю.

До отца никак не доходило, что это прощание навсегда.

Спокойно, взвешивая каждое слово, Ипполит сказал Наде и Саньке:

— Прощайте.

Маленьких Сережу, Любу и Леночку нежно погладил уже холодеющей рукой, глубоко вздохнул и закрыл глаза. Как рассказывал Сережа, он впервые увидел, что по щекам отца катились слезы и терялись в его курчавой бороде.

Похоронили Ипполита рядом с могилами бабушки Пелагеи и маленькой сестренки Олечки (грудного ребенка), умершей годом раньше.

1921-й год. На юге России — голод. Ему предшествовала засуха на Украине, в Поволжье, в других регионах. Вскоре голод пришел и в Пензенскую губернию. Мама и Надя получали грошій. А отцу Ведомство просвещения месяцами вообще ничего не платило. Семья голодала. Мама снаряжала Сережу за березовыми сережками, чтобы, добавив муки и картошки, испечь хлеб. В шесть лет Сережа пошел в детский сад, а в семь — в школу. Иногда директор гимназии, где отец работал сторожем и истопником, подкармливала Сережу, который забегал к отцу. А он оставлял кусочек хлеба, чтобы принести маме.

Трудолюбивая по натуре, мама вела домашнее хозяйство практично. Дети, глядя на мать, тоже старались внести свою лепту.

— Как жить дальше? — обеспокоенно спрашивала мама отца. — Мы-то кое-как перебьемся, а дети? Их-то жалко.

— Ничего, вытянем, — успокаивал ее отец. — Одному сошью полушубок, другому перелищую пальто, третьему поправлю тулуп. Глядишь, мешок муки будет.

Отец как мог старался облегчить постоянную борьбу жены с нуждой. Мама знала, как трудно даются отцу заработки. Мягкая, добрая, она молча сносила все чаще срывающиеся с языка отца обиды на жизнь, на судьбу, на всех и вся. А он все чаще заговаривал о возвращении в Гаркавичи. Рисовал такую заманчивую картину жизни на родине, что устоять было нелегко.

К чисто житейским, семейным причинам необходимости возвращения домой отец приводил и политические доводы: мол, с Германией заключили мир в Бресте и с Польшей в Риге. Нет войны, а здесь голод. Что нас здесь держит?

Мама не хотела прерывать учебу детей в школе, пускаться в далекий путь, неизвестно куда и зачем. Да и могилы детей не отпускали ее.

Теперь трудно сказать, как сложилась бы судьба нашей семьи, если бы не опустошающий голод в Советской России в 1921 г. В Пензенской губернии, когда настал голод, даже коренные жители тех мест покидали свои дома, уезжали кто куда. Многие поехали в Сибирь, где были свободные, необжитые земли. Взвесив все, тысячу раз передумав, пролив немало слез, мама уступила настоятельному желанию мужа, согласилась на возвращение в родные места. К весне все было готово к отъезду: куплена лошадь, сэкономлено несколько фунтов сухарей, полпуда (8 кг) муки и пуд (16 кг) соли.

До Пензы добрались благополучно. Вместе с нашей семьей ехали домой тетя Мария с сыновьями и Алексей Боровик с семьей. Жгли костры, вели беседы, что-то вспоминали, мечтали. Но вот заболела Леночка — младшая дочь, голубоглазая, светло-русая девочка четырех лет. Протяжный кашель, тихий детский голос: «Пить, пить». Нужно молоко. А где его взять? Решено, что Сережа и Леня, сын тети Марии, пойдут просить подаяние. Чего только они ни наслушались от крестьян: обидные слова, упреки, угрозы. Если и дадут чашку молока, то с криком, оскорблениями. Леночка же угасала.

А тут Санька заболел дизентерией. Чем лечить, к кому обратиться за помощью. Мария как могла помогала. А вот Боровик ночью тайком уехал. Что самое ужасное — увез с собой всю соль. Когда Леночка умерла, мама не плакала. Сережа говорил, что она только тяжело вздыхала. А после похорон упала и пролежала неподвижно сутки.

Пала лошадь. Как без лошади двигаться дальше? Продали все, что можно было, и купили лошаденку. И так доехали до Ельца. Доехали, это громко сказано. Хилая лошаденка еле тащила кое-какие пожитки и больного Саньку.

Но вот новая напасть — милицейские патрули. Куда едешь? Кто такие? Откуда у тебя лошадь? Украд?

Отец говорил, что никогда ему не было так больно и обидно, как тогда, когда его посчитали вором и арестовали. Трое суток прошло, а его не отпускали. На четвертые сутки отец пришел с чекистом. Тот на все посмотрел, обо всем расспросил и разрешил ехать дальше. Не раз по дороге встречались бандиты, но они, как говорил отец, видели, что у нас и взять-то нечего. Есть нечего, а Санька все болеет. В Орле стало ясно, что, если ничего не предпринять, он умрет.

Решили продать лошадь и дальше ехать поездом. Продали ее за несколько миллионов, по баснословным ценам купили в чайной чая и колбасы — пусть дети поедят. Нервы у родителей на пределе. Как ехать дальше? На билет денег не хватит, да и билетов нет. Родители ссорятся. Дети притихли. На путях стоял воинский эшелон. Стали проситься у железнодорожников ехать с солдатами — они не против, но командир — запретил. Санька позже не раз говорил:

— Спасибо русскому солдату, сам бедолага, а людей понимал.

Солдаты, по словам Саньки, на носилках внесли его в вагон и спрятали, а семью посадили в другой вагон. Так доехали до Минска. Молодые парни балагурили, варили в котелках нехитрую пищу и подкармливали Саньку, по-своему лечили его. В соседнем вагоне бойцы делились своей скудной пищей с семьей-попугичей.

Минск встретил Притыцких неласково. Жизнь в городе была сложная, голодная — никакой стабильности. Нет ни запасов, ни денег. Осень. Дети бегали в поле, собирали оставшуюся картошку, затерявшуюся морковину либо огрызок кочана капусты. И так не одни они. В Минске сотни беженцев, возвращающихся в родные края. Требуется пропуск. Какой? Куда, домой? Кто должен дать? Зачем? Все в недоумении. Оказывается, как объяснили беженцам, Рижский договор, подписанный 18 марта 1921 г., не только положил конец войне, но за белорусов и без белорусов решил судьбу целого края и его народа. Решением польского правительства эти земли были разделены на четыре воеводства: Полесское, Новогрудское, Виленское, Белостокское. Деревня Гаркавичи вошла в состав Белостокского воеводства Польши. По социальному составу подавляющей частью населения были крестьяне, в основном белорусы.

Поляки называли присоединенные к ним земли на востоке «Кресы восточные» — восточные окраины. Согласно переписи 1921 г., на этой территории проживало 3 372 134 человека, что составляло 12,5 % населения Польши. 70,5 % из них — белорусы, 11,4 % — евреи и всего 10 % — поляки.

Польское правительство рассматривало эти земли как сырьевой придаток Польши. В принятой в 1921 г. Конституции Польского государства в отношении нацменьшинств было четко записано, что им предоставляется право свободного развития своей культуры, языка. Однако в жизни это право не соблюдалось. По новому избирательному закону, по представительству в правительственных, государственных, даже в муниципальных органах национальные меньшинства были ущемлены. Школы с белорусским языком преподавания, которых было на этой территории около 400, закрывались. К 1938 г. их уже не существовало. Закрыты были и все белорусские гимназии (в Вильно, Радашкавичах, Клецке и Новогрудке). Белорусский язык, бывший во времена Великого княжества Литовского государственным, теперь назывался «мужицким», «хамским» и использовался лишь для бытового общения. О Белоруссии, как географическом понятии, части территории на востоке Польши, вообще ни в каких официальных документах не было и речи. Газеты, выходившие на белорусском языке, если пытались освещать объективно события в стране, запрещались, а авторы и редакторы

подвергались преследованию. Отсутствие школ на родном языке, дороговизна обучения в польских гимназиях и вузах приводили к резкому сокращению национальной интеллигенции.

Нельзя сказать, что правящие круги Польши не понимали значения национального вопроса. Понимали. Особенно это осознавали оппозиционные силы в правительстве, демократически настроенные отдельные политические и государственные деятели. Поэтому они разрабатывали, предлагали правительству разные варианты, пути решения национального вопроса. Периодически, в зависимости от накала национально-освободительных настроений внутри страны или конъюнктуры на международной арене, национальные вопросы обсуждались, но решались лишь на словах, в жизнь они не претворялись.

Имея около 60 % населения крестьян, польские власти понимали необходимость земельной реформы. Однако проводилась она исключительно в интересах крупных землевладельцев, в интересах польского населения. Примером может служить наделение польских военнослужащих (осадников) земельными участками не за счет польского населения, а за счет национальных меньшинств в районах Западной Белоруссии и Западной Украины.

Взамен осадники обязаны были обеспечить порядок, послушание населения «Кресов восточных», стать военно-политической опорой правительства на восточных землях. С 1921 по 1930 г. в Западной Белоруссии поселилось около 5 тыс. осадников. Основную их массу составляли бывшие legionеры Пилсудского, отличившиеся в войне 1920 г. с Советской Россией. Они получали участки лучшей земли в 15—45 гектаров и чаще всего селились на хуторах. Кроме осадников, широко практиковалось переселение гражданских лиц польского происхождения для использования их в качестве чиновников, учителей в целях уменьшения земельного голода в центральной Польше и увеличения польского населения в восточных районах.

Проводилась многоплановая политика ополячивания, окатоличивания белорусского населения. Делалось все возможное, чтобы «заставить белорусов думать по-польски» — как высказывался белостокский воевода Станиславский. Кроме гонения на белорусскую культуру, активно использовались разнообразные меры по наступлению на вероисповедание. Официальной государственной религией в Польше являлся католицизм. Однако исторически сложилось так, что были католики-белорусы и поляки-православные. Существовал один подход к определению: раз ты поляк — значит католик, и раз ты католик — значит поляк. Поощрялось бракосочетание поляков с белорусами, но при этом венчание должно было быть в костеле, принималась католическая вера. Дети, естественно, становились поляками-католиками. В массовом порядке закрывались православные храмы, отчуждались принадлежащая им земля, имущество, православные церкви перестраивались в католические костелы.

Однако не все белорусы могли мириться с таким положением. На протяжении всего периода, вплоть до воссоединения Западной Белоруссии с БССР,

шла непрерывная национально-освободительная, революционная борьба в разной форме, с большей или меньшей степенью накала и активности.

С этим семья Притыцких столкнется позже. А осенью 1921 г., в конце концов, были получены пропуска, и снова — дорога. На этот раз в специальном поезде Притыцкие, вместе с другими беженцами, направлявшимися в Польшу, ехали в Гаркавичи. По указанию польских властей поезд сопровождала походная кухня, было организовано бесплатное питание, проводились митинги с обещанием сытой и свободной жизни. Но на подъезде к границе Польши начались обыски, проверка документов и багажа: а вдруг эти беженцы в своих котомках везут антипольскую литературу, оружие.

На самой границе польские чиновники вели себя вообще непристойно, оскорбительно, бесцеремонно, с вызовом спрашивали:

— Послужили большевикам? Вдоволь надышались воздухом советов? Наелись большевистского хлеба? Как граждане Польши, вы должны ей верно служить и заботиться о ее благополучии. Чем быстрее вы выбросите из головы большевистскую пропаганду, забудете Россию, Минск, тем лучше будет вам.

Уже нет улыбок, митингов, бесплатных обедов. Изменился тон обращения, изменились слова и взгляды. «Вот так нас встречает Родина, куда мы стремились через тысячи километров, через лишения, невзгоды. А что дальше?» — недоумевали люди.

Только в конце ноября наша семья добралась до Гаркавичей, где ее ожидали новые испытания. Хата сгорела. Даже камни из фундамента были вывернуты. Тот, кто приехал раньше, а может быть, оставался здесь, взяли что понадобилось для хозяйства. Пожалуй, и винить не за что, ведь каждому нужно было выжить.

Дети смотрят во все глаза: «А где же все то, что так красочно описывал отец?» Сад, представлявшийся похожим на сад Балашова, оказался всего лишь в несколько фруктовых деревьев, посаженных в ряд. Отец стоял ошеломленный. Люба и Сережа рассказывали, что мама села на холодные камни и залилась слезами. За что? Почему? Во имя чего такие муки и жертвы? Отец хмурился, смотрел отчужденно. Глаза и щеки резала снежная крупа. А может быть, под ней стекали слезы?

Временно поселились у соседа. Сельчане, кто чем мог, помогали, хотя и сами недавно возвратились и только обустроивались. Эпидемии, болезни не отступали. Когда начались холода, пришла новая беда — тиф. Полдеревни заболело. Не обошла болезнь и семью Притыцких. Хуже всех состояние мамы: истощенный организм слабо борется с болезнью. На ногах только отец и Сережа. Целыми ночами отец просиживал у постелей больных. Чтобы поднять на ноги детей и в первую очередь маму, без которой не справиться с бедой, отец одолжил денег и купил корову. Из ложечки, понемножку поил больных молоком. «Скоро все изменится, — говорил он, — мы заживем хорошо. Снова в доме будут смех, песни, вы только верьте и чуть-чуть помогите мне. Вместе мы выдюжим».

И правда, он своей верой будто вселил в них силы — больные потихоньку стали поправляться. Легче становилось отцу — повеселел взгляд. Можно

немножко передохнуть. Вот поправился Санька. Он теперь — первый помощник отца. Уже на подхвате и восьмилетний Сережа. В глубине двора соорудили сарай, накрыли его соломой, вырезали окна, поставили большую печь с плитой — вполне пригодно для жилья — и перебрались в не ахти какую, но свою «хату». Встала на ноги и мама. И в доме Притыцких стало тепло и уютно.

Правительство Польши практически ничего не делало, чтобы облегчить участь вернувшихся крестьян. Кто как мог, так и выживал. Гаркавичи, как и вся округа, были основным театром военных действий в годы Первой мировой войны. Большинство деревень восстанавливалось медленно и тяжело. Особенно трудно было малоземельным и многодетным семьям, они еле-еле сводили концы с концами.

Отец и Санька, нанимая лошадь, плуг, борону, повозку и одалживая семена, стали обрабатывать свою полоску. Мальчишки рано научились пахать и сеять. Уже умели не только пилить дрова, но и распиливать бревна на доски, складывать сруб, красиво и чисто косить траву. Работали серпом и косой. Саньке, кроме своей домашней работы, приходилось работать по найму. В 14-летнем возрасте он уже ездил за 15—20 километров в лес помочь соседям напилить, вывезти дрова, на току снопы обмолотить. Была работа, нужны были рабочие руки.

Поднималась, крепла молодая поросль Притыцких. И мама повеселела. Потихоньку, как бы исподволь возвращались к ней ее красота, сила, энергия. Отец не мог насмотреться на жену-красавицу, нарадоваться на своих детей. Мама, сделав домашнюю работу, выходила к калитке под старую вербу и любовалась детками, которые под строгим присмотром отца утепляли к зиме хату. Как муравьи, копошились они вокруг новых фруктовых посадок. Мальчишки вошли в азарт: надумали посадить деревья в конце сада, где со временем построят гумно. Это ли не радость для матери! «Вон какие у нас ловкие,

Дом в д. Гаркавичи, в котором жила семья Притыцких до 1939 г.

трудолюбивые дети. Ничего, все утрясется, уляжется. Вот уже и корове Красуле построен отсек. Даст Бог — купим и лошадь. А вчера сосед принес поросенка. Будет все хорошо», — думает мама свою думу, успокаивает себя, не дает сомнениям поселиться в душе. Но как ни изворачивались родители, все труднее становилось сводить концы с концами.

Знакомый портной в Крынках взял в помощники Саньку. Надя и мама пошли на поденную работу к зажиточным крестьянам. Отец портняжил день и ночь. Зимой, когда не было работы в своей деревне, он с Надей уходил на заработки в другие. Не один раз они оставались у зажиточных заказчиков на неделю и больше. Хозяину шили бесплатно за постой и право шить другим сельчанам. Люба вспоминала: «Один хозяин расплатился с отцом за работу маленьким ягненком. Сколько было радости дома, что у них будет своя овца, которая даст детям шерсть на носки и варежки». Восемилетний Сережа стал на два года постоянным пастухом у местного кулака, ведь нужно было вернуть проценты за одолженные у него деньги на покупку коровы.

ВЗРОСЛЕНИЕ

Так в заботе о хлебе насущном текла жизнь в Гаркавичах. Родители всецело были заняты обустройством. Дети им помогали. Отцу некогда было интересоваться, что происходило в мире, в стране, семья, домашние заботы поглощали все его мысли и силы.

А тем временем в Польше, на белорусских, украинских и части литовских территориях, развернулась вооруженная национально-освободительная борьба. К концу 1921 г. на территории только Западной Белоруссии действовало до ста партизанских отрядов. Даже по официальным данным Генерального штаба Войска польского, в 1923 г. численность партизан, действовавших на территории Виленщины, в Полесье, в Налибокской, Беловежской пушчах, в лесах Гродненщины, составляла от 5 до 6 тыс. человек. Партизанское движение возникло как проявление борьбы крестьян против власти помещиков и капиталистов, против присоединения к Польше. Причем самое активное участие в ней принимала молодежь. Наиболее революционно настроенные молодые люди объединялись в подпольные группы, уходили в леса и там создавали партизанские вооруженные отряды.

Во главе таких военных групп, отрядов становились коммунисты, рабоче-крестьянский актив. Партизанское движение ставило своей главной целью изъятие у помещиков земли, осуществление коренных социальных преобразований и впоследствии освобождение Западной Белоруссии и воссоединение ее с БССР. Это находило понимание и поддержку у населения. Большой размах приобрело партизанское движение в начале 1922 г.

В Беловежской пушке обосновался главный штаб партизан во главе с атаманом Германом Шиманюком (Скоморохом). Артист по профессии, Шиманюк

вместе со своей женой не только пошел в ряды партизан, но и возглавил штаб. В руководстве партизанскими отрядами наряду с местными жителями (Ю. И. Балашко, Ф. И. Яблонским, К. Н. Такушевичем, С. Радкевичем и др.) были товарищи, прибывшие из БССР: К. П. Орловский, В. З. Корж, А. М. Рябцевич, С. А. Ваупшасов и др.

Позже, работая над кандидатской и докторской диссертациями по истории Западной Белоруссии, я видела в архивах интереснейший материал о партизанском движении тех лет. Я тогда считала и теперь убеждена, что этот пласт нашей истории ждет своих исследователей и объективного, не конъюнктурного, а правдивого освещения.

А тогда, как вспоминал видный деятель коммунистического движения Польши и Западной Белоруссии Н. С. Орехово в своей работе «Дела и люди КПЗБ», буквально все польские газеты пестрели заголовками: «Кресы в огне», «На Кресах неспокойно», «В Белостоке забастовали текстильщики...», «Восстание на Виленщине...», «Партизанское восстание на Виленщине разливается широкой волной...». Газеты сообщали: «Партизанский отряд в сто человек напал на пограничный город Столбцы, они атаковали здание полиции, заняли почту и железнодорожную станцию, казначейство и тюрьму...», «Вооруженный отряд повстанцев напал на местечко Городок Молодечненского уезда и занял все правительственные учреждения. Вооруженная охрана местечка — полиция и воинская команда, — не оказав сопротивления, в панике разбежалась...», «Партизанский отряд напал на имение графа Замойского в Лунинецком повете, разгромил полицейский участок...» и т. д.

Не редким было явление, когда партизаны предупреждали помещиков о возможности мирного разрешения различных ситуаций. Так, в имении Щаковщина Вилейского повета проходило собрание местных помещиков. Туда пришли партизаны и предупредили собравшихся, что если они будут жестоко обращаться с батраками и крестьянами, то их ожидает участь хозяина имения Вишневка, которого его же крестьяне покарали смертью. И это не единственный случай. О партизане Мухе-Михальском (Мухе) по всей Польше ходили легенды о том, как он переодевался то купцом, то ксендзом, а то и полицейским, встречался с помещиками, осадниками, предлагал им выделить из своего хозяйства скот, инвентарь в пользу вдов, сирот, бедняков. Немало было случаев, когда после посещения помещиков эдаким белорусским «Робином Гудом» те отдавали крестьянам то лошадь, то корову, а то и деньги.

Партизаны написали письмо Пилсудскому, наподобие письма казаков хану. Рассказав о жестокостях, применяемых правительством и помещиками к крестьянам, партизаны выдвинули ряд требований. Чтобы быть уверенными, что требования партизан, а значит, и народа, дойдут до правительства, один экземпляр письма был направлен в Лигу Наций. Национально-освободительное движение находило понимание и довольно активно поддерживалось и в центральной Польше, и в соседней Литве, и особенно в Западной Украине, где партизанские выступления были наиболее многочисленными и активными.

Стремясь сломить борьбу белорусских партизан, польские власти усилили репрессии. Прошло несколько громких процессов над белорусскими партизанами. В мае 1923 г. в Белостоке состоялся процесс над 45 партизанами Белосточчины. Суд над второй группой партизан, действовавших также в восточных повятах, известный под названием «Процесс 72-х», состоялся в Гродно в 1925 г. Только в 1923 г. в Польше было приговорено к смертной казни 109 человек. Большинство из них — партизаны из Западной Белоруссии и Западной Украины — Волыни.

Для подавления выступлений белорусских партизан польское правительство широко использовало регулярную армию, и в первую очередь кавалерийские части. В 1925 г. на территории Новогрудского воеводства, где особенно активно действовали повстанцы, было введено осадное положение. Только в апреле 1925 г. здесь было арестовано и брошено в тюрьмы 1400 человек. В это же время в Полесском воеводстве, как сообщали польские власти, было арестовано около 1400 подпольщиков, партизан и их помощников. В таких условиях партизанские выступления в 1925 г. были прекращены.

Такова была ситуация в стране и на «Кресах восточных» в то время, когда еле-еле выкарабкавшиеся из тифа жители Гаркавичей обустроивались, возвращались к жизни и в прямом, и в переносном смысле. Крестьянская жизнь шла своим чередом, вот и Надя собралась замуж. Старшему из оставшихся дома детей, Саньке, все очевидней становилась невозможность жизни в бесправии, бедности. Будучи в какой-то степени морально подготовленным к восприятию революционных идей событиями в России, он тянулся к старшим. И как только почувствовал, понял, что в деревне есть люди, готовые к революционной борьбе, стал осторожно, но настойчиво искать с ними связь. Вскоре нашел взаимопонимание по политическим вопросам с односельчанами Петром и Дмитрием Кишкелями, Георгием Костецким. А больше всего его привлекал состоявшийся политик Павел Петрович Волошин. Он родился в 1881 г. в д. Гаркавичи в крестьянской семье, куда вернулся после войны и стал принимать активное участие в общественно-политической жизни.

В 1922 г. в Польше во время парламентских выборов в сейм и сенат прошло несколько белорусов. Они принадлежали к различным политическим партиям и отличались друг от друга по социальному положению. Тем не менее ими в парламенте была создана национальная фракция и Белорусский посольский клуб (БПК). В 1925 г. левая фракция Посольского клуба создала вместе с КПЗБ

А. Притыцкий (слева)
и М. Боровик — члены КПЗБ

и другими революционно-демократическими организациями Белорусскую крестьянско-рабочую громаду (БКРГ), выросшую в массовое общественно-политическое движение, в рядах которого насчитывалось свыше 120 тыс. человек. На то время это была самая многочисленная организация в Европе. Возглавили ее депутаты Бронислав Тарашкевич, Семен Рак-Михайловский, Петр Метла и Павел Волошин. Вскоре Волошин стал членом Посольского клуба и одним из руководителей Громады. Он умел увлечь своими идеями людей. Так, по его предложению при активном участии Костецкого, Кишкеля, Филиновича, Боровика и моего брата Саньки в Гаркавичах и соседних селениях началась борьба за белорусскую школу. Создавались кружки Товарищества белорусских школ (ТБШ). В Гаркавичах, благодаря стараниям посла Волошина, была открыта школа. Правда, не белорусская, а польская. Несмотря на протесты Волошина и возмущения крестьян, школа осталась польской. И это понятно. Уже велась официальная политика ополячивания и окатоличивания белорусского народа. В эту школу пошли учиться Сережа и Люба.

П. П. Волошин сделал много для национально-культурного развития родной деревни. Под его руководством здесь была открыта небольшая библиотека, в которую стараниями посла и активистов Громады и ТБШ поступали книги и периодика на белорусском и русском языках. Санька и другие активисты обходили хаты, разъясняли значение библиотеки и книги вообще, собирали имеющиеся у крестьян книги, журналы и пополняли библиотечный фонд. Минуя строгую цензуру, удавалось иногда пополнять книжный фонд некоторыми газетами и журналами из СССР. За книгами в Гаркавичи приходили крестьяне из других деревень. Вскоре в Суковичах, Пирожках, Острове, Каменке, Крынках стали создаваться свои библиотеки, кружки Громады, ТБШ. И в библиотеках, и у людей дома имелась кое-какая литература на русском и белорусском языках.

Дело в том, что в первый период после присоединения Западной Белоруссии к Польше в Варшаве, Вильно, Ковно продолжала издаваться белорусская литература. Много для этого сделали легально существовавшие на территории Польши Белорусское издательское товарищество, Виленское издательство Б. Клецкина, издательство Я. Станкевича, Белорусский институт хозяйства и культуры, Белорусское научное товарищество, Белорусское католическое издательство.

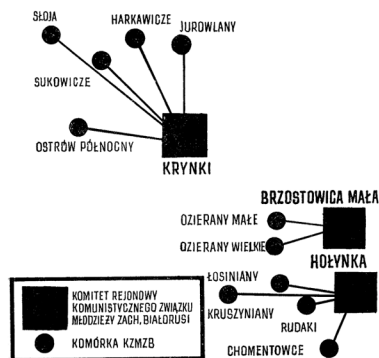
В основном это были учебники, песенники, художественная литература — их издавали общественные либо частные издательства в надежде на то, что если не в государственных, то в частных или подпольных белорусских школах дети белорусов смогут изучать родное слово. Например, печатались на белорусском языке «Хрэстаматыя новай беларускай літаратуры» И. Дворчанина, читанка (хрэстаматыя) «Родны край» Л. Чарняўскай, «Гісторыя беларускай літаратуры», «Хрэстаматыя беларускай літаратуры» М. Гарэцкага, «Беларуская граматыка» Б. Тарашкевича, «Беларускі правапіс» Я. Станкевича. М. Машара, например, опубликовал сборники стихов «Малюнкi», «Смерць Кастуся Каліноўскага», «Напрудвесні», «З-пад стрэх саламяных».

Увидели свет произведения М. Танка: «На этапах», «Журавінавы цвет», «Нарач» и др. Огромную работу проводили издательства г. Вильно: были изданы отдельные работы белорусских классиков начала XX в. В межвоенные годы в Польше увидели свет 27 произведений белорусской художественной литературы, среди которых «Новая зямля», «Сымон-музыка», «У пушчах Палесся» Я. Коласа, «Шляхам жыцця» Я. Купалы. Неоднократно переиздавались «Дудка беларуская» Ф. Богушевича, «Вянок» М. Богдановича и др. Появлялась и общественно-политическая литература, издаваемая Громадой, КПЗБ, ТБШ. Политическая литература, как правило, выходила подпольно. Громадой и посольским клубом «Змаганне» были изданы отдельные работы К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова, И. Сталина. Некоторые из этих книг находились и в гаркавичской библиотеке.

В 1923 г., когда была создана Коммунистическая партия Западной Белоруссии (КПЗБ), началась большая работа по организации коммунистических ячеек по всей территории «Кресов».

В 1923—1924 гг. П. Волошин как член КПЗБ вместе с П. Кишкем, Д. Кишкем, Г. Костецким создали коммунистическую ячейку в Гаркавичах. Активно действовали ячейки в Крынках, Суковичах и т. д. В 1939 г. во время освобождения Западной Белоруссии была обнаружена карта населенных пунктов, «пораженных большевистской пропагандой», составленная сотрудниками дефензивы (охранки). На карте практически не было ни одной деревни в окрестностях Гаркавичей и Крынок, не обведенной красными чернилами. Это означало, что там действовали партийные, комсомольские ячейки, кружки ТБШ, Громады, Международной организации помощи революционерам (МОПР).

Все выступления, будь то в сейме, на митинге, съездах и т. д., Волошин и его коллеги по белорусской посольской фракции использовали для разоблачения антинародной, великодержавной политики польских властей и пропаганды идей коммунизма, национальной независимости. Обо всем этом он рассказывал единомышленникам в Гаркавичах. И наш Санька активно включился в революционную деятельность. Он зачитывался марксистской литературой. В 1923 г. Санька стал членом Компартии Западной Белоруссии. Определенную роль в этом сыграл и тот факт, что еще в Пензенской губернии он вместе со своим братом Ипполитом познакомился с коммунистическими идеями. Санька помнил Октябрьскую революцию и теперь считал за честь состоять в рядах компартии. Павел Волошин, Александр Притыцкий и многие другие их единомышленники были людьми того времени, когда ломались судьбы не только отдельных личностей, но и

Мапа. Комітеты Рэjonовы і кoла КПЗБ.

Карта районных комитетов и ячеек КПЗБ в окрестностях д. Гаркавичи

стран, народов, когда волна коммунистических идей охватила Европу, вовлекая в революционную борьбу тысячи людей, свято веривших, что это и есть путь к свободе, счастью.

Революционная деятельность Александра не осталась незамеченной младшим братом Сергеем. Частые отлучки брата, разговоры шепотом по ночам с проходящими тайком незнакомыми людьми вызывали у Сережи массу вопросов, на которые далеко не всегда он получал ответ. Старший брат, оберегая от слишком раннего революционного взросления Сережу, оттягивал разговоры на серьезные темы — куда ему, еще мальчишка — всего-то 12 лет. А вот книжки почитать — пожалуйста. И Александр приносил книги о советских пионерах, о путешествиях, приключениях. Где брат брал эти книги, Сережа не знал, да и не важно, главное — книги такие интересные, захватывающие. Особенно ему нравились книги о советских детях. Как он им завидовал — они могут учиться на родном языке, отдыхать, участвовать в демонстрациях, всяких пионерских мероприятиях, петь песни у костра, ходить в походы. Он тоже знал много песен. Но не все песни можно петь громко, за них можно получить нагоняй в школе и подзатыльник от отца. Эти первые знакомства с другой жизнью едва не окончились плачевно.

Вместе со своим другом Ваней Костецким они задумали и начали подготовку к побегу. Мальчишкам в 12—13 лет свойственно чувство романтики, мечтательности и такого осознания себя все знающими и умеющими. И наши «робинзоны» начали серьезно готовиться к побегу и не куда-нибудь, а в Страну Советов. Насушили на печке, а часть на солнце сухарей, сэкономили по несколько кусочков сахара, отрезали от скудных домашних запасов по ломтику сала и стали ждать удобного момента. Но неожиданно Ванины родители обнаружили собранные продукты. Естественно, вместо побега — взбучка от отца и серьезный «взрослый» разговор с Александром.

После неудавшегося побега Сережа как-то заметно посерьезнел. Ему, по-видимому, глубоко запали в душу слова отца о том, что своим побегом в СССР Сережа поставит под удар всю семью, что он расстроит маму, у которой полно забот. Да и учиться еще надо, чтобы больше знать, уметь и приносить пользу людям. И Сережа сделал для себя вывод: чтобы ускорить это лучшее будущее, он будет учиться и станет еще ближе к Саньке. Он внимательно слушал, когда ему, да и всем домашним, в редкие свободные вечера Санька читал вслух или рассказывал об обстановке в стране и мире.

Учился Сережа легко, мечтал после окончания школы в Гаркавичах продолжить образование в Виленской гимназии. Однако жизненные обстоятельства продиктовали иное решение. В то время обучение в гимназии стоило 900 злотых в год, а корова стоила 250—300 злотых, пуд ржи — 2,5—3 злотых. Следовательно, как напишет потом Сережа в своих воспоминаниях: «Крестьянину, чтобы послать своего сына или дочь в гимназию, нужно было продать 2—3 коровы или 300 пудов ржи. Ясно, что он при всем своем желании не мог этого сделать. Вот почему большинство белорусского населения в Польше имело образование 3—4 класса».

Наша семья тогда только рассчиталась с долгами за корову. А надо было как-то и лошаденку купить. Опять Сережа пошел в пастухи, а Санька — в сезонные рабочие. Люба вспоминала, что, когда она была еще подростком, мама рано утром, чуть небо посветлеет, будила Сережу, и тот бежал к хозяину, чтобы выгнать десяток коров да табун лошадей на луга. А чтобы на пастбище не уснуть, не впустить коров на чужое поле, Сережа должен был беспрерывно ходить. Мама уже не ложилась спать, стояла под вербой, смотрела в сторону гая и думала свою горькую думу: «Детки мои, куда мы вас привезли? Что ждет вас? Учиться бы тебе, сынок, а ты пастух». А когда Сережа запоет своим чистым, звонким голосом — слеза сама льется.

Если песни смолкали, значит, Сережа опять какую-то книгу взял с собой на пастбище — читает. А он и читал, то книгу, то газету — особенно любил читать «Комсомольскую правду», зачитанную до дыр, судя по дате, не вчера напечатанную.

В газетах, которые тайком приносил старший брат, так много было интересного о жизни молодежи в СССР, куда так и не удалось сбежать, о забастовках в капиталистических странах — значит, не одни мы, бесправные белорусы, еще живем в ярме. Были материалы и о созданном недавно Коммунистическом союзе молодежи Западной Белоруссии (КСМЗБ). И Сережа видел себя в его рядах, зная, что в деревне есть комсомольцы, что они устраивают нелегальные собрания, что там читают нелегальную литературу. Он уже не раз выполнял отдельные поручения комсомольской ячейки: то разносил подпольные газеты, разбрасывал или расклеивал листовки, собирал деньги на нужды МОПРа. Но ему хотелось стать комсомольцем.

И, как всегда, он обратился к Александру за советом. А старший брат, по-видимому, руководствуясь опасением за младшего, попытался отговорить его. Ведь он еще слишком молод — худющий подросток. Жизнь подпольщика полна опасности, риска, требует силы воли и духа. Справится ли Сережка?

— Ты хоть немного понимаешь, представляешь себе, что тебя ждет? Там аресты, тюрьма, пытки, побои и издевательства надзирателей, суд и, возможно, длительное тюремное заключение. Ты молод, тебе жить и жить и наслаждаться жизнью.

— Не пугай! Я давно все знаю! — прервал брата Сергей. — Выходит, что я — хуже других, хилый, ненадежный. Хороший друг! А еще брат...

Что мог на это сказать Александр? Ему и приятно, что младший брат растет его единомышленником, вместе с тем с приемом в комсомол сознательно не спешил — пусть поработает на подхвате, наберется опыта, овладеет методами, формами конспирации.

А пока Сереже, действительно, было не все ясно и понятно. Как-то по совету Александра его пригласили на очередную массовку. Местом ее проведения комсомольцы выбрали поляну на опушке небольшого лесочка в 4—5 км от деревни. Сережа пришел и в недоумении смотрел по сторонам — на поляне обыкновенное веселое гулянье: парни и девушки из соседних деревень пляшут под привычную для этих мест музыку — гармошку, барабан и скрипку. «Это такая

Брат Александр Притыцкий

массовка? Подпольная сходка?» — возмущен Сережа. Но подходят и подъезжают группы молодежи из дальних деревень. Уже и поляна мала для пляски. И тут гармонист заиграл «Адвеку мы спалі», и все дружно подхватили знакомую мелодию, затем другую, третью.

Вокруг стояли посты самообороны, но их можно было заметить только со стороны леса — вдруг где-то будет ехать на велосипеде полицай. Организаторы просят ребят петь потише. Пение сменилось выступлениями вожakov местного комсомола, которые рассказывали о классовых противоречиях, о событиях в мире, о новейших документах КПЗБ и комсомола Западной Белоруссии, зачитывали листовки. Тут же поднимались вопросы, касающиеся жизни местной молодежи. Ставились задачи по привлечению ее к более активному участию в общественно-политической жизни края. С тех пор Сережа стал не только участником подобных мас-

совок, но и их организатором. Постепенно он втягивался все глубже в работу нелегальных организаций. Как и у других подпольщиков, у него появилась кличка — «Юрка», и Александр дает ему все более сложные задания. С тех пор братьев связала на всю жизнь крепкая дружба — дружба братьев-борцов.

Неоднократно Сергей подчеркивал, что Александр оказал большое влияние на формирование его сознательности. «Причем, — как он писал в своих воспоминаниях, — это влияние и убежденность самого Саньки базировалась не на теоретических положениях, догмах, вычитанных из книг, листовок, а на реально пережитом и увиденном. Брат хорошо помнил Октябрьскую революцию и те реалии, с которыми столкнулся на Родине в 1921 г. Не случайно Александр в 18 лет (в 1923 г.) стал членом КПЗБ, а через некоторое время и секретарем подпольного Гродненского, потом Слонимского окружного комитета партии. Он мне часто давал читать подпольную коммунистическую литературу. Немало мы проводили с ним бесед о классах и классовой борьбе».

Сережа задавал брату все новые и новые вопросы и ждал разъяснений. Что такое стабилизация в экономике Польши? А что это за депрессия? Как они сказываются на нашей жизни конкретно? И он узнал, что экономика Польши в застое. Положение сильно ухудшилось после майского переворота 1926 г., когда к власти пришел Ю. Пилсудский. Правительство пыталось выкарабкаться из внешних долгов, оживить промышленность, сельское хозяйство, но все это делалось через усиление эксплуатации трудящихся, увеличение налогов, удлинение рабочего дня и снижение заработной платы, особенно на окраинах страны. Различные реформы в сельском хозяйстве — ликвидация

сервитутов, продажа мелкими размерами земли крестьянам (парцелляция), хуторизация — были направлены не на улучшение жизни бедных слоев крестьянства, а на поддержку кулачества, осадников и помещиков. Правительству нужна была надежная опора на селе. А кто там будет верно служить? Конечно, осадники да кулаки. Крестьян можно поставить на колени и таким путем заставить их быть покорными рабами.

— Но наш народ не хочет жить на коленях!

— Вот поэтому и борется.

— Подожди, но я читал, что приход к власти Пилсудского был встречен ликованием, его поддерживали даже коммунисты.

— Да, когда Пилсудский с помощью верных ему военных сил совершил государственный переворот, его поддерживало большинство населения, в том числе и руководство компартий Польши, Западной Белоруссии и Западной Украины. Это произошло потому, что переворот совершался при помощи дезинформации, усиленно распространяемой сторонниками Пилсудского. Они провокационно выдвинули лозунги, близкие и понятные широким народным массам представляли события майского переворота таким образом, что они якобы ставят цель — освободить страну от капиталистов, что несут народу демократию, свободу, независимость. Но первые же практические шаги новой власти показали, чего стоили их лозунги, обещания. И тогда прогрессивные силы страны и, естественно, руководство компартии осудили на своих съездах, собраниях ошибочную линию поддержки Пилсудского, раскрыли истинную суть нового режима и призвали к усилению борьбы с ним. И борьба идет по всей стране.

— Смотри, братишка, в какую мощную организацию выросла наша Громада. Павел Петрович Волошин недавно приезжал, говорил, что в ней уже свыше 100 тыс. человек. Такой многочисленной организации нет ни в одной стране Европы. А ТБШ? А МОПР? Растут ряды и компартии, и комсомола, и пионерских дружин.

Вот такой диалог происходил между братьями.

Народ не смирился с новым режимом. Правда, после подавления партизанского движения на какое-то время массовые выступления в самой Польше, в Западной Белоруссии и Западной Украине несколько сократились. Но это был организационный, перестроечный период, когда компартия призвала народ изменить тактику и формы своей борьбы. На смену вооруженным выступлениям встала задача усиления борьбы в защиту демократии, повседневной политической и организаторской работы в массах. Активизировалась работа за белорусскую школу, язык, культуру, за права политзаключенных и т. д.

Активная антиправительственная работа Громады, послов сейма — членов Громады — не могла оставаться вне поля зрения властей. В январе 1927 г. начался разгром Громады. Для маскировки антибелорусской акции были проведены аресты коммунистов и активистов в Варшаве, Познани, Торуне. Без согласия сейма, в нарушение закона о неприкосновенности послов, были арестованы Б. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, П. Волошин и др. Только

Руководители Громады

Главное правление ТБШ. Председатель Белостокского отделения ТБШ
Г. Ширма (стоит первый слева)

тогда в течение двух дней было арестовано и посажено в тюрьмы более 400 человек. 28 мая 1928 г. окружной суд вынес приговор по делу руководителей Громады и ее активистов, который предусматривал тюремное заключение от 6 до 12 лет.

Расправам подверглись местные организации и независимой крестьянской партии, никак не связанные с компартией, местные организации ППС-левицы, белорусские кооперативы, организации левого крыла профсоюзов.

По согласованию советского и польского правительств в сентябре 1932 г. состоялся обмен между СССР и Польшей группами политзаключенных. На советскую землю прямо из тюрьмы прибыло 40 политзаключенных, видных деятелей КПП, КПЗБ, ЛК СМЗБ, Громады, посольского клуба «Змаганне». После отдыха и лечения все они были использованы на соответствующей их способностям, желаниям работе. П. Волошин стал работать секретарем МОПРа в БССР. Б. Тарашкевич трудился в международном аграрном институте в Москве, заведовал отделом Польши и Прибалтики. Вместе с послами по обмену прибыла в СССР В. Хоружая, которая затем сотрудничала в заграничной редакции КПЗБ и написала под псевдонимом Аlesia Ш. брошюры «За красный Октябрь в Западной Белоруссии» и «Мы — молодая гвардия рабочих и крестьян». И. Дворчанин как филолог работал в АН БССР, И. Гаврилик являлся членом коллегии Наркомпроса, Ф. Волянец — начальником отдела кадров Наркомхоза. А в конце 1930-х — начале 1940-х гг. они были репрессированы «как враги народа, как агенты польской разведки».

ШКОЛА ЖИЗНИ

Угроза мирового кризиса нависла в конце 1920-х гг. По всей Польше, особенно в восточных районах, развитию которых власти практически не уделяли внимания, стала расти безработица. После майских событий 1926 г., разгрома Громады, а затем арестов активистов оппозиционного парламентского блока «Центролев» в стране изменилась расстановка политических сил. Провозглашенный Ю. Пилсудским режим «санации» (оздоровления) получил возможность беспрепятственно проводить через парламент законы в интересах крупной буржуазии и сельской аристократии. С одной стороны, спланивались силы правительственного лагеря, которые все активнее пресекали любые проявления несогласия с официальной политикой. На другом полюсе росло недовольство народных масс, активизировались революционные настроения и выступления. Если правительство Польши до майского переворота делало ставку на зажиточное население в коренной Польше, то новые власти пошли по пути удовлетворения интересов и белорусского кулачества. Правительство искало в нем опору для своей политики в этом сельскохозяйственном районе. И это ему в значительной мере удалось — кулаки встали на сторону властей. Как и в начале 1920-х гг., газеты запестрели сообщениями о массо-

вой безработице, забастовках, отказах от повиновения властям как рабочим, так и крестьян. В этих условиях состоялся I съезд КПЗБ (июль 1928 г.).

На съезде было подчеркнуто, что нужно быть весьма критичными по отношению к действиям «санации» и активизировать усилия по укреплению связи партии с массами. Как отмечал в своем выступлении на съезде представитель Коминтерна В. Г. Кнорин, «вряд ли где-либо найдется компартия, которая превзошла бы их по количеству жертв, больших политических процессов, количеству осужденных». Но и в этих условиях коммунисты и комсомольцы первичных организаций выполняли решения съезда. Как свидетельствуют документы, только в 1929 г. и первой половине 1930-х гг. в Западной Белоруссии произошло около 60 забастовок с участием 45 тыс. человек, в то время как в 1928 г. — 20.

Все теснее связывали свою жизнь с революционной борьбой Александр и Сергей Притыцкие. Санька как военнообязанный подлежал призыву в польскую армию. Можно было найти предлог и уклониться от службы, но это было время, когда в январе 1929 г. на I съезде КПЗБ и на III партийной конференции КПЗБ была выдвинута задача усиления работы в легальных организациях — в профсоюзах, культурно-массовых организациях, рабочей и ученической молодежи. Особое внимание обращалось на усиление антимилитаристской деятельности. Центр тяжести нужно было сосредоточить на работе среди допризывной молодежи. Этот вопрос встал остро в связи с тем, что правящие круги Польши сделали все, чтобы в результате новых выборов в 1930 г. не допустить в сейм представителей из Западной Белоруссии и Западной Украины.

Компартия и демократические, оппозиционные правительству, партии были лишены возможности использовать парламентские формы борьбы за

Организаторы и участники первомайской демонстрации. 1937 г. (д. Гайновка)

права и свободы трудящихся. А в это время Польша, опираясь на реакционные внутренние силы, при поддержке западных стран, усиленно готовилась к войне против СССР. В армии всеми способами насаждались враждебные настроения против «советов». В унисон им антисоветская истерия заполонила буржуазные правые газеты. Активизировались реакционные силы из числа военных. Шла идеологическая обработка солдат и офицеров. Укреплялась проправительственная молодежная организация «Стрелец».

В свою очередь, компартия и комсомол стали издавать нелегальную газету «Поборовец» (допризывник) на польском языке, издавались листовки, обращения к польским солдатам, где разъяснялась антинародная политика правительства по милитаризации страны и подготовке к новой войне.

Службу в армии Санька воспринял как реальную возможность выполнять поставленные партией задачи. Весной 1928 г. он был призван в Войско польское и служил в 81-м полку в Гродно. Вскоре командование полка обратило на него внимание: физически развит, трудолюбив, службу несет исправно, от трудностей солдатской жизни не уваливает, знает польский язык, грамотный. С такими данными ему быть офицером. И решено было направить его в школу подхорунжих (младших офицеров). Перед отправкой его отпустили в отпуск домой на восемь дней. К этому времени он уже был секретарем местной комсомольской организации.

В военной школе много времени отнимали строевая подготовка и учебные занятия, но постепенно, познакомившись с курсантами, Александр начал пропагандистскую работу: одним расскажет о положении в стране, дру-

А. Притыцкий (стоит первый слева) в школе младших офицеров Войска польского. Вильно, 1927—1928 гг.

гим — об Октябрьской революции и жизни в СССР. Как ни соблюдал он осторожность, но начальство школы, присматриваясь к курсантам, изучая кандидатов в офицеры, выявило, что он ведет агитационную работу среди солдат. А тут из военкомата, по запросу из школы, пришло сообщение, что Санька был одним из организаторов и активным членом кружка ТБШ. Александр Притыцкий оказался «неблагонадежен», и его направили дослуживать охранником в Вильно в тюрьму, которая была расположена на Антоколе.

Посылая Александра на службу в тюрьму, начальство школы надеялось, что близкое знакомство с порядками в тюрьме остудит горячую голову Притыцкого, отобьет у него охоту к «красной агитации». Однако Александр службу использовал в интересах дела, ради которого он шел в армию: налаживал связь с политзаключенными, выяснял их нужды, организовывал оказание материальной и консультационной помощи. Но тюрьма есть тюрьма — недоверие, слежка, особенно за новичками. И вскоре тюремное начальство заметило, что новый охранник ведет себя подозрительно — слишком часто останавливается у отдельных камер, задерживается на работе. Так как прямых улик у них не было, решили избавиться от Притыцкого — «от греха подальше». Александра уволили, благо, что подошел конец службы в армии, и он вернулся домой.

Отец был этому очень рад — дома появились еще одни рабочие руки, и Санька с охотой погрузился в хозяйственные дела. С отцом и Сережей они то пашут, то строят. А тем временем Санька восстановил связь с товарищами, включился в организацию массовок, создание новых партячеек, доставку для них литературы.

Все чаще и настойчивее брат Сережа заводит речь о комсомоле. Мечта о комсомоле, ожидание приема рождали у Сережи особый настрой, ощущение чего-то праздничного, радостного. Он часто вспоминал ту весну, а когда рассказывал, глаза его теплели, загорались: «Весна была в разгаре, казалось, природа в унисон нашим настроениям жила радостным сиянием. Нас окутывала рождающаяся зелень, пение птиц, теплый весенний воздух. Лежим мы на лесной полянке с товарищем. Шумит лес, деревья тихонько покачиваются; смотришь в небо, и мысли уносятся в тревожную даль. Сердце переполняет радость. Мы дождались, заслужили, нас будут принимать в комсомол». В 1930 г. Сергей вместе с Г. Костецким и Н. Кишкем стали комсомольцами.

В Москве работал Коммунистический Интернационал Молодежи (КИМ). Наши комсомольцы знали о нем и так же, как советские комсомольцы, называли себя «кимовцами». Из Страны Советов, через границу, запреты цензуры, комсомольцы получали газеты, подпольную литературу, тексты новых песен о революционной борьбе, о комсомоле, о КИМе. Это было время особого состояния в обществе, когда все, казалось, дышало борьбой с несправедливостью, манило в неведомое, звало идти вперед. Верили, что КИМ закладывает основу будущего нового общества, прокладывает путь грядущим поколениям.

Молодежь Западной Белоруссии, охваченная пафосом борьбы, начала поиск своего места в этой борьбе и в жизни. Естественно, не все сразу находили широкую дорогу, по которой можно и нужно было идти к победе. Но мож-

но смело утверждать, что тот, кто вливался в этот бурный поток революционных дерзаний, кто был охвачен революционным пафосом и романтикой, — был непоколебим. И не только в Западной Белоруссии, Польше, вообще это было время брожения, веяния революционных бурь во всем мире.

Из гущи деревенской молодежи поднимались еще «зеленые» мальчики и девочки, готовые в любую минуту постоять не только за себя, но и за свой народ, за весь мир. И коммунисты, и комсомольцы жили, дышали атмосферой надвигающейся мировой революции. Шли они разными тропами к единой дороге, несмотря на индивидуальные склонности, характеры, но каждый из них и все вместе сознательно подчинялись воле своих партий, которые воплощали в себе цели и задачи, определяли стратегию и тактику революционной борьбы в достижении победы мировой революции. Конечно, на этом пути были ошибки и невероятные трудности. Были и падения и взлеты как в судьбе каждого, так и в борьбе в целом. Но они шли, звали за собой других, помогали прозреть заблуждающимся, поддерживали сомневающихся.

Сегодня, с высоты опыта, из времени переосмысления удач и ошибок, мы видим, что, как и все коммунистические движения мира, Коминтерн и КИМ, революционную борьбу Западной Белоруссии не обошла стороной «Детская болезнь левизны...». Но тогда вера в победу мировой революции перерастала в революционную самоотверженность. Без этого, по-видимому, невозможно было противостоять белому террору, наступлению фашизма. Чем еще, как не самоотреченностью, можно объяснить массовое движение добровольцев всего мира через самые строгие запреты, границы, угрозы рвущихся в борющуюся с фашизмом Испанскую Республику? А что двигало Н. Дворниковым, уроженцем Гомеля, уехавшим в Западную Белоруссию и возглавившим ее комсомол, а потом в Испании в горах Эстремадури сложившим голову за свободу испанского народа? А что заставляло Веру Хоружую с огромным риском для жизни переходить границу и в Польше помогать своим «братьям» в их борьбе за свободу. В борьбе с фашизмом она отдала свою жизнь.

Не укрылись от отца подъем настроения и деловитости Сережи, частые отлучки из дома Саньки. Опасаясь за их жизнь, сожалея, что дома от сыновей все меньше помощи, отец не раз им в сердцах выговаривал: «Вам, что, других дел нет, как политикой заниматься? Видно, надоело быть на свободе, в тюрьму захотели? Сами лезете в петлю. Подумали бы о нас с матерью да о младших и как лишний злотый заработать».

Ну что братья на это могли возразить? Отец по-своему был прав. Жизнь подпольщика — постоянный риск. Это жизнь, когда требуется отдавать себя всего: и мысли, и силы, и время. А быт? Неустроенность, постоянные дороги, ночевки где попало, хорошо, если в чьем-нибудь гумне, а часто — в копне сена, в лесу. «Но если не мы, то кто же? Младшим нужно жизнь добыть лучшую, чтобы у них было счастливое детство, юность, чтобы они учились, а не остались пастухами, батраками, зависимыми от прихоти помещика, кулака, — пригорюнившись, думали братья. — Только вот маму с отцом жалко, трудно

им, но подрастают младшие. Вот Любе уже 13 лет, Витьке — 8, растут помощники. Выбор уже сделан».

Услышав беседу отца с сыновьями, за них неожиданно вступилась мать: «Что ты попрекаешь их заработками? Не хуже других живем. Да и дети хорошие. Но у них своя дорога в жизни. Не становись им поперек этой дороги. Мы ведь с тобой их одинаково любим. И если мы не обеспечили им хорошую жизнь, если мы, по нашей глупости, уехали из России, привезли их на эту каторгу, то не мешай им. Пусть они сами борются за свое и наше счастье».

Тут уж отец не стерпел. И свой взрывной характер, свой гнев обрушил на жену: «Ну что ты вмешиваешься, что травишь душу? И без того тошно». Увидев же ее недоуменный взгляд, уже тихо, спокойно снова заговорил: «Да разве ж я против... Но как отец я должен их предостеречь, чтобы не лезли на рожон. Пойми, Наташа, я боюсь за них».

Александр совсем мало бывает дома — он секретарь Гродненского окружного комитета партии. И Сережа вот-вот улетит, а потом напишет в своих воспоминаниях: «Я страшно мечтал о том, чтобы стать коммунистом, борцом за лучшую жизнь таких же обездоленных, каким был сам. В 1930 г. по рекомендации партячейки я вступил в комсомол, а через 3 месяца на подпольной районной комсомольской конференции был избран секретарем Крынковского райкома комсомола. С этого дня вся моя жизнь была посвящена революционной борьбе».

Через год, в 18 лет, Сергей становится членом Коммунистической партии Западной Белоруссии. В 1932 г. его, как признанного вожака молодежи и умелого организатора, посылают на подпольную комсомольскую работу. Он является сначала секретарем нелегального Крынковского районного, затем Гродненского окружного комитетов комсомола Западной Белоруссии. А чуть позже — Слонимского ОК КПЗБ. От деревни к деревне, от хутора к хутору шел Сергей Притыцкий, создавая подпольные ячейки партии и комсомола, вовлекая в революционную борьбу десятки, сотни новых борцов. Сережа писал позже: «В условиях неслыханного террора, с тремя классами образования секретарем окружкома комсомола работать было очень трудно. Но там, где не хватало опыта и знаний, выручало классовое чутье и чувство долга и ответственности за порученное дело». В это время у него появилась подпольная кличка «Аркаша».

Громким эхом по Западной Белоруссии прокатилось известие о борьбе крестьян Новогрудчины. Против них были направлены карательные экспедиции, которые разорили десятки деревень. В июле 1932 г. в Новогрудке по приговору Чрезвычайного суда было повешено 4 человека, 5 были осуждены к пожизненному заключению и 44 — на девять лет тюремного заключения.

Пролилась кровь и в д. Новоселки Кобринского повета, и в Супрасле — пригороде Белостока. Во время демонстрации рабочих деревообрабатывающих и лесозаготовительных предприятий Беловежской пуши также дело дошло до кровавых столкновений с полицией. Против жестокого социального и национального гнета выступили такие видные польские писатели, как Ванда Василевская, Леон Кручковский, Владислав Броневский.

В 1933 г. в Германии к власти пришел Гитлер. Рядовые граждане Польши сразу распознали агрессивность фашизма, смертельную опасность для польского народа, для национальной независимости страны. Польская же реакционная буржуазия и помещики, правительство приветствовали фашистскую идеологию, в которой так ярко сквозила ненависть к коммунизму, к Советскому Союзу.

Тем временем над Сережей сгустились тучи. Его активная деятельность не могла долго оставаться незамеченной охранкой. Он находился на полулегальном положении. По заданию ЦК партии должен был установить контакт с подпольщиком Александром Кишкелем, который после восьмилетнего тюремного заключения вышел на свободу. Очень нужен был в рядах борцов этот опытный, закаленный жизнью и тюрьмой товарищ.

По дороге к Кишкелю в д. Озеры, — как вспоминал бывший секретарь ЦК КСМЗБ С. Анисов, — в районе д. Индура Сережа встретился с инструктором ЦК «Шурой» и другими товарищами, с которыми они обсудили вопросы, касающиеся предстоящей конференции окружной комсомольской организации. А в доме Кишкеля его уже ожидала засада. Так, 3 мая 1933 г. Сережа был в первый раз арестован. В полицейском участке его избили до неузнаваемости, пытаясь получить признание, куда и зачем он шел, и отправили в гродненскую тюрьму, где подвергли жестоким пыткам, как свидетельствует фотография того времени в трех ракурсах: анфас и профиль с левой и правой стороны лица. На ней измученное, исхудалое лицо, один глаз заплывший.

Сережа вспоминал: «На вторые сутки меня снова пытали, потом с закованными руками и ногами отвезли в Берестовицу на опознание, где я, за два дня до ареста, выступал на митинге. Здесь пытали на протяжении пяти дней,

С. Притыцкий после пыток в гродненской тюрьме. Май 1933 г.

требуя нужных им признаний. Из Берестовицы, не добившись успехов, отвезли снова в Гродно, в дефензиву, где снова подвергли пыткам. Снова безрезультатно. Посадили в гродненскую, известную в то время суровостью режима, тюрьму. Но посадили не с политическими, а с уголовниками. Я был так сильно избит, что в камеру с политзаключенными тюремщики побоялись посадить, опасаясь протеста, политических акций против зверств дефензивы». Надо сказать, что у уголовников проявилось чувство сострадания, и они пытались как-то помочь ему выжить, облегчить муки. К политическим он попал лишь три месяца спустя, когда немного пришел в себя, затянулись раны, поблекли синяки.

У дефензивы остались невыясненные вопросы: «Куда и зачем шел? Ты организовал митинг? Кто организовал совместную обработку поля арестованного Кишкеля? Кто собирал средства для политзаключенных в деревнях Юровляны и Гаркавичи? Кто проводил конференции, вывешивал флаги?» Благодаря тому, что Сережа ни в чем не признавался, а вещественных доказательств у них не было, почти через полгода его отпустили под надзор полиции.

Люба вспоминала: «Осень. Из сада все убрано. В наших местах в конце октября уже завершаются полевые работы. Поля опустели. И тут приходит Сережа. Где был? Почему долго не приходил? Дома не знает никто, кроме Саньки, где он был. Весть облетела деревню молниеносно. Молодежь, взволнованная, радостная, заполнила хату. Вопросы, вопросы и вопросы. На них нужно отвечать. И Сережа отвечает. Ему есть что рассказать своим односельчанам, единомышленникам, друзьям. Да и вид его говорил сам за себя. И без слов было ясно, в каких переделках он побывал. Но не уймешь любопытства друзей...

— Сережа, били? Пытали?

— Да, били, пытали, как только могли. Садизм, мерзость — вот лицо палачей. После одной экзекуции, — рассказывал Сережа, — челюсть на боку, боль адская. Но с какой деликатностью, шляхетской церемонностью, вы бы видели, ставят передо мной стакан сметаны, булку с маслом. «Ешь». Это со свернутой челюстью... Не сдержался. Нечеловеческим напряжением всю ненависть зажал в кулак, которым сшиб все со стола.

— Ах, так, значит, есть в тебе еще сила?

И снова пытки, после которых уже подняться нет сил».

Эти разговоры нужны были молодежи, чтобы готовиться к любым испытаниям. Возбуждение, возгласы гнева, возмущения. И Сережа разгорячился. Но, кажется, кто-то стукнул дверью. Это мама поставила подойник. И в комнате раздался заразительный смех Сережи. Так только он мог смеяться. Начались шутки, прибаутки, все улыбаются и не могут понять, что с Сережей, почему он так резко поменял течение беседы. А он чуть слышно прошептал: «Мама». Все стало ясно — она не должна всего этого знать. Ей не покажет Сережа ни синяков, ни ран, он ее будет беречь. Кто знает, какие еще испытания выпадут на ее долю, что приготовит судьба ей и ее детям-революционерам.

Не прошло и недели, как у калитки зазвенел звонок велосипеда — традиционного транспорта польских полицейских. «Ну, как себя чувствует коммунист? Чем занимается? С кем встречается?» — заученные трафаретные фразы надменных прислужников власти. И, естественно, советы быть благонадежным, никуда не ходить, беречь свое здоровье и родителей. А в итоге — распоряжение: каждый четверг приходить в Крынки в «пастарунак» (полицейский участок) отмечаться, ведь он поднадзорный.

Санька тоже был на полулегальном положении, и работы у него в округе было очень много, но он старался выкроить часик-другой, чтобы поговорить с братом, поддержать его, хоть немного остудить горячность. Но где-то через полтора месяца Сережа в среду вечером, накануне очередного похода в Крынки, сказал старшему брату: «Все, больше я туда не пойду, баста, хватит».

Долго сидели братья, не зажигая огня, зимним вечером. Кругом тишина, лишь изредка заскрипит снег под ногами редкого прохожего да дворняги лениво проведут перекличку. Снова обсудили и условия жизни подпольщика, и отрыв от семьи, и все отсюда вытекающее. Как более опытный, подготовленный революционер, за плечами которого уже немалый стаж конспиративной комсомольской и партийной работы, длинные, пешком исхоженные сотни лесных тропинок и полевых дорог, Александр напутствовал младшего брата. Как родное дитя, с болью, тревогой и надеждой отправлял он его в водоворот революционных бурь.

В ночной тиши слышны только еле сдерживаемые вздохи матери. Чувствует она, что один из ее птенцов, едва «встав на крыло», улетает из родного гнезда. Куда? Как надолго? Чует ее сердце — навсегда!

Полиции очень хотелось найти улики, доказательства революционной деятельности Притыцких, и она применяет типичный прием — провокацию. Перед праздниками 1 Мая и 7 ноября, как правило, проходили массовки, вывешивались красные флаги, транспаранты. Причем комсомольцы-подростки соревновались друг с другом, стремились вывесить флаг повыше, в самых людных местах. За три дня до 7 ноября 1933 г. к нам в дом явились несколько полицейских и начали обыск без понятых, без ордера и даже без присутствия хозяина. Их цель — найти вещественные доказательства антигосударственной деятельности Притыцких. А раз доказательств нет — нужно сделать, чтобы они были. И полицейские подбросили в сени компромат — недописанный транспарант, белую краску и кисточку. Для отвода глаз был сделан обыск еще в нескольких домах. Ничего не найдя, они уехали с полной уверенностью, что нагрянут, когда Сережа и Саня будут дома, и улики их неблагонадежности будут «на лицо».

Отцу показалось подозрительным, что полицейские так скоро ретировались. И он стал внимательно осматривать все места, где они побывали. В сених, за жерновами, прикрытыми мешком, он обнаружил «подарок». Естественно, он все это уничтожил. А через несколько дней, 7 ноября, в деревню приехали около 30 полицейских и сыщиков и снова начали обыски по хатам подозре-

Сестра С. Притыцкого Люба — секретарь подпольной комсомольской организации в Гаркавичах и Крынках

тельных, с их точки зрения, сельчан, в том числе и, главным образом, у нас, у Притыцких.

Сережа, Санька и Люба в это время были на сходке партячейки в Крынках. Люба освободилась раньше и ушла домой. На дороге ее встретил комсомолец Геннадий Нестерович и рассказал, что на всех дорогах, ведущих в Гаркавичи, дежурят ребята, чтобы предупредить о засаде дома. Санька домой не пошел, и с этого момента он окончательно ушел в подполье. Сережа накануне получил повестку явиться в дефензиву в Соколку. Ясно, что его снова хотят арестовать, и он тоже ушел на нелегальное положение. «С этого момента, — напишет позже Притыцкий, — началась новая жизнь профессионала-революционера».

Уже находясь на нелегальном положении, он был одним из организаторов и руководителей стачки лесных рабочих в Ружанской пуще. После ее победного завершения в январе 1934 г. ЦК КПЗБ перебросил Сергея в Слонимский партийный округ для руководства аналогичной стачкой. К этому времени он был членом окружного комитета комсомола в Слониме.

В Гродненском историко-археологическом музее на стенде, посвященном революционному движению, есть материал о стачке лесных рабочих в Белостокском воеводстве 1934 г. Художник М. Опенок с большим мастерством воссоздал в диораме стачку, которой руководил С. Притыцкий. Много интересного материала о КПЗБ и Притыцком тех лет находятся и в школе № 4 г. Слонима. Студенты Минского педуниверситета во время звездного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы в феврале 1973 г. под руководством комиссара отряда Г. Корзенко собрали весьма интересный материал, сделали много фотоснимков. В частности, они встретились с Верой Григорьевной Искрик, у которой на квартире неоднократно останавливался С. Притыцкий будучи секретарем окружкома.

Подпольщикам не всегда удавалось найти ночлег. Тогда, несмотря на время года и погоду, они вынуждены были ночевать в лесу, в стогах сена, в поле. Так было и с Сережей. Готовя забастовку лесных рабочих, он простудился, заболел воспалением легких, но не хотел уходить в деревню. И только после окончания стачки он перебрался в д. Чемера недалеко от Слонима, где местные комсомольцы лечили его народными средствами. Здесь 28 апреля 1934 г.

его снова едва не арестовали. Но, предупрежденный товарищами, сумел уйти от полицейских.

То время, события, связанные с Сережей, очень хорошо помнит Алексей Хомчик, главврач санатория «Сосновый бор» под Радошковичами. Родители Хомчика помогали подпольщикам, в их доме была довольно надежная явка. В дни стачек лесных рабочих люди всех близлежащих деревень жили тревогой за бастующих, сочувствовали им и помогали как могли. Хомчик приводит такой пример. Они с отцом поехали в поле за соломой. По дороге довольно быстрым шагом шел молодой парень, по-видимому, спешил. Тут он свернул с дороги на их поле и быстро проговорил: «За мной гонятся полицаи. Спрячете?» Отец не раздумывая ответил: «Полезай на воз, бери вилы в руки, укладывай солому». Вскоре подъехали на велосипедах трое полицейских. Свернув к нам, они спросили, давно ли мы тут. Отец сказал, что давно и вот с сыновьями уже заканчивает нагружать воз.

— А здесь не проходил молодой мужчина?

— А как же, проходил.

— Давно?

— Ну, может, с полчаса. Пошел вон в ту сторону, к лесу.

«Полицейские уехали догонять того, с кем мы не переставая, не обращая внимания на разговоры, продолжали усердно нагружать воз. Позже я узнал, кто так ловко принимал на возу охапки соломы. Не один раз нам доводилось встречаться с Сергеем Осиповичем в те времена», — рассказывает Хомчик.

Угроза ареста буквально шла у Сергея по пятам. Как вспоминал подпольщик А. Анищик, когда они 1 мая 1934 г. скрывались в гумне крестьянина в д. Ёлка, полицейские сидели в засаде под тем же гумном, ожидая их возмож-

«Забастовка лесных рабочих в Слонимском районе.
(организатор С. Притыцкий)». Картина художника М. Опенка.
Экспозиция Гродненского историко-археологического музея

ного появления. В документе, подписанном комендантом Гродненской повятовой полиции, предписывалось всем полицейским участкам собирать сведения, касающиеся революционной деятельности в повете, и в частности, Сергея Притыцкого, есть указания начальника Глубокской уездной полиции о его розыске и аресте.

3 мая Сергея отозвали в ЦК КСМЗБ и направили на учебу в Минск. Домой в Гаркавичи он приехал уже только в ноябре 1939 г. А до этого в судьбе Сережи и у нас произошло много событий.

Проводив Сережу на учебу, Санька вздохнул с облегчением: «Вот и хорошо, что он уехал, хотя бы на какое-то время будет в безопасности. Да к тому же сколько он увидит, узнает полезного». А как хотелось Саньке самому в СССР! Но пока не получалось — много дел было на Родине.

Иногда Саньке удавалось прийти тайком домой. Я была еще слишком мала, чтобы знать, что такое легальное, нелегальное, полулегальное положение, подполье. Но по обстановке в доме я понимала, что о приходе брата никому нельзя говорить. Ни соседи, ни подружки мои об этом не должны знать. Когда он приходил, то окна у нас были занавешены, двери закрыты на засов, разговаривали тихо. А двенадцатилетний Витя находил какие-то дела у калитки, затевал игры, чтобы видеть, кто к нам идет, и подавать сигнал, а тогда уже Санька скрывался на чердаке — в крыше был специальный лаз, через который можно было сбежать в сад либо в соседний двор.

Несмотря на то что я была совсем маленькой, хорошо помню эти приходы брата домой. Нужно было видеть, чтобы так ясно помнить мамины глаза, полные любви, опасения, боли и надежды, какими она смотрела на старшего сына. И Санька как мог выражал ей свою любовь и благодарность и отвечал на ее немой вопрос о Сереже: «Не волнуйся, у Сережи все в порядке. Он жив, здоров. А где — не могу сказать».

После такого короткого отдыха снова работа. Снова дороги. Бывший подпольщик Михаил Васильевич Хвойницкий («Малый») вспоминал: «Мы с Александром Притыцким немало прошли дорог и тропинок будучи в подполье. Не один раз мне приходилось бывать по заданию партии в Гаркавичах, а ему, Александру, — в моей деревне Жабры. И жили мы с одной мыслью: “Если что — живым не сдамся”».

А тем временем в Польше усиливалась реакция. Чтобы задушить революционную волну, правительство применяло карательные экспедиции (пацификацию). Как позже напишет Сергей в своих воспоминаниях, «в деревнях Залесье, Загорье, Сучки, Боровики, Акунинова, Капусты, Русаково Слонимского повета группы полицейских и сыщики врываются в дома, арестовывали жителей. Их жестоко избивали. Причем зверства этих банд тюремщиков не знали границ. Они раскрывали крыши домов, разбивали окна, двери, разрушали печи, опрокидывали посуду с соленьями — капустой, огурцами, высыпали муку, крупу, рожь. Зачастую все это обливали керосином. На далеком расстоянии от деревень были слышны плач женщин и детей, мычание некормленной скотины, страшная ругань полицейских».

Вся Западная Белоруссия была покрыта густой сетью «пастарунков». На каждые 10 км² был создан полицейский участок с 8—10 полицейскими. В каждом повете была дефензива с большим штатом сыщиков и чиновников. По всем дефензивам и полицейским участкам имелось по несколько человек штатных «конфидентов» (осведомителей), не говоря уже о том, что кулаки, осадники, члены польской молодежной военизированной организации «Стрелец» всегда были к их услугам.

В качестве своих осведомителей охранка вербовала в городах сторожей, дворников, проводников поездов, водителей автобусов, на предприятиях — рабочую верхушку, служащих и членов фашистских организаций. На селе довольно активно использовались лесники. Они были вооружены огнестрельным оружием и наручниками. В их обязанности входило задержание и отправка в полицию всех подозрительных, а при их попытке к бегству — стрелять.

Многие помещики по собственной инициативе и на свои средства содержали стражу, в обязанности которой входила слежка и доставка в имение всех подозреваемых. Там их допрашивали, часто истязали, а потом доставляли в полицию.

Польские власти широко практиковали создание «пастарунков карных» (карательных полицейских участков). В деревнях, где, как предполагалось по доносам сыщиков, участковых полицейских, активисты вели подпольную работу, расквартировывались по 50—100 полицейских. Такие деревни объявлялись на осадном положении. Крестьянам запрещалось выходить со двора, выезжать за пределы деревни. Кто нарушал это распоряжение, в того стреляли без предупреждения.

Что такое пацификация, мне пришлось испытать на себе в 6 лет. Живя в экстремальных условиях, воспринимаешь все и запоминаешь с каким-то обостренным чувством, недетским пониманием. Мы так рано выросли! Теперь, глядя на своего шестилетнего правнука Владика, я счастлива, что ни ему, ни внукам и в страшном сне не снится то, что испытала их бабушка, мать.

Помню, были сильные крещенские морозы 1934 г., заснежены поля и дороги, улица — в сугробах. Вечер. Молодежь, в том числе и Люба, гуляла. Старшие и дети уже легли спать. Вдруг прибегает Люба домой и, чтобы нас не будить, шепчет отцу:

— В деревне полиция. Что делать? Может, уйти из дома?

— Запри двери и сиди тихо, — ответил отец.

И вдруг слышим грохот. Ничего не понимаем. Отец выглянул в окно. На улице подвода — там человек, а в дверь ломятся трое полицейских. Силы неравные. Но что же делать? Нужно открывать. Сказав нам быстро одеваться, сам пошел открывать дверь. С криком, пьяной руганью двое полицейских ворвались в дом, третий остался на крыльце, чтобы никто не убежал.

— Где твои сыновья-коммунисты, показывай! — налетели они на отца.

— Я не знаю, где они. Их нет дома. Вам они нужны — ищите.

Тогда пошли в ход резиновые дубинки. Отец отступил в нашу маленькую кухню, с низкой притолокой над дверью. Он надеялся там укрыться от побоев.

Сестра С. Притыцкого Надежда

Но один из полицейских успел заскочить в кухню и стал выталкивать отца в комнату. Другой стал бить его ногой, а потом нагайкой. У отца потекла по лицу кровь. Мы с ужасом смотрели, не понимая, что же это происходит. Когда в очередной раз полицейский замахнулся на отца, я кинулась к нему, схватила за руку и повисла на ней со словами «не бий мэго ойца» (не бей моего отца). Естественно, полицейай в недоумении уставился на меня и с пьяным оскалом выдернул свою руку, стегнул меня нагайкой по голове и снова взялся за отца. Я закричала от боли. Мама кинулась на полицейского со словами:

— Паночкі, што ж вы робіце, чаму вы так з намі паступаеце?

Полицейский размахнулся и ударил рукояткой нагайки маму по голове. Из рассеченного лба потекла кровь. Тем временем Витя пытался вытянуть из кобуры полицейского наган. Почувствовав возню с оружием, полицейский развернулся и хотя пьяный, но сообразил, что мож-

жет произойти, и ударил Витю ногой с такой силой, что тот отлетел к противоположной стене. Люба, не имея возможности выбежать через дверь — там стоял полицейский, — открыла окно и с криком «помогите» выскочила на улицу.

Видя окровавленную маму и ревущих детей, отец, на каком-то, наверное, седьмом, если оно есть, дыхании, схватил полицейских, вытянул из хаты в сени, стукнул их лбами друг с другом и вытолкнул через порог во двор. Затем, сам чуть стоя на ногах, поднял маму, стал успокаивать нас. Тем временем по улице на крики Любы спешили сельчане. Решено было уходить из дома: чего доброго, вернуться полицейские и подожгут хату. Опасения были ненапрасны. Только мы отошли от своего дома, как нам навстречу уже несли отряд конных полицейских. С нами было несколько прибежавших сельчан. Полицейские врзались в нашу группку, нагайками и лошадьми стали нас разгонять. Люди падали, их, лежащих, били. Упала и мама. Отца и Любу оттеснили от нее и били.

Не знаю, что было бы с нами, если бы не пронесшийся в морозной ночи крик: «Притыцких бьют!» С другого конца улицы уже спешили крестьяне, в основном молодежь, с кольями, льдинами. Полицейские были разгорячены не только водкой, но и угаром бойни. Они били не только нас, но и всех, кого встречали, ворвавшись в деревню с криками: «Расходись, коммунистам смерть!»

Односельчане нас отбили, маму, еле живую, отнесли в дом к Наде, остановили кровь, которая все текла из разбитого лба. А тем временем я, в каких-то ботинках на босу ногу и полураздетая (ведь мы уже легли спать), сидела в сугробе, боясь высунуться. Несколько дней мы не могли забрать маму домой. Она была очень слабая, металась в бесспамятстве.

Как выяснилось позже, тогда в Гаркавичах пострадало более 100 человек. Крестьяне написали повятовому прокурору жалобу. Приехали следователи, опросили всех. Потом стали вызывать пострадавших в Соколку. Повестки присылали пострадавшим таким образом, чтобы они приезжали по 1—2 человека якобы для дачи показаний. На самом деле угрозами, запугиванием хотели заставить их забрать свои заявления. Пытались надавить на врачей, чтобы не давали справок о побоях. Требовали приезда мамы в Соколку. Однако домашние ее туда не пустили. Холод, мороз, мама не поправляется. Кое-как собрав необходимые деньги, отец привез из Крынок врача, который засвидетельствовал плохое состояние ее здоровья как результат побоев. Практически мама уже не поправилась.

Ни угрозами, ни обращениями к повятовым чиновникам не удалось заставить крестьян забрать свои заявления. Наоборот, они решили написать в прокуратуру Варшавы и в сейм обо всем, что происходит в повете. В конце концов пришлось-таки местной власти принимать меры к своим чрезмерно разгулявшимся коллегам. Комендант Одельской гмины (часть уезда) Матейка и полицейский Живудский, которые особо зверствовали, были переведены на службу куда-то в центральную Польшу, а полицейский Познаньски переведен в соседнюю гмину — Шудялово. Таким было «наказание» виновных.

Теперь даже трудно верится, что все это происходило на моих глазах, с нами, с моей семьей. Вот материал, опубликованный в то время в информационном бюллетене ЦК КПЗБ за 1934 г. Здесь и запрос белорусских послов в польский сейм о методах и характере пацификации, и описание событий в Гаркавичах, и упоминание о девочке Ире, избитой полицейскими. Значит, все это было, было...

Ни Александр, ни Сергей не бывали дома. Они находились в своих округах: Сережа — в Слониме, Санька — в Гродно. Когда они узнали, что произошло в Гаркавичах, им стало ясно, что показываться дома больше нельзя, и ушли в глубокое подполье — до решения вопроса о выезде за границу.

Весной, по решению партии, Саньке разрешили выехать в СССР. Люба провожала его в Соколку. Мы радовались, что ему теперь ничто не угрожает. Не знали, что «окно» перехода границы закрыто. Явка была провалена. И он вынужден был возвратиться сначала в Вильно, потом в Соколку. А за ним уже была установлена слежка, и при выходе из поезда в Соколке он был арестован.

Непосредственным поводом его ареста явился факт передачи им подпольной литературы члену партии, подпольщице Наде Устилко. Когда она шла в Слоним, ее выследили, арестовали и, естественно, нашли при ней листовки, газеты и другую подпольную литературу. Под пытками она часто теряла сознание и, надеясь, что Александр уже за границей, при очередном истязании сказала, что получила все это от Притыцкого.

Санька, конечно, все отрицал. Ни издевательства, ни побои не заставили его признаться. Его отвезли в Белосток на очную ставку с Надей. Он снова все отрицал. Надя отказалась от своих показаний, заявив, что раньше она их дала под пытками, а с Александром у нее ничего нет общего. Саньку и в Белостоке

били. Месяц за месяцем — допросы, побои, провокации, но ничего не изменило его показаний. Не добившись признаний, не имея на руках ничего, кроме признаний Нади, от которых она отказалась, дефензива вынуждена была через три месяца отпустить его «за недоказанностью вины».

На Гродненщину он поехать не мог, опасаясь слежки. Вместе с Любой и Витей работал в поле, жал скудную рожь, возил снопы, а осенью помогал копать картошку. Немного окреп, поправился. Уже реже можно было видеть его сжатые зубы, гримасы боли, если неудачно повернется или тяжелое поднимет. Но недолгими были спокойствие и тишина в нашей семье. В то бурное время жизнь очень быстро вносила свои коррективы.

Опасаясь нового ареста, Санька вынужден был снова скрываться, а Сережу направляли в СССР на партийную учебу. Перед отъездом он увиделся еще раз с братом. Санька жил в д. Жабры Берестовицкого р-на у Александра и Ольги Сегодников, ожидая отправки за границу. Сережа был на Слонимщине и знал, где скрывается Санька. Как рассказывает Ольга, Сережа пришел и попросил позвать «Володю». Хозяева в один голос заявили, что у них такого нет. Гость показался им подозрительным — хорошо одет, говорит уверенно. Ольга, как будто по своим хозяйственным делам, зашла в гумно и предупредила Саню. Тогда он сказал: «Ладно, ведите его сюда — будь что будет». Хозяева привели Сережу. И когда они увидели, что мужчины радостно обнимаются, опасения отпали. А то, что это братья, они узнали только после событий в Виленском суде.

Насколько неукоснительно соблюдались законы конспирации, говорят и такие факты. Старый товарищ по подполью и тюрьме в Равичах, а позже и близкий друг Сережи С. Шварцман вспоминал, что при встречах с Сережей тот просил передать привет «Володе», а что это его брат, не знал никто. Об этом не знали Н. Гришин и М. Чернявский, не раз бывавшие с ним на митингах, явках. Знали Аркадия, знали Володю, и всё. Они и внешне не походили друг на друга. Сережа был высокий, худощавый, шатен, а Санька — коренастый, несколько медлительный, с русыми, чуть вьющимися волосами. Правда, оба они были голубоглазые и красивые, но каждый по-своему.

В мае 1934 г. Сережа ушел за границу — в Минск на учебу в школе КПЗБ. Через некоторое время ушел в СССР и Санька. Это была последняя встреча братьев перед долгой разлукой, до 1941 г.

ИХ ЖИЗНЬ — БОРЬБА

Отъезд старших братьев как-то сразу осиротил некогда большую дружную семью. Надя замужем, она нет-нет да и заглянет к нам не надолго, спросит, что слышно о братьях, как мама, и бежит домой. Там теперь ее семья, и семья немалая: уже пятеро детей.

А в нашем доме старшим ребенком стала Люба. В школе она училась плохо. На формирование характера влияли и школа, и семья, и окружающая

среда. Она рано стала понимать, что школа, воспитательные мероприятия, проникнутые духом польского национализма и стремлением обучать и воспитывать послушных исполнителей воли своих господ, не вяжутся с реалиями повседневной жизни. Ей было непонятно, почему дети из белорусских деревень учатся в польской школе, почему книжку на белорусском языке, которую принесли старшие братья, такую интересную, такую понятную, нужно прятать, чтобы не видел учитель, почему в школе нужно говорить на польском языке и т. д. Ей хотелось все понять, получить ответы на эти недетские вопросы. А если не находила ответов в школе, то искала их дома, обращаясь к друзьям братьев, которые все чаще приходили к нам тайком.

Мама болела, мы с Витей были еще малые. Любе в пору с подружками на танцы бегать, но ее уделом была работа: летом, осенью — полевая, а зимой — прясть и ткать. Люба иногда ездила с отцом в город продать пуд-два жита (бел. *жыта* — рожь). Там тогда и керосина, и соли, и гвоздей купят, а чтобы нас порадовать — то и сахара, и бублик, иногда и булочку. Тогда наступал в доме праздник. А сколько было радости, когда к большим праздникам отец с Любой привозили нам обновки.

Хотя старших братьев дома уже не было, подпольная работа в доме не прекратилась. Как напишет позже бывший секретарь Алексицкого подпольного райкома КСМЗБ Александр Гришин в «Гродненской правде»: «Хата Притыцких по-прежнему оставалась одним из центров подпольного движения округа». В 1934 г. Люба Притыцкая была уже секретарем местной комсомольской ячейки, а через 2 года, в 1936 г., она — секретарь Крынковского подпольного райкома КСМЗБ.

После братьев у Любы осталась тесная связь с подпольщиками из Берестовицкого и Слонимского поветов. По-прежнему, под прикрытием ночной темноты, в наш дом приходили Михаил Хвойницкий и Вера Соломович из д. Жабры, Аркадий Зданчук — из Эйминцов, Антон Ботян и Аркадий Юрасик — из Ковалев, Михаил Войшалъ — из Каменки. С Верой Соломович у Любы сложились особо теплые дружеские отношения. После войны Вера жила в Бресте, они переписывались и не раз встречались. Позже Люба неоднократно вспоминала эти встречи с нелегалами. Да и после войны многие из них поддерживали с ней контакты.

Безусловно, нужда изнуряла, многому учила, но молодость брала свое. Помню, как собиралась к Любе молодежь на посиделки. Смех, песни, игры и заигрывания. Люба угощает чем может. Очень всем нравились наши груши. Не знаю, как они назывались — у нас их звали «чырвонкі», — очень красивые, темно-красные, довольно крупные. Еще популярным угощением был чуть подсушенный или поджаренный на сковороде горох. Не знаю, может быть, это было вкусно потому, что ничего другого — ни орехов, ни конфет, ни семечек — не было. Не обходились эти посиделки и без политических разговоров, песен, причем часто молодежь прибегала к таким уловкам: пела свои песни на мелодии польских либо религиозных песен.

Мы с Витей старались не причинять больших неприятностей, забот домашним. Но детство есть детство. В нем есть место всему: доброте, ласке, обиде, стремлению самоутвердиться, шалости, задиристости. Это было свойственно и нам. Особенно «отличался» в этом Витька. Рос он веселым, шаловливым, был горазд на выдумки, любил меня подразнить. Я, естественно, в слезы. Тогда отец приводил нас в чувство иногда и ремешком, если уж очень расшалимся. Когда Витя пошел в школу, стал серьезным, но оставался заводилой. Вместе со сверстниками старался сорвать мероприятия, посвященные официальным польским праздникам.

В 1927 г. в Западной Белоруссии возникло пионерское движение. В конце августа — начале сентября во всех странах проводилась «Красная детская неделя». Конец ее совпадал с Международным юношеским днем (МЮД). У комсомольцев Западной Белоруссии уже был опыт проведения МЮД. ЦК КСМЗБ выпустил специальную листовку, в которой говорилось о положении и судьбе детей трудящихся капиталистических стран, в том числе и Польши.

1 сентября 1927 г. Виленская комсомольская организация объявила забастовку детей рабочей молодежи. Не вышло на работу и в школу около 80 % детей. Особенно активно прошла «Красная детская неделя» в Виленской гимназии, где большую помощь гимназистам в их политическом взрослении оказывал издаваемый ими журнал «Золак» (рассвет). Руководство гимназии запретило этот журнал. Тогда стали выходить «Пралеска», затем «Вучнёўскі голас». Власти закрывали журналы, а активистов юношеского движения, таких как В. Тавлай, Ю. Тарасик, Н. Гаврилики, исключили из гимназии. После выступления молодежи в 1929 г. в защиту Громады из Виленской гимназии было исключено и арестовано 47 гимназистов.

Сегодня можно только сердцем почувствовать то время, 20-е гг. XX в., то положение детей и молодежи, постараться понять их настроение, боевитость, обостренное чувство несправедливости, готовность со всем юношеским максимализмом к самопожертвованию. Вслед за Вильно были созданы пионерские организации в Белостоке, на Гродненщине, Брестчине, Слонимщине. Появилась пионерская группа и в Гаркавичах. Ребята с огромным интересом читали молодежные газеты, журналы. Чаще всего Витя приводил пионеров к нам, куда по подпольной почте приходила эта литература. А с 1930 г. стали поступать, особенно востребованные, «Сцяг піянера» и «Голас акцябронка». В 1932—1933 гг. выпускалась, примерно 1—2 раза в месяц, подпольная молодежная газета «Піянер» — орган Слонимского райкома комсомола. На ее страницах рассказывалось о революционном движении молодежи Слонимщины, о борьбе за школу на родном языке. Газета критиковала беззаконие, своеволие полиции, помещала рассказы и стихи местных поэтов и писателей. Люди разных возрастов с большим интересом читали газеты. Ведь там написано было о них, о близких им людях, их жизни и делах. Газеты писали от руки, затем размножали до 100 экземпляров на примитивных, подпольных типографских станках. Газету выпускали в д. Мелькановичи. Редколлегия и весь ее штат — три комсомольца, жители этой же деревни: Владимир Белько,

Антон Бешкаревич и Филипп Маркевич. Белько, исключенный из Виленской гимназии, самостоятельно изучал географию, естествознание, увлекался литературой, писал стихи. Его неоднократно арестовывали и после очередного ареста и пыток, полуживого, отпустили домой, а через несколько дней он умер. Власти запретили односельчанам участвовать в похоронах. Однако ночью друзья отдали последние почести — провели митинг, возложили венок, простились со своим неустрашимым другом Володей.

В отличие от польских детских и молодежных организаций, финансируемых государственными органами, пионерская организация Западной Белоруссии существовала на добровольных началах и могла рассчитывать лишь на пожертвования родителей и белорусских общественных полулегальных организаций. Пионеры активно выступали в поддержку своих бастующих отцов, против разгонов демонстраций, судов над революционерами. Только 23 марта 1934 г. в поддержку бастующих лесорубов и с требованиями открытия белорусских школ состоялось более 600 выступлений детей и молодежи. Особенно активно пионеры и комсомольцы выступали в поддержку акций, проводимых ТБШ. У нас в округе дети знали всех активистов, семьи политзаключенных, оказывали им сильную помощь при уборке урожая, участвовали в сборе денег на МОПР. По собственной инициативе, своими силами решительно выступали против прислужников польской власти, тайных агентов полиции, провокаторов. На домах, где они жили, воротах, оградах пионеры писали дегтем: «Здесь живет полицейская собака — предатель народа», «Позор провокатору» и др.

Нашему Вите шел 12-й год. Ясно, что до взрослой политической деятельности ему еще рано. Но происходящее в семье, где старшие что-то обсуждают тайком, а по ночам приходят посторонние люди, все как будто дышало чем-то таинственным, тревожным, будоражило и привлекало его, и он постепенно через пионерскую организацию начал постигать азы борьбы против польских властей, против попрания национальных свобод и прав. Витя вместе с другими пионерами и комсомольцами к революционным праздникам вывешивал транспаранты, помогал организовывать сходки. Однажды на школьной доске мелом написал: «Няхай жыве Савецкая Беларусь — краіна суцэльнай пісьменнасці», за что был наказан (стоял четыре урока в углу) и предупрежден, что, если еще раз такое повторится, будет исключен из школы. Сегодняшним школьникам трудно представить, какую роль могли играть их сверстники в революционном движении. Сегодня им не понять, почему дети Западной Белоруссии на своих транспарантах требовали для себя 6—7-часового рабочего дня, повышения уровня оплаты труда, введения национальных школ, обеспечения учебниками. Но так было.

Тем временем и я пошла в школу. Санька и Люба учили меня читать по белорусским букварям. Мне так хотелось рано утром вместе с Витей идти в школу, сидеть за партой рядом с другими детьми. И зимой 1934 г., когда мне исполнилось 6 лет, явочным порядком пришла в школу, села рядом с Витей и, дрожа от страха, но полная решимости, стала ждать учительницу. Пани Янина разрешила мне досидеть до конца уроков, но попросила прийти в школу отца.

Назавтра с нетерпением и трепетом я ожидала возвращения его из школы. Он спросил: «Очень хочешь учиться? Так тому и быть — учись. С учительницей мы договорились».

На следующий день с Витей, с его старым польским букварем, ручкой и карандашом я гордо отправилась в школу, которая размещалась в арендованной хате. Всего учеников — четыре класса, одна учительница, поэтому парты поставили в два ряда, занимались в две смены. Когда учитель работал с одним классом, другой класс выполнял ту либо иную работу самостоятельно. Были такие уроки, как пение, физкультура, труд, экскурсии по местности и др. — общие для всех классов.

Оформление класса было очень бедное. На одной стенке висел портрет Ю. Пилсудского, на второй — распятие Христа, и всё. Начинались и кончались уроки молитвой. Все обучение, в том числе и молитва, велось на польском языке, правда, уроки Закона Божьего проводил православный священник. Интересными были уроки краеведения. На уроках географии, истории и природоведения мы изучали свой край, сначала свою деревню, потом гмину, потом воеводство и затем всю Польшу.

К сожалению, через два года мою учительницу отстранили от работы, обвинив в слишком лояльном отношении к ученикам и тесном общении с «неблагонадежной» молодежью. Дальше учителя сменяли один другого.

В 3-м классе стали более широко и глубоко изучать историю и географию. Нам надо было знать всех польских королей, их успехи в борьбе за независимость, особенно успехи в войнах с Россией. Мы знали всех соседей Польши, кроме СССР. По-прежнему изучали арифметику, польский язык и, с большим интересом, польскую литературу. Учитель пан Адам наряду с программными произведениями польских авторов знакомил нас с отдельными работами Марии Конопницкой, Генриха Сенкевича, Адама Мицкевича, Станислава Жеромского, изучение которых запрещалось. Делал он это осторожно, как бы между делом рекомендовал почитать.

А на уроке польской литературы, когда мы учили одно из многочисленных стихотворений, посвященных Пилсудскому после его смерти, я отличилась своей «антиправительственной позицией». В стихотворении говорилось, что еще слезы у нас не высохли по вождю, а он уже отмечен на небесах, где Господь Бог его ласково принял и накормил досыта небесным хлебом. Я с возмущением спросила учителя: «А за что же пан Пилсудский попал на небо, за то, что наших отцов и братьев сажал в тюрьмы? Почему Бог его кормит досыта, а большинство детей голодает?» Тут уж пан Адам не вытерпел, выгнал меня из класса и велел привести уже не отца, а Любу. Почему Любу, я только позже узнала. Любе он тогда сказал, что нельзя втягивать ребенка в политику, что нужно приучать детей к осторожности и не подводить самих себя, и его, и родителей. От Любы я получила нагоняй и пообещала, что больше не буду «революционеркой».

Позже, когда Адама Плюто перевели из Гаркавичей, Люба рассказывала, что пан Адам был связан с комсомольской организацией, где Люба была секретарем.

Третий и последний мой учитель в гаркавичской школе был Бруно Венсерский. Поговаривали, что в центральной Польше он служил в полиции, но потом окончил какие-то учительские курсы и был прислан на «Кресы всходне» учить уму-разуму детей мужиков-белорусов. Он ввел настоящую палочную дисциплину, мы узнали, что такое стоять на коленках на горохе. Учитель мог закричать: «Дай лапу» — это значит вытяни правую руку ладонью вверх, и он от души хлестал, да с оттяжкой, по ладони линейкой. Плакать не смей. Опухла ладонь — не беда. Пиши — а то получишь еще. Пускалась в ход и указка, когда, положив ребенка на колено, он мог отхлестать его указкой по «мягкому» месту. Учитель кричал на детей: «хамы», «быдло». Но дети не оставались в долгу и по-своему мстили ему: то вдруг исчезал классный журнал, и его обрывки находили где-то в кустах у гая, где учитель любил отдыхать после изрядно выпитой водки; то дети объявляли бойкот официальным польским или католическим праздникам и всем классом не являлись в школу; то разбивали школьную копилку, а монеты рассыпали во дворе. Обучение велось сухо, неинтересно. Никакого дополнительного материала, бесед, как было раньше. Что сами успевали прочесть, то и оставалось в голове. Но это уже был последний класс моей учебы в той Польше.

Кроме школы, была другая, взрослая жизнь, которую нельзя обойти, которая нас окружала, где в той или иной степени отведено было место и нам, детям. О том, куда ушел Санька, где он был, это мы теперь знаем, а тогда, по условиям конспирации, знать об этом не положено. Ушел и ушел.

Спустя какое-то время, по-видимому, когда стало известно товарищам из подполья, что он, скорее всего, не вернется вообще, нам сказали, что он в Испании. Версия с Испанией была подготовлена для знакомых, которые, случалось, интересовались, куда подевался старший Притыцкий. Да и нам ничего не говорили. Испания, и всё. А что в Гаркавичах знали об Испании? Не знали мы тонкостей политической жизни и политических «игр» правительственных кругов страны. Но в газетах, которые тайком читали отец и Люба, мелькали сообщения: «Война в Испании...», «События в Испании», «Бои за Мадрид», «Испанская республика в опасности» и т. д. Из газет мы знали, что там, в такой далекой от нас Испании, так же как и у нас в Западной Белоруссии, трудно жил народ. И этот народ восстал. Ему нужны своя, демократическая республика, свое народное правительство. Империалисты всего мира решили задавить эту зарождающуюся республику. Значит, нужна помощь этому народу. Знали и то, что воевать в Испании на стороне испанских республиканцев, несмотря на запреты своих правительств, ехали добровольцы из 37 стран мира, в том числе из Польши и Западной Белоруссии.

Мы знали, что там есть интернациональная бригада Ярослава Домбровского, есть белорусский батальон, в котором около 40 наших земляков. И вдруг товарищи из подполья, по-видимому, прослышав, что случилось с Санькой, сказали нам, что раз от него никаких известий нет, значит, он погиб. Страшное известие. Сколько было слез. Мама без конца повторяла его имя. Замкнулся и

отец. Казалось, в своем молчании он ищет ответ на вопрос: почему, зачем еще одна жертва в его семье?

Не могли, не хотели ни Сережа, ни его товарищи по подполью рассказать семье, что наш Александр находится в застенках НКВД — в советском ГУЛАГе. А случилось вот что. Пройдя на границе «окно», Санька с напарником заблудились и не встретились со связным на советской стороне. Как потом рассказывал Санька, они, ничуть не сомневаясь и не опасаясь, пошли на погранзаставу — там выслушают и помогут. Но на погранзаставе их арестовали и отправили в советский тыл как польских шпионов. А впереди ссылка без суда и следствия в ГУЛАГ. Колесо репрессий, раскрутившееся к этому времени по всей советской стране, прокатилось и по нашей семье.

Позже Сережа говорил, что для него известие о произошедшем с Санькой было буквально потрясением. Но посоветовавшись с товарищами, они решили скрыть это от родителей: надеялись, что это ошибка и нам будет легче узнать, что он погиб в Испании, чем от той власти, за которую боролись наша семья, его друзья, товарищи.

Сережа тем временем учился в Минске, в партийной школе ЦК КПЗБ. В течение 9 месяцев слушатели изучали марксистско-ленинскую теорию, политэкономию и экономическую географию Польши и Западной Белоруссии, историю революционного движения в мире, историю ВКП(б), Коминтерна, компартий Польши и Западной Белоруссии, белорусский и русский языки и литературу. К чтению лекций привлекались практические работники ВКП(б), КПЗБ, Коминтерна. Чтобы максимально приблизить теоретическое обучение к практической жизни, слушатели проходили так называемую «практику подпольной работы», обсуждали и давали оценку происходящим политическим событиям, учились писать листовки, выступать на митингах, проводить конспиративные заседания коммунистов.

Ежегодно в школе занималось 25—30 подпольщиков — членов партии и комсомола Западной Белоруссии. Находилась она вначале в пригороде Минска — Лошице, а потом на окраине города — на Грушевской улице. М. Лыньков, который преподавал там белорусскую и русскую литературу, вспоминал: «Грушевка тогда была тихой неприметной улочкой. Редко там можно было увидеть прохожего. И только тротуар, деревянный, выщербленный, иногда нарушал застоявшуюся тишину, когда его касалось какое-нибудь живое существо. Тут за невысоким дощатым забором тянулся сад и приютилась школа. Размещалась она в нескольких добротных деревянных строениях. Как обучающиеся, так и преподаватели соблюдали строжайшую конспирацию, а сама школа, в силу обстоятельств, называлась “Садом”. Слушатели были обеспечены всем необходимым и для учебы, и для жизни. Им запрещалось самостоятельно выходить в город, вести переписку. Все учащиеся имели клички, свои настоящие имена и фамилии называть не могли. Никто не знал, откуда приехал тот или иной учащийся, кем и где работал». Даже заведующая учебной частью Ц. И. Гурвич, как она потом писала, не знала ни подлинных фамилий, ни мест, откуда прибыли и куда направляются после учебы ее слушатели. М. Лыньков тоже никого не знал по фамилии, и

слушатели не знали, что он — писатель Лыньков. Для них он был преподаватель «Владек Бельский».

Кроме занятий в школе, для наглядного ознакомления с партийной работой на предприятиях, в колхозах и совхозах СССР и БССР организовывали поездки. Как позже рассказывал Сережа, он был в восторге от поездок, от всего увиденного, того, что сделано свободным советским человеком.

Бывало и так, что когда намечалось выступление членов ЦК КПП, КПЗБ или активистов-подпольщиков, то из президиума слушателям особо объявляли, кто будет выступать, и — выключали свет. Наступала полная тишина, лишь слышны шаги оратора, идущего к трибуне. Конспирация есть конспирация.

Так жили и учились в школе белорусы, русские, украинцы, литовцы, евреи. «Это была дружная товарищеская семья храбрых и мужественных людей, объединенных высокой революционной идеей», — вспоминал Михась Лыньков. С. Притыцкого в школе звали «Янка». «Когда я познакомился с Янкой, ему было чуть больше 20 лет. Янка был высокий, с мягкими чертами выразительного лица, с задумчивым взглядом серых глаз. Товарищи относились к нему с явным уважением, как к человеку, который, возможно, имел опыт революционной борьбы, человеку, чьи качества хотя и не бросаются иногда в глаза, но невольно привлекают внимание людей, сближают их, настраивают определенным образом, мобилизуют в одном направлении их мысли и чувства. Именно такими качествами обладал Янка».

Ц. И. Гурвич вспоминала: «В школе Сергей Осипович Притыцкий был с виду тихий и даже немного застенчивый юноша, далеко не новичок в революционном движении. Держал он себя очень скромно, отличался внутренней собранностью, упорной настойчивостью, целеустремленностью, исключительной точностью и тщательностью в выполнении всех заданий и поручений. К нему тянулись слушатели. Их привлекала в нем жизнерадостность, непосредственность, прямой характер, готовность откликнуться на любые вопросы, потребности. Для друзей он был всегда открыт душой. От него исходило обаяние душевной чистоты, правдивости».

В мае 1935 г. Сергей вернулся из Школы КПЗБ. Еще в Минске его предупредили, что ему следует ехать прямо в Варшаву в ЦК Компартии Польши в связи с большими провалами в Западной Белоруссии. Однако в Варшаве явка была тоже провалена. Сережа вернулся в Гродно, а затем был направлен в Вильно. Там ему сообщили, что со Слонимской партийной и комсомольской организациями связи нет. Яков Стрельчук предал все явки, и там — массовые аресты. Надежда на Сергея. Нужно создавать новые парторганизации и до отдельных указаний возглавить их.

Сережа уехал в Слоним. Там, на месте, он убедился, что партийные и комсомольские организации разгромлены. Выяснилось, что среди подпольщиков активно действовал провокатор Яков Стрельчук, с подачи которого в руки полиции попали сотни коммунистов, подпольщиков, членов МОПРа и ТБШ. Многие были замучены в дефензиве.

С. Я. Шварцман — ближайший соратник С. О. Притыцкого

Сережа обошел много деревень, в которых надеялся найти старых коммунистов, комсомольцев. В некоторых деревнях каким-то чудом уцелели от разгрома партийные организации. Опираясь на них, Сереже в сравнительно короткое время удалось восстановить почти все партийные и комсомольские организации, создать руководящие органы — райкомы партии, комсомола. Хотя эти организации были малочисленные, тем не менее, опираясь на них, можно было работать дальше. Об этом времени жизни Сережи позже вспоминал его товарищ по подполью Самуил Шварцман.

Тем временем провалы продолжались. Решено было проверить подозрения. С целью разобраться и изолировать провокатора Я. Стрельчуку предложили поехать в Советский Союз якобы на учебу. Скорее всего, он понял, что посылают его неспроста, и отказался от поездки. С этого времени он стал открыто сотрудничать с

охранкой и предавать людей. Так кто же этот человек? Почему так много знал и безнаказанно действовал?

Родом Стрельчук из Бельского уезда. Белорус. Из довольно зажиточной крестьянской семьи. Учился в польской школе, служил в польской армии. Там был завербован в качестве осведомителя, стал офицером. После армии пошел работать в дефензиву. По заданию охранки вступил в комсомол Западной Белоруссии. Поработал в Новогрудском, Виленском, Молодечненском, Брестском, Слонимском округах. Переходя из одного округа в другой, он имел возможность знакомиться с новыми людьми, подпольщиками, активистами, узнавать работу комсомола, партии изнутри, во всех ее аспектах.

Коммунисты ему предъявили неопровержимые улики — находили его листовки, списки тех, кто присутствовал тогда-то на собрании, о чем говорили и т. д. Часто на допросах с пытками присутствовал и сам Стрельчук. В ЦК КПЗБ было принято решение все-таки ликвидировать предателя, и поручено это было С. Притыцкому.

Тогда первым секретарем ЦК комсомола был Николай Дворников, который знал Сергея уже давно. Верили они друг другу как себе, делили все тяготы подпольщиков.

И началась подготовка. Примечателен и такой факт. До этого момента Сережа в руках не держал оружия. И когда Дворников принес пистолет, Сережа ногами ходил в лес и учился стрелять. А еще он готовился и психологически.

Накануне суда над коммунистами, 24 января 1936 г., до поздней ночи Сережа и Николай Дворников беседовали, оговаривали различные варианты пред-

стоящего события. Казалось, предусмотрели все. Однако они не предусмотрели такую банальность, как опоздание, и Сережа на завтра, 25 января, на суд опоздал. Через два дня снова заседание суда, снова будет давать показания Стрельчук.

«Значит, судьба подарила мне еще два дня жизни. Два дня — всего два дня. Но ведь это немало, — размышлял Сергей. — Целых два дня!»

27 января будут судить 17 студентов и преподавателей Виленского университета, принадлежащих к академическому левому движению, во главе которого стоял один из выдающихся писателей Польши, профессор университета Ян Дембиньский.

Сережа позже вспоминал, что после первого похода в суд он весь день ходил по улицам Вильно с пистолетами в карманах. Он наслаждался жизнью, всем окружающим. День был пасмурный, холодный, но он казался ему прекрасным. «Никогда я так жадно, — говорил он, — не вдыхал воздух, никогда для меня не были такими красивыми небо и вода в Вилии, как в тот день. Хотя на самом деле воздух был сырой, по небу носились свинцовые тучи, вода в реке была черной и холодной. Все люди казались мне необыкновенно добрыми, красивыми, хорошими, за исключением той своры шакалов, которые привыкли жить за счет других и к которым я питал глубокую ненависть».

Когда вернулся на квартиру, его ожидал там Николай Дворников. Весь вечер они говорили о многом, но только не о завтрашнем дне. Потом распрощались так, как прощаются верные друзья, зная, что они прощаются навсегда. Действительно, это была их последняя встреча. Одного ожидали все круги ада в польских тюрьмах, другой погиб в Испании.

Сергей знал, отдавал себе отчет, на что он шел, что задание будет нелегким. Он заранее осознавал, как позже не раз говорил, на 99 %, что окажется в руках дефензивы. Лишь один процент он оставлял на случай паники, во время которой, если повезет, удастся каким-то образом бежать. Главное — выйти из здания, а там будут его ожидать товарищи или он скроется на явочной квартире. Как важны эти 10—15 шагов за дверь суда. Позже он говорил: «А вы можете себе представить, как хочется жить человеку, которому всего чуть больше 20 лет?» Но нужно взять себя в руки, зажать нервы в кулак и мобилизовать всю силу воли. И это удастся Сереже.

Пропустили его в суд без вопросов, ибо у него были довольно убедительные документы офицера польской армии.

Н. Дворников — первый секретарь ЦК КСМЗБ в 1930-е гг.

Показания Стрельчука должны были быть в конце заседания суда. Что пережил в эти часы Сережа, трудно даже вообразить. Но вот заговорил Стрельчук, тихо, уверенно. Мысли у Сережи роились в голове беспокойнее одна другой: успеть, пока он говорит; хотя бы не промахнуться; не нужно лишних жертв. А как стрелять в живую мишень?! Ведь это впервые — стрелять в человека! Но тут Стрельчук от общих обвинений в антигосударственной деятельности перешел к личности каждого обвиняемого и стал перечислять их «вину» и называть агентами большевиков. Сергей решил: «Все! Иду!» Выхватив из карманов оба пистолета, направился к судейскому столу, нажал на оба курка. Стрельчук упал. Публика кинулась к выходу. Сережа с разбега ударом плеча вышиб дверь и оказался в окружении сыщиков и полицейских.

Под дулами пистолетов все они прижались к стенке. Ничего не стоило начать в них стрелять. Но жертвы среди полицейских — лишние жертвы среди подпольщиков, новая волна кровавого террора против коммунистов. И он, неся в поднятых вверх руках пистолеты, кинулся вниз в надежде вырваться на улицу. А там — свобода, спасение. Но полицейские Дайновский и Бучковский открыли по убегающему огонь. Всадив в него четыре пули и увидев, что он упал, полицейские решили, что убит, и прекратили стрельбу. Оставалось три ступеньки до входной двери. Но не дошел.

Здесь же его обыскали и сняли первый допрос. Чувствуя, что истекает кровью, что жизнь уходит, Сергей назвал себя и адрес. На остальные вопросы не отвечал. Подъехала карета «скорой помощи» и на носилках раненого поместили в машину. А в городе уже распространился слух, что в суде стреляли. Кто? В кого? Никто толком ничего не знал. Кто-то видел, как несли в машину окровавленного юношу. У здания суда уже собралась огромная толпа. Когда Сережу вынесли на улицу и он увидел стоящих у здания суда людей, решил — пусть они узнают правду от него, а не от полиции или официальной прессы. Напрягая последние силы, он приподнялся и выкрикнул: «Смерть провокаторам! Долой фашистское правительство!» О событиях того дня в суде есть много опубликованных воспоминаний очевидцев и судебных документов по делу С. Притыцкого.

Сергея доставили в больницу и сделали операцию. На одиннадцатый день по приказанию прокурора суда больной был переведен в лукишскую тюрьму. Нужно отдать должное медикам, которые делали все возможное, чтобы спасти жизнь, хотя в их практике еще не было случая, чтобы человек с такими ранениями, такой потерей крови выжил.

Первые дни после выстрела в суде товарищи на свободе думали, что он погиб. В ночь с 27 на 28 января по всему городу были вывешены красные флаги с черными лентами в знак траура. Но когда распространилась весть, что он жив, и ему, и всем на свободе стало ясно, что его ожидает смертная казнь.

Развернулась широкая кампания за его освобождение. Город был наводнен воззваниями, листовками, транспарантами, распространявшимися партией, комсомолом, МОПРом и созданным специальным комитетом по спасению С. Притыцкого, появились надписи на стенах общественных зданий, до-

мов, на заборах. Посыпались письма протеста в прокуратуру. В Вильнюсском центральном государственном архиве сохранилось немало документов об этом. Многие уже опубликованы.

В госпитале тем временем на второй день после операции начались допросы, во время которых Сережа не раз терял сознание. А следователи, не добившись ничего грубостью, жестокостью, сменили тактику. Мягко, чуть ли ни ласково стали ему предлагать — пусть он даст нужную информацию, и тогда они его отблагодарят: дадут отцу земли здесь же, на Кресах, ему — хорошую должность, снимут судимость. И так, чередуя кнут и пряник, менялись следователи.

Раненый, слабый, Сережа лежал в строгой изоляции в тюремном госпитале. Он еще не мог подниматься с постели, а в его палате по два раза в день, правда, в присутствии врача, делался тщательный обыск. Простукивались решетки на окнах — не подпилены ли, и пол — нет ли подкопа. С него срывали бинты, чтобы убедиться, что там ничего не спрятано. После очередной такой экзекуции, когда силы оставили Сережу и он в очередной раз потерял сознание, к нему прислали ксендза. «Покайся, сын мой, ты ведь умираешь». Сережа прошептал: «Уйдите, падре, я буду жить!»

В 1936 г. была популярна песня «Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных...». Как напишет потом корреспондент «Комсомольской правды» К. Коженикова: «Я не знала, что эта песня и о нем, Сергее Притыцком. Мир всегда держался на таких, начиная с Яна Гуса, Робеспьера, декабристов, кончая... Нет, здесь нет слова «конец», ибо нет конца великому и трагическому шествию на костер во имя справедливости. Мы всегда поражаемся их мужеству, стойкости, одержимости. Что движет поступками этих людей? Большая идея, осветившая их на всю жизнь. Да они такие, как все, люди и все-таки не такие». Дело — вот что прежде всего отличает этих людей. Действительно, несмотря на молодость, Сережа был человеком с богатым внутренним миром и высокими идеалами.

...Вдруг, 1 мая 1936 г., для Сергея праздничный сюрприз — записка с воли: «Держись, дорогой товарищ. Мы помним Вас. Боремся за Вашу жизнь». В Вильно состоялась 10-тысячная демонстрация. Рабочие несли плакаты: «Свободу политзаключенным!», «Свободу Притыцкому!». Это — как глоток свежего весеннего воздуха. Сережа не был особо сентиментальным, но в эти минуты он был растроган и с новой силой ощутил жажду жизни. Эта весточка с во-

«Притыцкий должен жить»
Открытка, присланная Международным
комитетом защиты прав человека
из Парижа в Министерство юстиции

ли, оттуда, где неба — не клочок, а сколько угодно, где песен птиц, деревьев, людей, товарищей сколько угодно, воскресила его, вернула надежду. Через несколько дней ему разрешили прогулки, на которые, во избежание встреч с другими осужденными, водили рано утром.

Александр Гришин вспоминает, что, когда Сережа выходил на прогулку, в зарешеченных окнах появлялись сотни лиц заключенных, чтобы поприветствовать его поднятием вверх кулака. Это означало: «Рот-фронт!», «Держись!» и т. д. Сообщения передавали азбукой Морзе или верными товарищами.

Известие о событии в суде молниеносно разнеслось по всей стране. Гродненская окружная партийная организация направила своего секретаря в Гаркавичи. Сообщить такую тревожную весть семье Притыцких было очень тяжело. Но пусть лучше родные узнают от товарищей сына, чем из печати.

Официальные источники тоже не заставили долго ждать. Я была в школе, учитель вошел в класс и, потрясая газетой перед притихшими учениками, глядя на меня, сказал:

— Вот до чего доводит дружба с коммунистами! Поняли, кто в нашей деревне живет? А ведь никто и не знал, что он бандит!

— О ком вы говорите? — спросила я.

— О твоём брате Сергее. Возьми газету и беги домой, обрадуй родителей, — сказал учитель с ухмылкой.

А дома я увидела окаменевшие лица родных и чужого человека.

Горе, обрушившееся на нас, совсем подкосило маму. Отцу свидания с сыном не дали. Люба взяла на себя всю работу по организации поддержки Сережи. Надо искать, нанимать адвоката. Центром организации юридической защиты обвиняемых на политических процессах в Польше была канцелярия Теодора Дурача, который принадлежал к руководящему ядру МОПРа. Работа канцелярии на протяжении всего двадцатилетия тесно переплеталась с деятельностью юридической помощи ЦК МОПРа Польши. ЦК КПЗБ защиту Притыцкого поручил двум известным антифашистам и самым квалифицированным адвокатам Теодору Дурачу и Леониду Беренсону.

Польские власти готовились к суду основательно. Видя массовые выступления в защиту Сергея, они опасались еще больших волнений в день суда. Поэтому Вильно фактически был на осадном положении. Все улицы города, особенно прилегающие к зданию окружного суда, были заполнены усиленными нарядами полиции, для чего их привезли из других городов. Проводились облавы, аресты. На суд прибыли известные в Польше агенты. Готовилась расправа над молодым революционером.

Наконец, день суда назначен. В тюремной одежде, в наручниках, полуживого, под усиленным конвоем Сережу доставили в зал суда. Потом он вспоминал: «Перед зданием суда собралась огромная толпа людей. Я шел, звеня наручниками, окруженный тучей полицейских, которые, как вороны, стерегли свою добычу. То там, то здесь раздавались возгласы: "Выпустить, хлеба, работы". Толпа волновалась, как полноводная горная река. Подталкиваемого конвоирами, шатающегося, меня втолкнули в просторный зал».

Вид подсудимого и поведение конвоиров вызвали гнев защитников. И Дурач, и Беренсон заявили протест по этому поводу. Ни председатель суда Орлицкий, ни судьи Зановский и Юранца на это не прореагировали. А Сережа, превозмогая боль и слабость, сидел спокойно. Он окинул внимательным взглядом полупустой зал и увидел отца. Чтобы не выдать свою боль перед родным человеком, он внутренне собрался, улыбнулся отцу — мол, все в порядке, будем держаться. Слегка поклонился. Отец плакал.

Сережу обвиняли в попытке убийства Стрельчука, в выстрелах в полицейского, в принадлежности к компартии. Сережа недоумевал: почему же Стрельчук остался жив? Оказалось, что у него под одеждой был пуленепробиваемый жилет. Обвиняемый ни в чем не признавался. На неоднократные, настойчивые утверждения прокурора, что он действовал по заданию партии, упорно повторял, что сам, как человек, который ненавидит предателей и провокаторов, по личной инициативе, руководствуясь высокочеловеческими чувствами, решил убить негодяя.

Не повлияли на приговор и выступления адвоката Дурача, грамотного юриста, прекрасного оратора. Несмотря на то что он квалифицированно, весьма убедительно опровергал обвинения в адрес его подзащитного, суд фактически игнорировал их, потому что Варшава требовала наказать коммуниста Притыцкого, дабы не повадно было другим покушаться на «честного служащего, примерного гражданина Польши пана Стрельчука». Их цель была ударить по компартии.

Невзирая на протесты адвокатов, тысячи и тысячи подписей в защиту Притыцкого со всех уголков Западной Белоруссии, митинги и демонстрации, суд приговорил его за революционную деятельность в рядах компартии к 15 годам тюремного заключения; за покушение на Стрельчука — к смертной казни через повешение; за то, что отстреливался от полицейских, — к смертной казни через повешение, хотя в полицейских он не стрелял, как показали на суде сами полицейские. Он стрелял вверх. Как позже говорил Сережа, суд, чтобы крепче обосновать приговор, дважды приговорил Притыцкого к смертной казни через повешение.

Все это видел и слышал присутствовавший на суде отец. Собрав все, что можно, продав корову, он снова приехал в Вильно. Ему в прошлый раз не дали свидания с сыном. Теперь он увидел и сына, и всю процедуру судилища и выслушал вынесенный польским судом приговор.

Все время, пока длилось заседание суда, отец сидел и, как он потом рассказывал, мало что понимал. Столько было вылито на Сережу обвинений, клеветы, грязи, что ему, простому крестьянину, было не понять, как могут такие холеные, напыщенные паны лгать, исходить злобой, ненавистью к человеку. Не хотел, не мог он поверить, что его сын, худой, изможденный, будет повешен, что у него такая короткая жизнь. Им, т. е. отцу и сыну, не дали встретиться и теперь — ни перед судом, ни после. Они только смотрели друг на друга, хотя отцу слезы часто мешали рассмотреть родное сыновнее лицо. Как могли поддерживали отца друзья Сережи и Сани в Вильно и потом дома.

Сережа выслушал приговор достойно. Он уже внутренне был готов, что живым его не оставят. Но еще где-то в глубине сознания теплилась надежда, что не посмеют польские власти так открыто выступить в защиту Стрельчука, тем самым признать фашистские методы борьбы с инакомыслящими.

Сразу после суда Сережу под усиленной охраной отвели в тюрьму. Там его уже ожидали надзиратели и начальник тюрьмы. Сережа полагал, что он вернется в уже обжитую камеру. Но его повели в другом направлении по длинному коридору и поместили в камеру в самом его конце, к старенькому сгорбленному надзирателю, который из-под насупленных бровей острым взглядом «просверлил» Сергея и как бы между прочим проговорил: «Ай-ай, такой молоденький, а уже отпетый злодей».

Позже Сережа узнал, что это матерый тюремщик. Садист, который еще с дореволюционных времен имел «славу» надзирателя-provokatora. Его остерегались политические, и заискивали перед ним — паном Брудским (его фамилия Лавринович) — уголовники. Камера на первом этаже. Полная изоляция от других камер. Камера-одиночка, камера смертников. Для человека, заточенного в одиночку, время движется медленно. Иногда кажется, что оно вообще остановилось на месте. И тогда смещаются планы, и жизнь начинается сначала, с самого детства, и ты каждый раз снова и снова идешь по ней, и те, кто был когда-то рядом, тоже идут рядом с тобой. Сергей ходил из угла в угол и думал, прокручивал в уме свою жизнь и не жалел о сделанном. Только лишь родителей, сестер, братьев жалко. Как мало ему пришлось с ними прожить.

С болью вспоминал отца. Перед глазами — его постаревшее лицо, которое он видел во время суда. Посеребрилась уже его борода. Он снова и снова вспоминал и строгость, и ласку отца, который так его любил, и все, что отец говорил и делал, с новой силой заставляло сердце Сергея сжиматься. Ведь он все это делал во благо его, для его же пользы. Растил, как понимал и умел. Спасибо тебе, отец.

А мама — сколько слез она пролила из-за меня, из-за всех нас. Бедная моя, мужественная женщина-мать, которая так меня понимала, как никто другой. Практически вела меня по жизни. Все, что я делал, всегда, везде, свою нравственность, совесть я сверяю по своей любимой маме. А что я дал ей? Даже перед отправкой в суд в январе 1936 г. не нашел времени повидаться с матерью. Тоже мне, «опытный подпольщик». И Сережа снова и снова возвращается к мысли о маме. Какая она удивительная женщина. В глухих, затерянных селах вырастают же такие женщины со своим многотрудным терпением и мудростью. Молчаливая, ты, мамочка, все понимала, а если не понимала — умела прощать. Она, наверное, по-прежнему выходит к калитке каждый день и ждет: не покажутся ли ее сыночки, ее боль и кручина, ее радость и гордость. Опять я доставил ей страдания, и комок подкатывается к горлу, и слова любви и мольбы срываются, уже произносятся вслух.

А надзиратель, наблюдая в глазок-«волчок», решил, что Притыцкий молится, и тут же открыл дверь, скрежет которой вернул Сергея в реальную обстановку, в ту действительность, в которой ему придется жить. Долго ли?..

— Пусть пан возьмет Евангелие, вот и крест.

— Не надо, я неверующий, я думаю о другом, — ответил Сережа, но старый надзиратель уставился на него в недоумении.

— Как это возможно, что Вы! Перед смертью каждый должен помолиться Богу, попросить прощения за грехи.

— Не надо, — с досадой, но как можно спокойнее проговорил Сергей и повторил еще раз: — Не надо.

Впервые этот человек с интересом, подняв седые, всегда насупленные брови, острыми, колючими глазами взглянул на осужденного с человеческим любопытством.

Удивительно, приговоренный к смертной казни двадцатитрехлетний При-тыцкий ждет смерти. Если не умрет от ран — полицейские изрядно поработали, — то впереди виселица. И тюремщик качает головой. Виселица уже наверняка не понадобится. Палач Браун останется без работы. От ксендза отказывается. Что за человек?

Находясь один в камере смертников, где он провел сто восемьдесят пять дней и ночей, измученный до невозможности, Сережа каждый день ожидал и страшился рассвета. Ведь известно, что приговор, вынесенный судом, приводится в исполнение на рассвете. Это ежедневное ожидание смерти обостряет слух и притупляет чувства. Каждый щелчок или стук шагов в коридоре заставлял его вздрагивать, а позвякивание ключей надзирателя, слышное издалека, ассоциировалось с перезвоном колоколов. Он научился различать не просто голоса, но и оттенки голосов надзирателей, угадывать их настроение.

Когда-то Ф. М. Достоевский называл тюрьму мертвым домом. Возможно, в том давно минувшем времени это соответствовало действительности. Но в 1930—1940-е гг., в период пролетарских битв, социальных революций, тюрьмы скорее были похожи на действующий вулкан, где бурно кипела жизнь политзаключенных, готовых к борьбе за светлое будущее, за мировую революцию. Здесь и голодовки, и демонстрации, и петиции, и отказы от прогулок, и пение революционных песен, и вывешивание если не флагов, то смоченных кровью лоскутов материи, платков в дни революционных праздников. Правда, за этим следовали побои, истязания, карцер, лишение права на переписку, на посылки и т. д. Но это была жизнь, а не мертвый дом. Главное, что не только заключенные, но и жители города, общественность знали, что в тюрьме отмечаются праздники, несмотря ни на что. Знали, что политические борются за право человеком зваться, и восхищались мужеством, стойкостью и не раз поддерживали их солидарными выступлениями.

Тюрьма на Лукишках выделялась особо жестким режимом. Ее было бы правильно назвать в 1930-е гг. «рассадником туберкулеза». Кроме холода, голода и антисанитарии, политзаключенные испытывали на себе неисчерпаемые формы и методы самоуправства тюремной администрации. Применялись дубинки, карцер, насильственное кормление, кандалы, дополнительный срок заключения и т. д. Со временем были введены более жесткие тюремные правила. Тем не менее политические продолжали борьбу. Даже на папи-

росной бумаге издавали рукописный журнал «Краты» (название приходилось время от времени менять, в зависимости от обстоятельств), где печатались Ф. Пестрак, М. Танк, В. Тавлай и другие заключенные. В строгой конспирации они создали свои органы управления — тюремные комитеты (ТК), даже избиралось партийное руководство — парткомы и т. д.

Для Притыцкого — полная изоляция. Отрезаны все возможности связи. Сережа мечется по камере. На какой-то момент его охватывает чувство одиночества. Но эта минутная слабость не должна покорить, расслабить его волю. И он пишет полное мужества и надежды послание — обращение к антифашистам:

«Граждане, товарищи, братья и сестры! Я происхожу из бедной крестьянской белорусской семьи. Нас, как и миллионы крестьян Западной Белоруссии, терзали голод и нужда. С самых юных лет я должен был прервать учебу и идти работать к панам и помещикам, чтобы суметь прожить и помочь родителям. Всюду, так же как и дома, я встречался с нуждой, голодом, безработицей, с угнетением миллионов трудящихся масс капиталистами, помещиками и их фашистским правительством. Я убедился, что трудящиеся массы могут только совместной солидарной борьбой завоевать человеческие права и улучшить свое положение. Я всегда был готов бороться за интересы трудящихся. В своем решении я исходил из того, что рабочие не сумеют так успешно бороться за хлеб, работу, свободу и мир, если в их рядах будет такой негодяй, как Яков Стрельчук. За то, что честно и самоотверженно выступил за дело трудящихся масс, меня приговорили к смертной казни. Дефензива не пожалела пуль, чтобы отомстить за попытку поднять руку на одну из ее собак. Во мне застряло 3 пули, образовалось 19 ран на теле. Меня два раза оперировали. Со дня моего ареста меня держали в изоляции.

Товарищи! Я обращаюсь к вам, ко всем трудящимся, эксплуатируемым, ко всем революционным антифашистским организациям, к трудящейся интеллигенции, ко всем честно мыслящим людям. Я обращаюсь к вам с глубокой верой, что каждый из вас громко выразит свой протест против варварства фашизма. Я убежден, что все эксплуатируемые, без различия их политических взглядов, все члены антифашистских и демократических организаций подадут друг другу руки в борьбе против фашистского террора. Я верю, что объединенной борьбой вы сорвете петлю, нависшую над моей головой. С антифашистским приветом, Сергей Притыцкий». Это письмо было передано на волю по «тюремной» почте через верных товарищей.

Адвокаты подали документы на апелляцию. 7 октября 1936 г. Виленский апелляционный суд подтвердил приговор окружного суда. В тот же день адвокат Дурач подал кассационную жалобу в Верховный суд в Варшаве.

Прогрессивные силы Польши, СССР, Франции, Канады, США, Аргентины и многих других стран мира встали на защиту Притыцкого. Мир услышал голос антифашиста из тюрьмы. Минск и Москва, Париж и Лондон, Нью-Йорк и Буэнос-Айрес — во всем мире прошли митинги протеста, пикеты у польских посольств, и везде звучало: «Притыцкий должен жить», «Отме-

нить смертную казнь Притыцкому», «Руки прочь от Притыцкого». Власти Польши больше всего испугались собственного народа. По городам и весям прокатилась волна забастовок и крестьянских сходов.

Любопытен такой факт. 13 ноября 1937 г. Гродненский окружной комитет комсомола Западной Белоруссии опубликовал обращение к трудящимся о присвоении имени Сергея Притыцкого белорусскому батальону в Испании, в котором говорилось: «Узнав, что в республиканской армии Испании организовался белорусский батальон, предлагаем дать ему имя героя белорусского народа Сергея Притыцкого».

Во время заседания кассационного суда в Варшаве перед зданием суда собралась многотысячная демонстрация трудящихся, участники которой забросали здание камнями. Под давлением широких общественных сил, международных, прогрессивных организаций суд в Варшаве отменил приговор Виленского окружного суда и приговорил Сергея к пожизненному тюремному заключению.

Виленский прокурор, да и в прокуратуре Варшавы пытались протестовать против смягчения приговора. Однако Верховный суд Варшавы оставил эти протесты без внимания, и новый приговор вступил в силу. Таким образом, не милость президента Польши И. Мосцицкого, а широкая волна международного движения в защиту Притыцкого спасла ему жизнь. Газета польских коммунистов «Чырвоны Штандар» в ноябре 1937 г. в связи с этим писала: «Фашистский суд вынужден был посчитаться с протестом народных масс и отклонить требование прокуратуры, приговорившей Притыцкого к смертной казни».

Тюремная администрация также не разделяла позицию Верховного суда Варшавы, использовала любую возможность поиздеваться над заключенным. На рассвете, когда обычно ведут на казнь, к нему в камеру зашли начальник тюрьмы, надзиратель, ксендз и еще какие-то люди, которых Сережа не знал. Начальник тюрьмы в грубой форме бросил: «Выходи. Отсидел свое».

Секунды две, не больше, понадобились Сереже, чтобы глубоко вдохнуть и запеть «Интернационал». Всем заключенным было известно время казни. И вот песня. Как по команде запели во всех камерах, на всех этажах. Кстати, это хорошо показано в кинофильме «Красные листья», только песня там другая. Тут уж тюремщики не на шутку испугались. С криками: «Замолчи! Смертная казнь отменена!» — они бросились умирять заключенных.

В лукишской тюрьме, в одиночной камере, но уже не в камере смертников, Сережа просидел один год и девять месяцев, пока не перевели его в гродненскую тюрьму. Скоро разрешили один раз в месяц приносить передачи. С большим трудом Любе удалось добиться свидания с Сережей, всего на пять минут. Несколько ободряющих слов. Передала связанные ею теплые носки и рукавицы.

Узнав о ранении Сережи и о судах над ним, мама, по состоянию своего здоровья чувствуя, что близится конец ее земной жизни, попросила отца и Любу сделать все, чтобы она в последний раз увидела и обняла своего Сереженьку.

Когда готовился суд над Сережей, уж очень хотелось властям показать его как бандита. Они требовали, чтобы она официально отказалась от своего сына. Причем, то уговорами, то угрозами, они стремились добиться от мамы осуждения сына. Делалось это неоднократно и дома, когда приезжали следователи, полицейские. Больную и измученную, еле живую, вызывали в прокуратуру в Соколку. Мама категорически отказывалась ездить в Соколку давать показания, вообще говорить на эту тему где бы то ни было и с кем бы то ни было.

Видя, зная о таком бесчеловечном давлении на мать, некоторые советовали ей согласиться на показания. Мол, и мы, и Сережа правильно пойдем. Но и им мама заявила: «Как это можно отказаться от родного сына. Да я сама его поддерживала всю жизнь в его борьбе, а вы предлагаете отречься от него».

После долгих хлопот не только отца — к этому были подключены и адвокат Дурач, и односельчане — в конце октября удалось получить разрешение маме на свидание. Как позже рассказывали мама и Сережа — это была печальная встреча. Худенькая, измученная и физически, и морально, но с такими родными глазами, лицом, еще сохранившим черты былой красоты, мама с трудом вошла в зарешеченную комнату свиданий. Сердце сжалось от вида этой обстановки. Привели Сережу. Опираясь на палку, он еле наступал на ногу. Бледный, худой, но маму встретил радостной, казалось, беззаботной улыбкой. А материнское же сердце не обманешь. Припав к его груди, мама едва слышно прошептала:

— Сынок, ведь на хорошего человека ты руку не поднимешь.

— Никогда, мамочка, — опустившись перед ней на колени, тихо говорил Сережа. — Честным и добрым людям я всегда помогу чем смогу.

— Сереженька, а чем я могу помочь тебе? Ты такой бледный, может, тебе моей крови хоть немного влить?

После этого Сережа ничего не мог говорить. Слезы брызнули из глаз. Первый и последний раз этот, казалось, железный, человек плакал. Время свидания пролетело мгновенно. Надзиратель бесцеремонно разлучил сына с матерью. Через несколько недель, 12 ноября 1937 г., мама умерла.

О смерти мамы Сережа узнал от Любы, когда она приехала к нему в гродненскую тюрьму на свидание. Она рассказывала, что Сережа был в носках — обуваться не мог. Поговорили о здоровье, о домашних делах. Свидание как свидание. Хочется сказать много, но стоит надзиратель, мысли путаются. А в конце, когда надзиратель напомнил, что осталось две минуты, Люба сказала: «Сереженька, последний привет от мамы». Сережа побледнел, вцепился в решетку, что даже пальцы побелели, а решетка задрожала, и проговорил: «Мама умерла». Больше говорить они не могли.

Сережа очень тяжело перенес потерю самого близкого человека. Бессонными ночами снова и снова он мысленно возвращался к маме, перебирая в памяти свою жизнь.

Эта встреча Любы и Сережи в тюрьме была последней, его перевели в Равичи, свидания запретили. В буржуазной Польше существовала практика периодически перемещать политзаключенных из одной тюрьмы в другую. Тюрем-

Могила матери на гаркавичском кладбище.
Белостокское воеводство. 2008 г.

ма в Равичах предназначалась для политических заключенных сроком от 25 лет до пожизненного заключения.

Сережа понимал, что смертельная опасность с изменением приговора как бы миновала. Но он трезво смотрел на реальную обстановку. Официально — да! Заменили ему смертную казнь на пожизненное заключение. Но это суд. А что могут предпринять власть предержащие на местах?

Трудно сказать, чем бы все это закончилось, если бы не было рядом товарищей, других узников. И не столь важно, что Сережа сидел в одиночке, — он чувствовал поддержку и внимание товарищей. Позже он не раз говорил, что не только в то время, как над ним висела угроза казни, но и после он постоянно ощущал поддержку партии, своего народа, товарищей.

Несмотря на запрет, в тюрьме нелегально существовала коммуна, были свои традиционные, выработанные годами правила, порядки, которых свято придерживались политзаключенные. Тюремные коммуны призваны были решать не только хозяйственные, но и нравственные, политические задачи.

Решение коммуны выполнялось беспрекословно. В руководство коммуны входил Владимир Зенонович Царюк. Человек честный, смелый, осужденный за революционную деятельность на пожизненное заключение, он взял под особый контроль и опеку Притыцкого.

Началось все с того, что в один обычный туманный день заключенные увидели во дворе на прогулке новенького — очень молодого лобастого паренька, чуть выше среднего роста, страшно исхудавшего. «Казалось, — рассказывал по-

том Владимир Зенонович, — в чем только душа держится. Мы узнали — это Сергей Притыцкий». Новенького, несмотря на окрики надзирателя, окружили, жали ему руки, ободряюще хлопали по спине и плечам. «Этот застенчивый, еще, можно сказать, юноша, ставший легендой при жизни, своего рода символом борьбы, — продолжал Владимир Зенонович, — несгибаемой железной воли, революционной выдержки и упорства, теперь среди нас. Каждому хотелось поближе познакомиться, поговорить. Товарищи из своих тюремных роб вытаскивали что у кого было: кто кусочек хлеба, кто махорку, кто сахар».

Владимир Зенонович предостерегал Притыцкого: «Будь осторожен, старайся не ходить в одиночку, остерегайся незнакомых. А еду бери, когда убедишься, что ее дают из общего котла. Смотри в оба, мелочей у нас нет».

Как-то Сережа поделился с другом, что не может смириться с тем, что Стрельчук остался жив. Если бы знал, что у него под одеждой панцирь, взял бы другое оружие. На это Владимир Зенонович заметил: «Эх, братка, не расстраивайся. Жив Стрельчук или помер — это теперь не имеет никакого значения. Он убит морально. Это — политический труп. Он разоблачен, его истинное лицо раскрыто. И теперь хозяева выбросят провокатора. Выбросят, как ненужную тряпку».

Руководство коммуны и в Равичах принимало все меры, чтобы политзаключенные учились. В этих целях они стремились, чтобы в камеры заключенных попадали те, кому было чем поделиться с товарищами, чему-либо научить. Те же, кто сидел в «одиночках», как Сережа, получали выписываемые коммуной газеты, книги, которые часто были замаскированы. Обложки и несколько листов, разделов из одной книги, а дальше текст из другой — «Что делать?» Ленина, «Манифест» К. Маркса и т. д. Ленинские произведения в этой тюрьме им удавалось читать по нескольку раз. Была и художественная литература, например, книга известного польского писателя Стефана Жеромского «Пшедвесне» (канун весны). Повесть эта была тогда очень популярна. Ею зачитывались и на свободе. Жеромский художественным словом раскрывал суть социальных конфликтов в тогдашней Польше. Учитывая, что книги были на польском языке, а надзиратели, по-видимому, не любили читать, к заключенным попадали произведения и А. Мицкевича, и Г. Сенкевича, и «Пламень» Л. Бжезовского о народовольцах. «Иногда, — вспоминал Сережа, — умудрялись прочесть и Д. Рида, В. Гюго, Э. Синклера».

В повседневной тюремной жизни самое главное — не поддаваться отчаянию, сохранить трезвость мышления. И Сереже это удавалось. Его кредо — верить, что, несмотря на свое сегодняшнее положение пожизненного заключенного, ты живешь, а значит, ты борешься. А раз борешься, будешь жить.

Так думал и этим принципом руководствовался Сережа в страшном равичском аду. Он стоически переносил все тяготы и неизменно верил, что всему приходит конец, придет конец и заключению. И действительно, тюремные замки были взломаны, заточение прервано. В первое утро сентября 1939 г. заключенные вырвались за тюремную ограду.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

Осень 1939 г. на Белосточчине не отличалась дождливыми днями, солнышко радовало, давало возможность управляться крестьянам с их делами до затяжных дождей. В городах тоже было как-то необычно спокойно: не слышно массовых забастовок, митингов, погромов. Как будто затишье перед бурей. В природе так бывает: кажется, все замерло, тяжелые тучи нависают над землей, где-то далеко-далеко слышатся глухие редкие раскаты грома, изредка сполохи молний, еле видимые, не пугают людей. Все это похоже на эхо, а не на само действо. Предвестники дождя, бури, но еще не разгул стихии. Легкий ветерок приносит то одно, то другое ощущение.

Так и в обществе, среди людей. Отдельные, отрывочные сообщения в газетах, рассказы побывавших в городе людей о каких-то международных переговорах, конфликтах. Мелькают фамилии Чемберлена, Даладье, Молотова, Риббентропа, изредка Сталина, Гитлера, Черчилля. Но это только эхо, все так далеко от забот простого человека. В большую политику его не пускают. Правда, о людях вспомнили во второй половине августа 1939 г., когда в Польше была объявлена всеобщая мобилизация и были сформированы, главным образом из жителей Западной Белоруссии, барановичский, слонимский, лидский и другие полки. Их в срочном порядке отправили на западные рубежи. Там, в случае войны, они должны были первыми принять на себя смертельный удар гитлеровских войск.

У населения возникли тревожные вопросы: «Зачем мобилизация? Почему отправляют белорусские полки на запад? Неужели война?» Ответа никто не давал — ни официальные власти, ни политические партии. Обстановка усугубилась тем, что с 1938 г. над коммунистическим движением Польши нависла угроза. Причем, находясь постоянно под запретом и непрерывным преследованием со стороны польских властей, Компартия Польши и ее составные части — компартии Западной Украины и Западной Белоруссии — меньше всего ожидали удара от Коминтерна.

В 1938 г. Коминтерн распустил КПП, КПЗБ и КПЗУ. Соответственно были распущены и комсомольские организации. По всей Польше прокатилась волна недоумения, непонимания. «Почему?» — вот основной вопрос, который задавали друг другу коммунисты и комсомольцы Польши. Да и не только Польши. Только после войны, когда в 1957 г. были реабилитированы компартии Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии, стали известны причины решения Коминтерна в 1938 г., по сути, ликвидировавшего одно из активнейших коммунистических движений. Тогда же стали известны и неко-

торые нюансы и последствия этого шага Коминтерна. А реалии, как выяснилось позже, были следующие.

Во второй половине 1930-х гг., как пишут теперь историки, в период борьбы за единый фронт против фашизма и войны, компартии Польши, Западной Белоруссии и Западной Украины стали более внимательно смотреть на вопрос самоопределения наций в условиях опасности начала новой войны, защиты ее независимости, на политику и тактику по отношению к другим, и в первую очередь демократическим, партиям. Они заявили, что в этих условиях готовы поддержать любое демократическое правительство, которое обеспечит народу свободу и будет придерживаться политики мира. Это оказалось «последней каплей» в решении Коминтерна распустить Компартию Польши.

По указанию Сталина началась расправа над КПП, КПЗБ, КПЗУ. Вся работа этих партий была оценена как «диверсионная деятельность агентов классового врага». Принимая эту фальшивую версию, ЦК Компартии Польши исключил из КПП и компартий Западной Украины и Западной Белоруссии ряд известных деятелей, обвинив их в агентурных связях и связях с буржуазными националистами. В партийных организациях были созданы специальные «комиссии чистки» для борьбы с «provokatorami». Многие руководители КПЗБ были вызваны в Минск и расстреляны. Этому предшествовали аресты 1937 г. в Москве и расстрел руководства Компартии Польши. Как стало известно после 1957 г., за период с 1937 по 1939 г. были расстреляны все 12 членов ЦК КПП, находившиеся в то время в СССР, а также сотни других партийных работников. Среди убитых были все представители польской компартии в исполкоме Коминтерна и его контрольной комиссии.

О трагической судьбе руководящих кадров национально-демократического движения Польши, Западной Белоруссии, равно как и Западной Украины, о трагедии всего коммунистического движения на этой территории рядовым коммунистам и комсомольцам было неведомо.

Осенью 1939 г. в Европе запыхал пожар войны. Гитлеровская Германия напала на Польшу. На второй день войны польские власти объявили всеобщую мобилизацию резервистов, а полиция начала облавы на бывших членов компартии, комсомола, активистов, главным образом из непольского населения. А в наших краях оно, по разным источникам, составляло от 67 до 90 %. Гаркавичи и соседние с ними деревни были белорусскими на 100 %. Жители, чтобы избежать ареста, уходили в леса, создавали дружины самообороны, партизанские группы. Они устраивали засады на дорогах, освобождали арестованных, громили полицейские участки и помещичьи усадьбы.

Связанные с Польшей договором о взаимной помощи, Англия и Франция 3 сентября 1939 г. объявили войну Германии. Однако практически военных действий против фашистской Германии они не предприняли. Вскоре с заявлением о готовности поддержать Польшу выступили Австрия, Индия, Канада, Новая Зеландия, ЮАР. И в этом случае дальнейшее дело не шло. Формально война приобретала международный характер, а практически Польша воевала с гитлеровской Германией один на один.

В целом ряде случаев подразделения польской армии проявляли упорство, героизм при защите своей страны, но германские силы значительно превосходили и по количеству, и по своей боевой мощи Войско польское. Также необходимо отметить полное бездействие союзников Польши и переход частями Красной Армии советско-польской границы 17 сентября. Все это стало важнейшим фактором трагического для Польши исхода военной кампании в сентябре 1939 г.

Через пару дней после начала войны несколько человек из Гаркавичей, служивших в Войске польском, пришли домой. От них-то в основном и узнали новости. А они были далеко неутешительными. По рассказам этих очевидцев, немцы, не останавливаясь, с ходу занимали город за городом.

Преследуя остатки польских подразделений, гитлеровцы вступили на земли Западной Белоруссии и Западной Украины, захватили ряд городов. Над населением «Кресов восточных» нависла смертельная опасность. В Гаркавичи немцы не заходили. И тем не менее люди жили здесь напряженной жизнью.

Вдруг пришла новость, всколыхнувшая все население Польши, Западной Белоруссии: Красная Армия начала освободительный поход, берет под свою защиту население Западной Белоруссии и Западной Украины. Эта новость молниеносно облетела все города и села. Из уст в уста передавались информация, слухи: где Красная Армия, какие города, населенные пункты уже освобождены. Что делать? Как встречать воинов-освободителей? А сентябрьские дни 1939 г. были по-летнему теплыми, солнечными. Сама природа, казалось, чувствовала всенародное ликование. Как-то само собой получилось, что люди празднично приоделись, с гармошками и песнями шли навстречу Красной Армии. Уже открыто несли красные знамена, лозунги. Во многих местах партизанские отряды и группы самообороны разоружали охрану тюрем, выпускали на свободу политзаключенных, помогали частям Красной Армии ориентироваться на местности, выполняли роль проводников, разведчиков.

По инициативе коммунистов во многих местах создавались революционные комитеты, которые брали власть на местах в свои руки еще до прихода Красной Армии, обеспечивали населению защиту от банд мародеров, полицейских. Немало они делали и для оказания помощи как материальной, так и медицинской освободившимся из тюрем политзаключенным.

Для встречи Красной Армии повсюду сооружались арки, трибуны, которые украшались лентами, цветами. И в Гаркавичах соорудили арку, украсили транспарантами, цветами. Там, естественно, были и мои сестра Люба, и брат Витя. А дети сновали туда-сюда. Бежали на пригорок, где вьется дорога на Крынки, чтобы первыми увидеть красноармейцев. Во всех населенных пунктах проходили стихийные митинги, собрания. До позднего вечера не стихали песни, пляски, разговоры.

До 25 сентября войска Красной Армии полностью освободили Западную Белоруссию. К середине октября 1939 г. Красной Армией была занята территория Западной Белоруссии и Западной Украины, равная 203 тыс. км², на которой проживало 13 млн человек — в основном украинского и белорусского

населения. «А это, — как справедливо написал Н. Вакар в вышедшей в США книге, — для Западной Белоруссии и Западной Украины означало восстановление их территориального единства, долгое время нарушенного войнами. Не случись этого, и уже в 1939 г. более 4 млн белорусов оказались бы под фашистской оккупацией».

Для подавляющего большинства населения Западной Белоруссии и Западной Украины, да и для многих поляков, которые бежали с территории, оккупированной гитлеровскими войсками, переход Красной Армией польской границы был спасением от фашизма, освобождением от 20-летнего господства польского режима на захваченных в 1921 г. непольских землях. Тогда не только народные массы, но и политики, историки в Польше и в СССР ничего не знали ни о пакте Молотова — Риббентропа, ни о «сговоре Сталина и Гитлера». Это теперь «всем все» известно, хотя надо учитывать тот факт, что «секретное соглашение» касалось Польши, во многом решало судьбу только государства. Вместе с тем это был как дипломатический, так и политический факт, который являлся завершением предвоенного политического кризиса в международных отношениях, а не его началом. «Секретное соглашение» не следует сравнивать с Мюнхенским договором, как это пытаются делать отдельные политики и историки.

Пожалуй, можно согласиться с авторами публикации «Вялікая Айчынная вайна савецкага народу» (Мінск, 2004) в том, что нельзя концентрировать внимание только на отрицательных моментах германо-советского договора. Это соглашение, как пишут авторы, в определенной степени поспособствовало объединению белорусского народа и закреплению территориальной целостности БССР, а значит — восстановлению исторической справедливости.

В 1921 г. была допущена большая несправедливость, когда разделили белорусские и украинские земли. Это признают, за редким исключением, практически все зарубежные исследователи. Они квалифицируют границу 1921 г. как границу, установленную силой оружия в результате войны, навязанной возрожденной Польшей Советскому Союзу. Английская исследовательница З. К. Коэн пишет, что Польша, воспользовавшись тем, что советская страна была занята борьбой с внутренними врагами, напала на нее и аннексировала часть украинских и белорусских земель. Такого же мнения придерживаются Н. Вакар, К. Фармер, С. Хорак, Д. Далинин, Ж. Бувье, Н. Ачерсон и др. Польский историк Б. Рыхловский прямо пишет, что граница 1921 г. «проходила не вдоль линии, которую можно было обосновать с исторической, этнографической или политической точки зрения, а вдоль линии, на которой остановились польские войска в период осенней кампании. Она была результатом вооруженного компромисса, а не рационального урегулирования».

А тогда, в 1939 г., простые люди, жители западных областей Белоруссии, воспринимали события такими, какими их видели. Мы не можем игнорировать тот факт, что западные белорусы, как и их братья-украинцы, верили и надеялись, что именно с востока, из СССР, придет освобождение. Не разбираясь, в большинстве своем, в особенностях государственного устройства СССР

и тем более в партийно-политической борьбе в ВКП(б), в ситуации в Коминтерне, западный белорус знал, что где-то совсем недалеко, восточнее станции «Негорелое», — граница, а за ней начинается огромная, в мечтах взлелеянная и в песнях воспетая великая Страна Советов, для которой он свой, в которой живут его братья-белорусы, которая была ему маяком, светочем. И поэтому, когда на улицах населенных пунктов, на дорогах появились танки с красными звездами на башнях, конница с бойцами в буденовках, ликование народа не было предела. Это было для нас великое историческое событие. Не случайно в сентябре 1945 г., после окончания войны, в честь 6-й годовщины воссоединения белорусского народа в Минске состоялся парад, забытый, к сожалению, сегодня, — парад победителей. С тех пор, вплоть до 1989 г., этот день отмечался на государственном уровне, как официальная дата воссоединения белорусского народа. А теперь и эта традиция забыта, но до сих пор 17 сентября сохранилось в названии улиц большинства городов Западной Белоруссии.

У старшего поколения вместе с радостью освобождения присутствовала тревога: с чего начинать новую жизнь, что делать в первую очередь вышедшим из подполья и вернувшимся из тюрем коммунистам и комсомольцам. Им, естественно, было радостно, что их борьба, полная риска и потерь, помогла белорусскому народу освободиться от белопольских захватчиков. Но впереди много дел, много работы.

Воссоединение: митинг в Белостоке. Сентябрь 1939 г.

Основные воинские части шли дальше на запад. В освобожденных же городах и селах остались уполномоченные. Их задача заключалась в том, чтобы помочь народу разобраться, что и как делать, с чего начинать. Прежде всего нужны хотя бы временные органы власти. И повсеместно в городах создаются Временные управления, а в селах — Крестьянские комитеты. Для охраны общественного порядка и борьбы с остатками банд, польских воинских групп созданы отряды самообороны и добровольная крестьянская милиция. Из гаркавических активистов кто-то стал работать в Крестьянском комитете, кто-то пошел служить в народную милицию. Срочно нужно было решить вопрос с землей, открыть национальную школу, создать для молодежи клуб, организовать обучение неграмотных, издавать газеты на белорусском, украинском и польском языках и т. д. Перед освобожденным народом встали задачи установления рабочего контроля на производстве, трудоустройства безработных.

Хотелось бы отметить следующий факт. До сентября 1939 г. политическим и культурным центром Западной Белоруссии был город Вильно. Но по договору между правительствами СССР и Литвы, подписанному 10 октября 1939 г., Вильно и Виленская область, в которую входили Виленско-Трокская часть, территории Свенцянского и Браславского районов, общей площадью 900 км², были переданы Литве. При этом передача эта проводилась без согласия населения этих районов и учета национального состава. Можно полагать, что в основе этого решения были чисто политические соображения.

В Белостоке, который в то время стал центром Западной Белоруссии, находились представители Компартии, правительства Белоруссии, командования воинских частей, освобождавших наши земли. Туда прибывали из тюрем, подполья бывшие политзаключенные, руководители подпольных партийных и комсомольских организаций Западной Белоруссии.

Из газет мы узнали, что Временное управление Белостока в начале октября приняло обращение ко всем управлениям городов Западной Белоруссии. В нем, в частности, говорилось, что освобожденному народу прежде всего необходимо определить характер будущей власти и затем создать ее органы. А решить эти вопросы может только такой авторитетный орган представителей всех слоев населения, как Народное (Национальное) собрание.

Повсюду проводились митинги, собрания, выдвижение кандидатов в Народное собрание. Люба с головой окунулась в новую, но такую интересную жизнь. Уже все из Гаркавичей, сидевшие в тюрьмах, пришли домой. День-два отдохнули и включились в предвыборную кампанию. В деревне забурилась жизнь. Только мы ничего не знаем о Сереже. Ведь он так далеко, на самой польско-немецкой границе. Живой ли? Удалось ли выйти из тюрьмы до прихода немцев?

Потом каким-то образом он дал нам знать, что находится на свободе и очень хочет нас видеть, но так много работы, что нет времени приехать в Гаркавичи. Идет активная подготовка к выборам в Народное собрание. С утра до вечера — он на митингах и собраниях, на встречах с рабочими заводов и фаб-

В. З. Царюк и С. О. Притыцкий в президиуме Народного собрания в Белостоке. 28 октября 1939 г.

рик, с бывшими политзаключенными, с товарищами из БССР, с бывшими слушателями и учителями Школы КПЗБ.

И вдруг читаем в газетах, что С. О. Притыцкий выступал на митингах в Белостоке, Бресте и вместе с другими был избран депутатом Народного собрания. Депутатами стали авторитетные представители народа — деятели КПЗБ, комсомола, участники революционного движения, крестьяне, рабочие, представители интеллигенции: Ф. Пестрак, Я. Турлейский, В. З. Царюк, Ф. Г. Марков, А. И. Федосюк, Г. И. Шагун, М. А. Пронько, С. В. Селивоник, Л. Г. Шайковский, Р. И. Сержант и другие — всего 926 человек. И среди них наш Сережа.

Мы ожидали, что он приедет к нам после заседания Народного собрания. Однако в составе Полномочной комиссии, избранной Народным собранием, он выехал в Москву на пятую сессию Верховного Совета СССР. Комиссии поручалось передать сессии решения Народного собрания: «О вхождении Западной Белоруссии в состав СССР», «О государственной власти», «О национализации банков и крупной промышленности», «О конфискации помещичьих земель».

Согласно принятым сессией Верховного Совета СССР решениям, на основании воли народа, выраженной на Народном собрании в Белостоке в его декларации, территория Западной Белоруссии признавалась составной частью Белорусской союзной республики в составе СССР. Таким образом, после 20 лет борьбы за человеческое и национальное достоинство, преследований, тюремных заключений, мучений в концлагерях, пыток и расстрелов лучших сынов и дочерей белорусского народа, которые всеми силами приближали освобождение, весь народ смог сказать долгожданные слова: «Мы снова вместе».

Выступление С. Притыцкого. Фрагмент картины Ф. Мадорова
«Народное собрание Западной Белоруссии». 1939 г.

В начале ноября, наконец, Сережа приехал в Гаркавичи... По-видимому, есть у человека, особенно у ребенка, такое состояние, когда масса новых впечатлений сливается в один комок, клубок. Он не может расставить все по полочкам, понять, осмыслить. Все это один порыв, вихрь. Молниеносные действия, из которых он помнит все и ничего. Помнит слезы, объятия, шум, много людей — новые и знакомые лица, смех, радостные возгласы. А ребенок стоит, как потерянный в лесу, где все деревья большие. Но постепенно, через какое-то время, как на фотопленке, проявляются запечатленные с юности, сказанные кем-то слова, увиденные лица. И вот я уже представляю всю картину, даже ощущаю события. Приезд Сережи в Гаркавичи вижу так четко, как будто это происходит здесь и сейчас.

Люба суежилась больше всех. Приехал Сережа! Да не один. С ним его друзья по подполью, по работе в Народном собрании. Здесь же и представители Красной Армии и новой власти. Нужно их принять, уделить внимание. Но хочется послушать Сережу. Вопросы и вопросы. И вот что мы узнали из его рассказа.

В то первое утро сентября 1939 г. какая-то необычная, странная тишина наступила в равичской тюрьме. Не было слышно шагов надзирателей, звяканья ключей, скрипа открывающихся дверей. Никто не разносил привычную утреннюю бурду, накануне была отключена вода. Тюрьма, казалось, опустела, вымерла. И в эту тишину сквозь толстые кирпичные стены проник приглушенный гул: где-то вдали все чаще и чаще стало погромохивать, да еще с долгими продолжительными раскатами. Гроза? Гром? И вдруг эту тишину нарушил сильный взрыв. За ним последовали другие взрывы, гул моторов, треск пулеметных очередей. Невидимый тюремный «телеграф» передал по всем камерам: «Что-то случилось. Будьте бдительны».

С. О. Притыцкий и В. З. Царюк среди членов Полномочной комиссии Западной Белоруссии на приеме правительства СССР. Ноябрь 1939 г.

Прильнув к решеткам узких окошек, заключенные увидели, что тюремное начальство суетится в замешательстве во дворе. Вдруг тюрьма словно взорвалась — со всех сторон неслись пронзительные крики: «Ломай двери и запоры! Выходи во двор!» В коридоре топот, рев толпы. Трещат двери. Где ключами, где арматурой, увесистыми железными прутьями открыли все камеры. Заключенные свободны.

А по дороге мимо тюрьмы двигались польские войска. Что же происходит? И новость оглушила собравшихся во дворе. Это война! На Польшу напала Германия. Политзаключенные (около 800 худых, голодных, измученных узников) вышли за ограду и двинулись на восток, ведь для них фашисты не менее опасны, чем польская охранка.

В. Царюк, П. Железнякович, Р. Сержант и другие их земляки держали путь через Львов на Барановичи. А Сережа вместе с руководителями Компартии Польши, которые сидели в равичской тюрьме, направился в Варшаву. Ему казалось, что это самый близкий путь в Гаркавичи. Кроме того, они надеялись, что в столице Польши им дадут оружие и они вместе со всем польским народом будут защищать Варшаву от немецких фашистов. Но их ждало горькое разочарование. После двух недель окружения немецкими войсками Варшава пала.

Вместе с товарищами Сергей ушел дальше на восток. Недалеко от Минска-Мазовецкого они впервые увидели красных кавалеристов.

Какой счастливый Сережа приехал к нам, прямо светился! Весь в мыслях, планах, новых заботах. «Вы знаете, товарищи, — говорил он собравшимся у нас дома, — сколько перед нами задач, какую огромную работу нужно проверить, сколько сил вложить, чтобы наш народ выбрался из нужды, нищеты, темноты к светлой радостной жизни. Наш народ достоин этого! Так? А значит, нужно засучить рукава и помочь ему, нашему народу, теперь свободно зажить счастливой жизнью».

Послышались конкретные вопросы: «С чего начинать, что делать уже сейчас?» — «У вас есть своя местная власть, есть коммунисты, с ними вы найдете те звенья, которые помогут вытянуть всю цепь, решить те задачи, которые определены в декларациях Народного собрания, в решениях пятой сессии Верховного Совета СССР», — таков был ответ.

Тогда Сережа нам не сказал, что ему не давала покоя судьба нашего Александра. Не сказал и то, что посылал запросы в исполком Коминтерна на имя Сталина, Калинина. Позже мы узнали, что, будучи на пятой сессии Верховного Совета СССР, Сережа воспользовался случаем обратиться к первому секретарю ЦК ВЦСПС Н. М. Швернику, ведавшему вопросами национальных отношений: «Я член Полномочной комиссии, меня выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, но мой родной брат где-то у вас числится врагом народа, если еще жив, то где-то в лагерях. Но в это невозможно поверить. Человек, беззаветно преданный своему народу, носит клеймо «враг народа». Если мой брат, который меня учил, вдохновлял на революционную борьбу, враг, то кто тогда я? Я категорически заявляю — он не враг народа, он всю жизнь боролся в Западной Белоруссии за свободу своего народа. Если вы

С. О. Притыцкий среди родных, друзей и земляков
в д. Гаркавичи. Ноябрь 1939 г.

верите, доверяете мне — поверьте и ему. Нужно его найти и разобраться, что с ним и где он». Как это похоже на Сережу.

Некоторые товарищи, знакомые более или менее с репрессивной машиной, запущенной уже на полную мощность в СССР, остерегали Сережу: «Не торопись, не накликай беду на свою голову». Но не в его правилах поворачиваться спиной к опасности, отступать от правды. Со всей своей принципиальностью и открытостью как в 1936 г., не щадя жизни, шел в суд защищать коммунистов от провокатора, так в 1939 г. он готов был пожертвовать начинающейся карьерой во имя справедливости, защищая коммуниста — брата Александра.

Об этом мы узнали позже. А тогда в Гаркавичах Сережа сказал нам, что забирает меня в Белосток, мне надо учиться, а здесь всего четырехклассная школа, которую я уже окончила. Да и некому за мной здесь смотреть. У Любы хватает дел, и она должна помогать отцу. Как устроимся, в Белосток придет и Витя. «Маму, конечно, я им не заменю, — с грустью сказал он, глядя на нас с Витей, — но сделаю все, чтобы они стали настоящими людьми».

Сразу после переезда в Белосток я пошла учиться в польскую школу в 5-й класс. А после Нового года в Белостоке открыли русскую школу. Там учились дети военнослужащих, партийных и советских работников, приехавших из СССР. Сережа отвел меня туда.

В 1940 г. были большие проблемы со школами. Только в Белостокской области было 817 польских школ. А так как обучение переводилось в основном на русский язык, то срочно было подготовлено на шестимесячных курсах около 600 преподавателей. Присылаемых из восточных районов учителей не хватало. Кроме того, уже первый учебный год показал, что присылаемые учителя не всегда соответствовали особенностям вновь присоединенных национальных районов. Местная белорусская интеллигенция, пострадавшая в условиях межвоенной Польши, затем подверглась репрессиям со стороны советской власти. Уцелеть удалось немногим. Встал вопрос обеспечения учителями открываемых белорусских школ. При Белостокском педучилище и Гродненском учительском институте срочно были открыты курсы подготовки учителей для русских, белорусских и польских школ.

Нам дали отдельную квартиру в одноэтажном особнячке на Красноармейской улице. Домик красивый, уютный. Всего было 4 комнаты — две наши и две занимал военный комендант города. Приехал Витя, поступил на рабфак. Мы с Витей учились, Сережа целыми днями — на работе.

Западные области бурлили. Шло зарождение и становление новой жизни, новой власти. Проходило оно поэтапно, сообразно с конкретной обстановкой и требованиями времени. Сразу после освобождения были созданы Временные управления и Крестьянские комитеты. Они в так называемый «переходный период» в течение 1,5—2 месяцев устанавливали революционный порядок. Необходимо было создать полноценные Советы депутатов трудящихся. Если на первом этапе в руководстве временными органами власти были в основном кадры, присланные из восточных областей, представители Красной Армии, то уже в постоянных органах трудились и местные.

В западных областях было много хороших, преданных коммунистическим идеалам, честных людей. Но эти люди умели бороться за советскую власть, а строить социализм не умели, они его не видели, не знали. У них не было опыта. Важнее было другое. К ним было недоверие, связанное с роспуском КПЗБ и комсомола. В партии они не числились, только единицы были восстановлены, а остальных принимали на общих основаниях. А беспартийных в западных областях, в те времена наводненных «чуждыми элементами», «provokatorami», агентами различных разведок, не хотели ставить на руководящие должности. И вот приходилось на первые, так сказать, роли ставить зачастую случайных людей, не знающих местных условий, специфики, людей, присланных с востока. Даже на низовую работу местные кадры выдвигались с оглядкой. Увы, далеко не всегда эти «восточники», как их тогда называли, оказывались на своем месте и оправдывали то доверие, которое им оказывали вышестоящие органы.

Обстановка осложнялась и огромным количеством беженцев, которые все пробирались на восток, уходя с территории, оккупированной немцами. Их нужно было принять, накормить, трудоустроить, обеспечить жильем, медицинской помощью. А это было не всегда возможно. Напряженность в обществе росла, возникала криминогенная обстановка, антисанитария, кое-где начались подогреваемые provokatorami волнения.

Кроме того, немало здесь было и тех, кто еще прятался в лесах, не воспринимал советскую власть, надеясь на возврат прежней, польской власти. Такие настроения подогревало польское правительство в эмиграции, которое имело довольно широкую подпольную сеть своей агентуры как в западных областях Белоруссии и Украины, так и на собственно польских землях, захваченных Германией. Поэтому, разворачивая движение Сопротивления на оккупированной фашистской Германией польской территории, эмигрантское правительство одновременно занималось организацией борьбы и с советской властью, красноармейцами, белорусской интеллигенцией на бывшей территории Западной Белоруссии. Как показывают документы, сотни красноармейцев, партийных и советских работников, представителей интеллигенции погибли от рук польских националистических вооруженных групп.

Необходимо отметить, что определенную негативную роль на обстановку, в которой проходили социалистические преобразования в новых областях Белоруссии и Украины, сыграли события в Прибалтике. Там определенная часть националистически настроенных политиков Литвы, Латвии и Эстонии пыталась создать военно-политический союз (Прибалтийскую конфедерацию), направленный против присоединения этих территорий к СССР. Активно использовали польские политики и непопулярную советско-финскую войну в своей антисоветской пропаганде.

На фоне такой неблагоприятной международной обстановки органы НКВД проводили мероприятия по борьбе с «неблагонадежными элементами» на самой территории вновь присоединенных западных областей. Это в первую очередь были члены бандитских, националистических польских групп, совершавших

убийства красноармейцев, активистов — сторонников советской власти, их семей. Были среди арестованных и осадники, полицейские, кулаки, лесничие и др. Десятками тысяч, целыми семьями их стали вывозить в Сибирь, Казахстан и в другие места. Это, естественно, работало не на пользу популярности новой власти, не способствовало стабилизации обстановки в крае. В таких сложных условиях проводилась подготовка к выборам в местные советы, которые состоялись 15 декабря 1940 г.

Перед новой советской властью стояли задачи исключительно важные, сложные, но от их решения зависело будущее освобожденного народа, авторитет, да и само существование этой новой, советской власти. Необходимо было в самые сжатые сроки организовать трудящихся на преодоление наследия прошлого, когда польские правящие классы рассматривали Западную Белоруссию как сырьевой придаток центральной Польши, практически не развивали здесь промышленность, лишали белорусский народ возможности развития своей культуры, будущего.

В 1940—1941 гг. новая власть, национализировав банки, те промышленные предприятия, которые имелись в руках государства, частных лиц, начала возрождать, развивать, расширять и главное — строить новые. В Белостоке, Гродно, Лиде, Мостах, Барановичах, Бресте, Пинске и других городах и местечках восстанавливались либо строились новые заводы сельскохозяйственного машиностроения, фанерные, кожевенные, табачные, мебельные, мукомольные фабрики, а также мастерские по бытовому обслуживанию населения.

С. О. Притыцкий — заместитель председателя
Белостокского облисполкома. 1940 г.

Упорядочена была государственная и кооперативная торговля. Открыто около 400 магазинов по продаже продовольственных и промышленных товаров в городах и местечках. В Новогрудке был открыт торгово-кооперативный техникум, велась активная работа по укомплектованию и развертыванию подготовки счетных, плановых и торгово-заготовительных работников. Активно шло строительство Днепро-Бугского водного канала, был открыт Белорусский государственный заповедник — ныне Национальный парк «Беловежская пуша». Как отмечал в своем дневнике П. К. Пономаренко, вопросы хозяйственного развития были под постоянным контролем не только руководства республики, но и центральных органов власти страны.

Широко развернувшееся промышленное строительство дало возможность предоставить рабочие места большому количеству безработных. Кроме того, более 20 тыс. человек безработных из западных областей республики были направлены на фабрики и заводы в восточные районы, на стройки и промышленные предприятия других республик СССР.

Уже в 1940 г. промышленность воссоединенных районов выпустила в два с лишним раза больше продукции, чем в 1938 г. Активно разрабатывался план осушения полесских болот. От Бреста до Гродно началось возведение пограничной линии обороны, где были задействованы тысячи людей. П. К. Пономаренко пишет в своем дневнике: «Этот участок укрепления границы на западе страны был важнейшим из объектов и находился под постоянным контролем Москвы и лично Сталина».

Как же радовался Сережа всем этим преобразованиям! Он мог говорить и говорить обо всех изменениях, принимаемых мерах и намечаемых планах по строительству новой жизни, а мы с Витей были внимательными слушателями. Он уже — депутат Верховного Совета СССР. Депутатские обязанности при Сережиной внутренней обязательности отнимали у него много времени. Жизнь для него открылась новой, непривычной стороной, поэтому легко понять его активность, жажду деятельности. Он не щадил своих сил и времени в этом водовороте событий и дел. И вот Сережа — заместитель председателя исполкома Белостока. И здесь все для него новое, непривычное. В его ведении находились вопросы культуры, образования, социального обеспечения.

А в новых областях так не хватало квалифицированных национальных кадров. Нужны были помещения, оборудование для школ, культпросветучреждений. Не хватало учебников. Но уже издавались газеты, областные, местные, на национальных языках: белорусском, польском, русском и еврейском. Завезено из БССР все необходимое оборудование для типографий. В Белостокской области работало 23 кинотеатра, 5 театров. Разворачивалась сеть ФЗО, медицинских, музыкальных училищ и школ. Функционировали два вуза: Белостокский педагогический и Гродненский учительский.

Разительные изменения произошли в сфере медицинского обслуживания населения. Вот несколько фактических данных. Если до воссоединения на «Кресах восточных» было 60 больниц и родильных домов, то в 1940 г. их уже было 243, соответственно выросло и количество врачей: к 1939 г. — 70, а в 1940 г. — 1755, без учета специалистов со средним медицинским образованием.

Каждое дело, каждый шаг казались важными и значительными. Сереже хотелось как можно быстрее решить все. А тут еще возникли проблемы со здоровьем. Болели ноги. Бывали дни, когда ходить было невозможно. Сказывались тысячи километров дорог, пройденных пешком, раны давали о себе знать. Нет-нет да и шевельнется пуля, застрявшая в бедре, желудок иногда горит. Врачи, друзья и знакомые советовали отдохнуть, подлечиться. Но где там! Заходя утром в комнату Сережи, я часто видела его побледневшее хмурое лицо.

— Сережка, болит что?

— Не-а! Снова кошмары. Ты знаешь, сегодня почему-то особенно беспокойная ночь была. Часто просыпался, вскакивал. Каждый стук принимал за грохот ключей. А шаги на улице казались топотом надзирателей. Никак не могу избавиться от этого. А проснусь — такая тишина, покой, никакой тюремной сволочи.

Мы с Витей учились: я в школе, он на рабфаке при Белостокском пединституте. Новый вуз возглавил Иван Сергеевич Кравченко, который в послевоенный период стал директором Института истории при АН БССР. Готовились к встрече Нового года. Это уже второй Новый год в новой для нас жизни, который принес неожиданную встречу.

Сережа, как всегда, задерживался на работе. Я собиралась на новогоднюю елку в Дом офицеров, и вдруг в коридор нашей квартиры вместе с соседом вошел мужчина и стал внимательно меня рассматривать. У человека в телогрейке, солдатских ботинках и выдавшей виды шапке-ушанке были до боли знакомые, родные голубые глаза. А он кинулся ко мне со словами: «Ирочка, сестренка!» И тут я поняла, что это Санька.

Позвонила в облисполком и сквозь слезы выговорила: «Сереженька, Санька...» Буквально через несколько минут Сережа был дома. Мы с Санькой сидели в моей комнате и не могли насмотреться друг на друга. Вместе с Сережей к нам ворвались друзья, соседи, бывшие подпольщики. Я их всех и не знала, и теперь не помню. Но это нужно было видеть, слышать — объятия, возгласы: Володя, Аркадий, Саша и т. д. Только и слышно: «Павла видел? А знаешь, где Миша? А Лизу помнишь? А что с Соней?» Я с недоумением смотрела: какой же это Саша, если это Самуил Яковлевич Шварцман, какой Аркадий, ведь это Сережа, какой Володька, ведь это наш Санька.

Далеко за полночь, опомнившись, что уже поздно, разошлись наши гости. И мы остались одни. Своя семья. И тогда Санька задал, наверно, мучавший его все время вопрос: «Ну, а как мама? Где она?» И вопрос тяжелым камнем упал в безмолвную тишину, повис в воздухе. Как маме не хотелось в свое

Брат Виктор. Белосток, 1941 г.

время говорить о судьбе Саньки, так теперь трудно сыну сказать, что мама его не дождалась.

Через несколько дней мы вместе поехали в Гаркавичи. Там снова вопросы, вопросы. Всем хотелось знать о событиях в Испании, почему республика потерпела поражение, видел ли кого из земляков и т. д. Но оказалось, что он был не в Испании, а в СССР. Тут уж и вовсе неиссякаемый поток вопросов: где был, что делал, как там жизнь? Но ответы были скудными, однозначными.

— Интересно. Проехал всю страну с запада на восток. Сибирь... Всего навиделся. Но очень хотелось домой.

Односельчане вскоре поняли, что Саня устал, ему хочется отдохнуть, побыть с родными. А отец своим любящим сердцем почувствовал, что здесь что-то не так.

— Сынок, ты не можешь говорить?

— Пока нет.

Невдомек было отцу, что его сын дал подписку о неразглашении сведений — где был, что делал. Немые вопросы во взгляде отца ставили в трудное положение сына. И он осторожно дал понять отцу, «что произошло досадное недоразумение, ошибка. Их с напарником приняли за других, а пока разбирались, время шло. А когда разобрались — отпустили». Не мог Александр сказать отцу, что они оказались в СССР, когда там набирало обороты колесо репрессий, что в эту мясорубку попали сотни тысяч невинных, преданных своим идеалам коммунистов, беспартийных. Как видно, не прокатилось оно и мимо нашей семьи.

А тем временем в деревне создавался колхоз. А что сельчане знали о колхозах? Кто возглавит? Ни теоретически, ни практически не было подготовленных людей, но и крестьяне не знали, не имели представления, с чего начинать. Техники нет, скота мало, земли бедные, кадров нет. Но есть план. Есть решения, указания...

И опять кавалерийским наскоком. Дашь сплошную коллективизацию. И опять те же ошибки, те же издержки, перегибы, что были в СССР в годы «сплошной коллективизации». Естественно, росло недовольство крестьян. Росла и соответствующая реакция государственных органов. Появились «антисоветчики», «кулачье», «националисты». Тут же карающая рука закона.

Колхоз стал носить имя вождя — Сталина. Председателем колхоза назначили Саньку, считая, что он, прожив шесть лет в СССР, знает, как и что делать. А он ведь этих колхозов в глаза не видел. Но вынужден был молчать.

Дела пошли неплохо. Засеяны яровые, хорошие всходы озимых, обогатившийся скот уже в поле. Новый председатель как мог старался поднять хозяйство, помочь односельчанам выбиться из нужды, бедноты. Уже работали белорусская школа, молодежный клуб. Общими усилиями («гуртом») ремонтировались ветхие хаты колхозников, а кое-кому стали строить новые. 19 мая 1941 г. Санька женился. Его жена Аня работала агрономом в Гаркавичах. Сестра Люба работала в сельсовете, вышла замуж за Иосифа Матусевича, товарища по совместной работе в подполье.

В это время в жизни Сережи произошло еще одно весьма важное событие. 12 мая 1941 г. Бюро ЦК КПБ рассмотрело решение комиссии ЦК КПБ «О

переводе в члены ВКП(б) бывшего члена КПЗБ С. О. Притыцкого». Распущенная в 1938 г. КПЗБ еще была не реабилитирована.

Позже я узнала, что вопрос о приеме в партию бывших членов КПЗБ решался тогда медленно, трудно. Еще в 1939 г. — начале 1940 г. Сережа обращался к П. Пономаренко. С аналогичной просьбой обращались и П. Финдлер, М. Навотко, Ст. Вербловский, А. Лямпе, Р. Каплан — бывшие руководящие работники компартий Польши и Западной Белоруссии. Пономаренко уклонился от переговоров о восстановлении их в партии, сославшись на решение Коминтерна. Тогда А. Лямпе, С. Захорьян и Р. Каплан поехали в Москву в Коминтерн. Они добились приема у Георгия Димитрова и Мануильского. Однако это были пустые хлопоты. У всех недоумение. Что это? Почему? Кто даст ответ?

Тогда Ванда Василевская решила обратиться к Сталину с письмом, где все подробно изложила и просила помочь. Сталин отреагировал положительно. Была создана Комиссия в ЦК ВКП(б) по изучению и принятию решения о членстве в партии бывших коммунистов Западной Белоруссии. И вопрос был решен. В члены ВКП(б) приняли некоторых бывших узников польских тюрем. Им были выданы партийные билеты и восстановлен партстаж. Так был восстановлен в партии и С. Притыцкий, также с декабря 1931 г. — и его партстаж.

Сереже иногда удавалось выкроить свободный вечер, и мы ходили в театр. Первый в своей жизни спектакль «Снежная королева» я смотрела в Белостокском польском театре. В городском театре часто давали спектакли театральные коллективы из Минска и других городов. Там я смотрела «Коварство и любовь». Рыдала, что героиня погибает. На каникулы я уезжала в Гаркавичи. Однако в связи с тем, что 22 июня наш школьный танцевальный коллектив, в котором я тоже танцевала, должен быть выехать в Минск на какой-то смотр художественной самодеятельности, Сережа меня накануне выходных забрал в Белосток. Вечером мы пошли в театр, смотрели «Оптимистическую трагедию».

А утром, в четыре часа, начался отсчет нового, военного времени.

МОИ ВОЕННЫЕ ДОРОГИ

Дата известная и трагическая — 22 июня 1941 г. День, когда был проклят немецкий фашизм народами всего мира. Дата всенародной трагедии, конца мирной межвоенной истории и начала кровавой истории новейшего времени. От этой даты ведет мое поколение отсчет времени «до» и «после». Дата, перевернувшая страницы международных договоров и соглашений. С одной стороны, были опрокинуты понятия чести, человечности, христианских ценностей. С другой стороны — это было рождение невиданного героизма, доблести, самоотверженности, самопожертвования. Мир раскололся.

Казалось, раскололось и небо над Белостоком, когда 22 июня 1941 г. в полной тишине весенней ночи взорвались первые бомбы. Запылали дома, поднялись к небу черные столбы дыма. Мы вскочили с постелей, ничего не понимая.

В окнах — сполохи пожаров, как молниями, разрезалось небо от взрывов. Гул, грохот, крики. Сережа стоит бледный, кому-то звонит, что-то выясняет, переспрашивает. «Одевайтесь быстро. Сидите дома. Никуда не ходите!» — четко, строго приказал нам. Сам вызвал машину и уехал. Через какое-то время позвонил и снова предупредил — никуда не выходить, собрать самое необходимое. Мы едем в деревню. Часов в одиннадцать приехал Сережин водитель Леня и сказал, что он отвезет нас в Гаркавичи. Там мы должны пробыть несколько дней, пока все успокоится. Так начались наши с Витей дороги войны. Мы поехали в направлении Соколки. Однако недалеко от города нас остановили красноармейцы, сказав, что в Соколке уже немцы и мы туда не попадем. Леня привез нас обратно в Белосток. Сережа звонил, подбадривал нас. В очередной раз позвонил и сказал, чтобы мы были готовы, поедем в Минск. Нас с Витей, по просьбе Сережи, сопровождала женщина по имени Нюра.

Во дворе облисполкома уже стояли грузовые машины, заполненные ящиками, пакетами, и там сидело много людей. Сережа дал нам на дорогу 100 рублей и наказал искать его в Минске в Доме правительства либо в ЦК комсомола. Километров 100 мы ехали спокойно. Люди молчали, каждый переживал, думал, прощался с кем-то, с чем-то в одиночку. Но война с бомбежками и кровью нагоняла нас. Появились немецкие бомбардировщики и снова стали бомбить город, дороги, по которым отступали наши воинские части. На восток брели черные от пыли и копоти, измученные, голодные красноармейцы, молчаливые, растерянные, затравленные. В глазах недоумение, страх, боль. Многие без оружия. Почти не видно было командиров.

Во время налета машины останавливались, мы бежали от них подальше — в лес, овраг, кустарник, посеvy. Во время очередного налета, когда мы вернулись к машинам, — оказалось, что три машины, в том числе и наша, разбиты, вещи, ящики разбросаны. Остальные машины ушли. Собрав свои вещи, мы пошли пешком. Это было между Волковыском и Слонимом. Где точно — не помню. Не доходя до Столбцов, нам удалось сесть на какой-то станции в товарный поезд. Мы вздохнули с облегчением. Из-за бомбежек поезд часто останавливался. Уже прошла ночь, кончается второй день, а мы все в пути. Ужасно хочется есть. С тоской вспоминали оставленную дома на плите полную кастрюлю вареной картошки. Купить ничего нельзя.

Подъехали к Минску. Снова налет вражеских самолетов. Рвутся бомбы. Поезд остановился, не доезжая вокзала. Опасаясь, что будут бомбить эшелон, люди бросились из вагонов-теплушек. Отбомбившись, самолеты повернули назад и на бреющем полете стали расстреливать бежавших от поезда людей. На привокзальной площади — три огромные воронки. Вокзал был цел. Нашли Дом правительства. Почему-то мне запомнилась Ленинградская улица. Мы шли по ней от вокзала. На грузовую машину солдаты грузили убитых, а «Скорая помощь» подбирала раненых. Ни в Доме правительства, ни в ЦК комсомола мы никого не нашли.

Что делать? Куда идти? Вите 17 лет, мне 13, да полуграмотная Нюра. И мы влились в большой поток людей, которые по Советской улице шли в одном

направлении — на восток. Опять идем. Начинались сумерки, но от пожаров, полыхавших в городе, довольно светло. По левой стороне улицы какие-то деревья: лес, парк? Потом мы узнали, что здесь раньше была территория какой-то выставки — то ли сельскохозяйственной, то ли народного хозяйства. Главное же, что можно уже сесть под этими высокими деревьями. Нет уже ни сил, ни желания куда-то двигаться. Немного отдохнув, Витя пошел искать чего-нибудь поесть, сориентироваться, где мы и как быть дальше. Прижавшись к дереву и Нюре, я тут же уснула. Мой сон прервал голос Вити: «Смотрите, что я принес». Оказывается, по чьему-то распоряжению какие-то службы подвозили еду для эвакуированных. Витя принес нам по два бутерброда. Слава Богу, за двое суток что-то можно съесть. Сил идти дальше нет. Так мы под сосной, прижавшись друг к другу, задремали.

Чуть рассвело, мы снова отправились в путь, чтобы уйти подальше от города, где в любую минуту может начаться бомбежка. Народ идет сплошным потоком. С тачками, детскими колясками. В основном женщины и дети. Поднявшееся солнце печет нещадно. Пить хочется, губы в трещинах. Часто по обочинам дороги — лес. Тянет в тень. А когда летят бомбардировщики, хочется спрятаться. Но нас туда не пускают. Там красноармейцы, военная техника. Мы где стоим, там и ложимся, в основном — падаем в кювет. Отбомбившись, самолеты уходят на запад, а мы встаем и снова идем на восток. Но не все встают...

Наши поклажи с каждым уже не километром, а метром тяжелее. Мои бо-соножки порвались, я иду босиком. Проходим мимо деревень. Вот и колодцы. Но там то милиционер, то солдат, а то и просто фанерой закрыто и надпись: «Не пить! Отравлено».

И так мы плетемся целый день. Остановиться в деревне невозможно. Куда ни подойдем — там уже полно беженцев. Наконец, помню, на взгорке — деревня. Не знаю названия. Витя зашел в одну из хат и стал просить, говоря, что его сестренка не может идти дальше: «Пустите передохнуть хоть в сарай». Женщина, усталая, немолодая, только рукой повела, мол, смотри: действительно на полу, скамейках лежали такие же, как и мы, беженцы. Но когда она глянула на меня, на мои сбитые ноги — заплакала и повела за занавеску. Она уступила нам свою кровать, а сама с двумя детьми легла на печи.

Утром пошли дальше. Так под страхом постоянно завывающих немецких самолетов мы добрались до Смоленска. Нам удалось сесть на товарняк и опять под бомбежкой, пересаживаясь из состава в состав, мы доехали до Орши. Здесь на вокзале работали столовая и буфет. Мы впервые за три дня поели горячего. Вдруг опять появились бомбардировщики. Не успевших спрятаться в кустарнике и воде расстреливали, с бреющего полета. После Минска мы научились распознавать прерывистый, все нарастающий гул самолетов и оглушительный, пронизывающий все тело взрыв бомб, свист пуль, крики и стоны раненых и навсегда застывший взгляд в никуда — убитых.

Подошел товарный состав. Погрузившись в теплушки, с вынужденными остановками для очистки дорог и мостов мы уехали в Россию. Где будет конечный полустанок или станция, неведомо. Главное — нет бомбежек.

В начале июля мы приехали в Саратовскую область. Станции не помню. Вышли из вагонов. Митинг. Потом зачитали списки, которые составили по ходу поезда, и была дана команда искать свои колхозы. Чтобы не задерживаться, нам выдали сухой паек, и мы поехали. Страх уже не было. Были тревога, любопытство: а как мы там будем жить, что делать, как нас примут?

В 15—18 км от Новых Бурас мы остановились у первого населенного пункта. Это и есть наш конечный пункт следования, село Ириновка. Но оно не похоже на наши деревни. Село так село: 320 домов, 4 или 5 улиц, в центре — небольшое озеро. Здесь и правление колхоза, и «мост» или «пяточок», куда по вечерам выходила молодежь погулять. Распределили нас по квартирам. Нам с Витей пришлось расстаться. Витю и еще одного парня взял на квартиру председатель колхоза. Меня и Нюру определили в семью, где хозяин и старший сын были на фронте, а дома — хозяйка, дочь Валя — 17 лет, Мишка — 6 лет и Колька — 4 года. Колхоз начислял хозяевам какие-то трудодни за эвакуированных. Питались мы так: завтрак и ужин — у хозяев, а обед — в поле. Ведь мы все пошли работать в колхоз.

Леса там были лиственные, довольно сырые. Ни сосен, ни елей не было. В связи с этим и ягоды там были соответствующие. Вдоль ручейков росли поречка, иногда черная смородина, калина, рябина, костяника и клубника. Нам было в диковину сбор этих ягод в лесу. Каждая женщина, идя на сенокос, несла с собой ведро. Во время отдыха, обеда все старались собрать как можно больше ягод. Ведь это заготовка на всю зиму.

Вот еще завораживающая картина — огромные поля подсолнечника. Для нас, привыкших, что полоски земли шириной в 2—3 метра разделялись межей или бороздой, узкими лентами уходили за пригорки, было удивлением, что здесь как глазом окинуть цветет подсолнух.

Я ходила в поле наравне с другими. Старалась работать хорошо. Ведь Витя — бригадир. Ему будет нагоняй за невыполненную либо плохо выполненную работу. А тут вскоре основная мужская половина ушла из бригады, уехали кто куда: кто стал работать в районе фотографом, кто устроился в пекарни, кто стал сапожничать и т. д. В колхозе из мужчин остались Витя, Збышек, еще два парня, у которых не было сноровки кустаря, парикмахера. Урожай собирали в основном машинами. Меня определили на комбайн. Стояла я на соломонакопителе, где в мою обязанность входило вилами сталкивать вниз солому, когда набиралось ее много. Стояла я и у бункера, где мне и моей напарнице нужно было быстро наполнять мешки, завязывать и, когда подъедет машина, помогать загружать их. До сих пор помню эти большие, тяжелые мешки.

Очень нелегко было, когда убирали просо. На накопителе была такая пыль, что ни марля, ни платки не спасали, как и от мошкары, гнуса, когда даже керосином смачивали марлю.

А тем временем мы непрерывно писали письма в ЦК ВКП(б), в Верховный Совет, в правительство СССР, «на деревню дедушке», и разыскивали Сережу. Нам хотелось хотя бы что-нибудь узнать о родных. Не знали мы и того,

что Сережа нас разыскивал. Кто-то ему сказал, что видели разбитые машины. Он решил, что мы все погибли.

Для Сережи это был страшный удар. Он в это время работал вторым секретарем ЦК комсомола Белоруссии. Жили они в одном номере с другом Владимиром Зеноновичем Царюком в гостинице «Москва». По совету Царюка возобновили поиски.

Какая же была радость, когда они нашли нас в Саратовской области, в Ириновке. Словами невозможно передать, что мы пережили, почувствовали, когда председатель колхоза позвал Витю и сказал, что нас ожидает в райцентре брат, чтобы мы собирались и на санях отвезут к нему.

Мороз был трескучий, мы были закутаны в какие-то огромные тулупы. Восемнадцать километров проехали удивительно быстро.

Приехав к брату, перебивая друг друга, мы делились новостями, задавали вопросы, не всегда получая ответы. Витя горячился, даже плакал от возмущения, что так далеко пустили немцев. «Предатели, изменники! — кричал он. — Им ничего не значат ни дом, ни Родина». Еле-еле старший брат его успокоил. На наш вопрос, где он был после Белостока, Сережа рассказал, что вместе с группой товарищей, выйдя из окруженного Белостока, он направился в Могилев.

С этого начались Сережины военные дороги. Почему в Могилев? Дело в том, что туда в срочном порядке были эвакуированы ЦК Компартии Белоруссии, правительство республики. И Сережа получил распоряжение выехать. По решению военного командования и правительства Белоруссии в Могилеве создавалась мощная линия обороны. Вместе со всеми Сережа — на строительстве оборонительных сооружений вокруг Могилева: роют окопы, противотанковые рвы, возводят дзоты и т. д. Вместе с солдатами и ополченцами принял первое боевое крещение у стен Могилева и Сережа.

Последним, крупным городом Белоруссии, где проходили ожесточенные бои, был Гомель. После падения Могилева ЦК КПБ и Совнарком республики совместно с командованием Красной Армии приняли решение приступить к формированию народного ополчения, ставшего впоследствии главной силой защитников города. Оно же было и важным источником боевого резерва для Красной Армии.

Из Могилева переехал в Гомель и Сережа. Его назначили одним из руководителей группы по организации народного ополчения г. Гомеля. Из ополченцев был сформирован полк, и Сережа с ним прибыл на линию обороны. Вместе с частями Красной Армии ополченцы успешно

Полковник С. Притыцкий
в действующей Красной Армии
под Могилевом. 1941 г.

отражали атаки немцев. Нет возможности подробно остановиться на освещении массового героизма ополченцев. Да об этом очень много известно.

Сережа обращается к П. К. Пономаренко с настоятельной просьбой отпустить его на фронт. Пономаренко понял состояние Притыцкого, увидел, что это не порыв горячей головы, а его жизненная позиция. И просьба была удовлетворена. Перед получением нового назначения Сережа приехал к нам в Саратовскую область. Всю ночь мы проговорили. А утром снова расстались, не зная, когда и где свидимся.

В августе 1941 г. его направили в распоряжение политуправления Центрального фронта и утвердили старшим инструктором непосредственно на участке защиты Москвы. В боях защищал мой брат столицу, пока фашистов не отбросили от Москвы. Затем был зачислен слушателем Высших курсов усовершенствования политсостава РККА, которые находились в г. Муроме Владимирской области. После окончания курсов Сергей возвратился в Москву, получил направление в ЦК комсомола Белоруссии в Школу партизанского резерва, где читал лекции, вел занятия с молодыми партизанами.

О наших домашних он в то время ничего не знал, но нас успокаивал, говорил, что там все будет хорошо, скорее всего, они успели уехать. На рассвете братья уехали. Витя по возрасту еще не подлежал призыву в армию. Ему не было 18 лет. И Сережа отвез его в Саратов в ФЗО, мне оставил направление в детский дом, а сам уехал выполнять задание согласно командировке. Как мне хотелось поехать в Москву, быть рядом с Сережей. Ведь я оставалась одна, в чужом краю, среди чужих людей. Но Сережа внешне спокойно, хотя я видела, чего это ему стоило, объяснял, убеждал меня, что пока невозможно быть вместе. Он сам не знает, как в дальнейшем сложится его судьба, куда забросит его военное лихолетье. И я, рыдая, смирилась. А что же делать?!

Решено было направить меня в Алексеевский школьный детский дом Базарно Карбулакского района той же Саратовской области. В швейной мастерской сшили мне кое-какую зимнюю одежду и через две недели отвезли в детский дом, в новый, чужой коллектив, который отныне должен был стать моим.

ДЕТИ ВОЙНЫ

Могла ли я предположить, когда ехала в Белосток, что через какие-то два года окажусь за тысячи километров от родного дома в совершенно новой, незнакомой мне среде, в таких непривычных условиях. Но война поломала планы, разрушила судьбы миллионов людей. Я — не исключение.

Наш детский дом находился в большом селе Алексеевка. Село большое, около 600 домов, несколько улиц. Десятилетка, пекарня, правление колхоза и сельсовета, какая-то продуктовая база, откуда брали продукты и для детского дома, если они там были. Чаще всего на детдом получали соленые, полугнилые зеленые помидоры, квашеную капусту и картошку.

От центральной широкой улицы отходили улочки, переулки. Бросались в глаза довольно добротные дома, ухоженные огороды. Но здесь, как и в Ириновке, ни садов, ни цветов не было.

На окраине села у небольшого лесочка располагалась колония малолетних преступников, которую вскоре куда-то перевели. Возможно, посчитали, что для одного селения достаточно и детдома. Достопримечательностью села был колодец на площади. Причем по форме и размерам — это колодец-бассейн. Не знаю почему, но детская моя память запечатлела именно этот колодец. На этой же площади был и наш детдом — два барака: один кирпичный, другой — деревянный. Отдельно стояли домики администрации и директорский.

Спальные комнаты были просторные. Жили мы по 4—5 человек. А когда приехали дети из г. Геническа (Украина), нас уплотнили. Вместо 70—80 человек, на что были рассчитаны помещения, стало 170. Дрова привозили из леса на тощей лошаденке за 10—13 км. Представьте себе температуру в бараке, если 100 г хлеба, которые нам иногда выдавали на ужин, за ночь на тумбочке замерзали и становились твердыми как камень. Ночью, во сне, не так хотелось есть, зато утром этот замерзший хлеб долго грызешь, и он такой вкусный. А чтобы теплее было спать, как правило, ложились на кровать по двое и, кроме одеяла, накрывались еще вторым матрасом. Зато в школе была благодать. Нас, детдомовцев, сажали ближе к огромной чугунной голландке, от которой шло такое тепло, что мы могли не только погреться, но и посушить обувь, чулки, отогреть ноги.

Вообще, наш детский дом в основе своей был типичным. Вот только военное время внесло своеобразие, наложило отпечаток как на экономическое состояние, так и поведение воспитателей, педагогов и детей. Как и вся страна, мы жадно слушали сводки Совинформбюро, переживали, когда Красная Армия отступала, оставляла населенные пункты, и радовались, хоть и маленьким в первое время войны, победам, героическим поступкам фронтовиков. И мы, как и взрослые, жили под лозунгом «Все — для фронта, все — для победы над врагом». Холод, недоедание... но, что отрадно отметить, — никакого ропота, возмущения. Молча, с потухшим взором, осунувшимися лицами, мы терпели голод и холод и другие невзгоды.

Хочется сказать об особенностях нашего детдома. Он был закрытого типа. Здесь находились дети так называемых «врагов народа», были воспитанники разных возрастов: от 5 и до 17—18 лет, дети были из разных мест, разных национальностей. Полный интернационал. Там была финка Эльза из Корелии, немка Бауэр Эмма из Поволжья, кореянка Ида Хан с Дальнего Востока, японка Мария Хосе из Хабаровска, украинки — Тина Ус и Таисия Дорожко, русских было большинство. Среди них особенно запомнилась Валя Суворова, красивая, с волнистыми черными волосами, карими глазами. Передо мною ее фотография, и я мысленно переносюсь в то время, в ту обстановку. Кажется, Валя сейчас посмотрит такими печальными глазами, обнимет меня, скажет: «Спасибо, Ирочка, что ты есть. Это так хорошо». Мы посидим на кровати, поплачем, подбодрим друг друга и примемся за свои повседневные, нехитрые дела.

Кто-то из девочек получал письма от родственников, чьи-то отцы оказались на фронте. Но встреч с родными не было ни у кого. Когда с оказией отец Ларисы Пашковой оказывался по военным надобностям в тылу, он старался приехать в детдом. Лариса радовалась, а у остальных была какая-то смесь радости, боли, обиды. После таких посещений дети еще больше чувствовали свое одиночество, сиротство.

Можно без конца рассказывать о членах такой большой семьи, как детский дом. Но и сказанного, думаю, достаточно, чтобы представить себе ту среду, куда меня привели дороги войны. После отчисления «бунтарей» из детского дома он перестал быть закрытым. Как и в других детдомах, воспитанников, достигших 15 лет, трудоустраивали либо посылали на учебу в средние школы, ФЗО или техникумы. К нам стали поступать в большинстве дети эвакуированные, т. н. «дети войны».

Первой такой воспитанницей нового статуса была я. Потом приехала из Речицы Лариса Пашкова. Потом еще поступали дети из захваченных немцами территорий. А в 1942 г., где-то летом, к нам прибыло около 100 детей, эвакуированных из Днепропетровской области, из Геническа. Это был детский дом со своими директором и воспитателями.

Когда я приехала, директором был Степан Алексеевич, фамилию не помню, возможно, и не знала. Внимательный, заботливый. Каждый вечер обходил комнаты, поговорит или посидит в коридоре у топящейся голландки, что-нибудь расскажет и обязательно спросит, как нам живется, что беспокоит, получаем ли письма и т. д. И обязательно найдет слова подбодрить, успокоить. Чувствовалось, что любил и понимал нас, тосковал о своих. Семья его погибла. Жил один, был ранен в финскую войну. Страдал гипертонией. Все пережитое, неустанная забота о воспитанниках подорвали и без того слабое здоровье. Вскоре после Нового года, который мы отметили по тем меркам неплохо (была у нас елка, мы пили чай с печеньем и получили по одной конфете), наш директор Степан Алексеевич умер «от разрыва сердца», как нам, детям, сказали воспитатели. Потом директора стали меняться часто.

Дела у нас пошли совсем плохо. Немцы рвались к Волге. Снабжение детдома почти полностью прекратилось. Все запасы не только в детдоме, но и на базах сельсовета района подходили к концу. Дети начинали искать еду на стороне. Особенно тяжело было зимой 1942/43 г. Если осенью еще можно было питаться, как говорят, подножным кормом, то зимой стало совсем плохо, хлеба нам почти не давали. Перешли на черные сухари: 50 г — два раза в день, а если повезет — три. Жидкий суп из полугнилых помидоров, которые мы вычерпывали из чанов на складе, кипяток, 1—2 картофелины — таким был наш рацион на целый день. А есть ужас как хотелось. Дети стали разбредаться. Кто-то шел снег счищать с крыш или чистить дворы у крестьян, кто-то побираться — благо, село большое. Мальчики постарше что-то зарабатывали, оказывая помощь крестьянам в уборке снега, колке дров, девочки — вышиванием, вязанием, а кто-то промышлял воровством либо вообще уходил в другие места. Мнегодились первые навыки вязания и вышивания, полученные в польской школе.

Запомнились и воспитатели. О них я могу сказать только хорошее. Мне кажется, они старались как могли облегчить и скрасить нашу нелегкую, безрадостную жизнь.

Из местных запомнилась Надежда Георгиевна Пронина. Мы относились к ней, я бы сказала, с любовью. Она с нами много возилась: читала, рассказывала, помогала советами, а иногда и подкармливала тех, кто особенно ослабел.

В старшей группе была воспитательница Анна Александровна, эвакуированная из Москвы вместе с подростками: двумя сыновьями и племянником. В Москве она работала учительницей русского языка и литературы. Типичная интеллигентка в высоком смысле этого слова. Она преподавала нам русский язык и литературу. Учительница была превосходная. Разинув рты мы слушали ее на уроках. Казалось, что она знает всю литературу, и не только русскую, но и мировую. Начитанная, с прекрасным русским языком, Анна Александровна многим из нас привила уважение к профессии педагога и заложила любовь к литературе. Как мы хотели походить на нее!

В детдоме случилось у нее горе. Старший сын Юра, когда они тоже стали голодать, залез через окно в склад пекарни и взял пригоршню муки. Его поймали. Предстоял суд. Казалось, Анна Александровна почернела. Ходила по начальству, просила не судить, а дать возможность пойти на фронт. Матери в военкомате пошли навстречу. Юра написал заявление с просьбой отправить его на фронт. Нельзя не восхищаться поступком матери, такой ценой спасавшей сына от позорного клейма «вор». Кстати, когда эта семья вернулась в Москву, а я тоже оказалась там, то нашла их адрес и навестила. Постаревшая, как мне показалось, но по-прежнему внимательная, корректная и спокойная, Анна Александровна очень обрадовалась нашей встрече. Подробно расспрашивала, где я, что делаю, нашла ли кого из родных. При этом глаза ее излучали такое добро и внимание, душевное тепло, сопереживание, что мои посещения их дома казались отдушиной, прикосновением к чему-то близкому. На душе становилось теплее, не так одиноко. Юра воевал. Анна Александровна с гордостью показывала его письма, бодрые, оптимистичные, проникнутые любовью и заботой о матери и младших братьях.

Еще была одна запомнившаяся мне на всю жизнь воспитательница — Зоя Александровна Караваева. Приехала она в детдом из Москвы от какого-то театра вместе с десятилетним сынишкой, кажется, Геной. С ней у меня связаны другие ассоциации. Она была балериной. Нужно было ее видеть, когда речь заходила об искусстве, театре, танце. Глаза загорались, лицо светилось такой одухотворенностью, вся она как будто преображалась. Куда девалась усталость, вялость! Она вся — экспрессия, порыв. Мы заворуженно слушали сюжеты спектаклей, опер. Она нас уводила в другой мир. Мы забывали ее неумение организовать нас на выполнение домашних заданий, какой-нибудь работы, уход от ответов на наши порой назойливые вопросы. Само собой как-то получилось, что она стала заниматься с нами художественной самодеятельностью. При ней стали работать драматический, хоровой кружки и кружок чтецов. Жизнь стала разнообразнее, веселее, мы потянулись к красоте.

Все, о чем я до сих пор говорила, это еще не весь детдом. Это как бы декорация, внешние атрибуты, оболочка. Но у него была и внутренняя жизнь, где место душе, твоим мыслям и сердцу. Однозначно сказать о детдоме невозможно, нельзя. Сказать, что детдом — это плохо или хорошо, значит, не сказать ничего.

Да, детдом дает ребенку кров, еду, ту или иную среду, старшего товарища, друзей. Снимает с ребенка целый ряд обязанностей. Обеспечивает защиту — внешнюю защиту. В детском доме ты получаешь соответственно твоему возрасту обучение, какие-то практические навыки. Тебе стараются привить стандартные нормы поведения, чувства патриотизма, коллективизма, интернационализма. Но маленький человечек каждый сам по себе нестандартен, он индивидуален, он личность. Нас в школе соученики, а также на селе называли «инкубаторскими» из-за того, что мы были одеты, обуты одинаково. Если покупали нам беретки, то всем одинаковые. Шили платица беленькие в черную тоненькую полоску либо в крапинку — всем одним фасоном. Лишь размеры разные. Менялись наши наряды только в банные дни, когда полоска меняла крапинку либо клетку. Тем не менее мы были все разные. У каждого свой мир, своя жизнь, свои слезы и радости.

Чувство сиротства, осознанное у старших и неосознанное у младших, но осязаемое душой, не покидает ребенка ни днем ни ночью. Кем-то не так сказанное слово, косой взгляд, неполученный ответ на вопрос отдается болью. Тут же возникает ощущение незащищенности. Все чужие. А как хочется поговорить с родным человеком, который хоть и поругает, не согласится с тобой, но поймет, поможет, научит, подскажет. И ты ему поверишь, потому что он тебе близок, он кровно твой. А вечером, ночью тебе, твоей душе холодно, неуютно. Не потому, что на улице мороз либо слякоть, дождь, завывает ветер, падает снег. Нет, тебе хочется, особенно когда ты маленький и помнишь маму или кого-то из близких, родных, чтобы тебя приласкали, поправили подушку, подоткнули под спинку одеяло, посекретничали, поцеловали.

Естественно, в детдоме рождается братство, коллектив, можно сказать, ощущение стадности, но ты одинок. У тебя «Сто лет одиночества», как писал Гарсия Маркес. И от этого никуда не денешься. Хорошо, если не сохранится на всю жизнь чувство ущербности, неполноценности. И тут начинается борьба самого с собой. Более сильные натуры ищут выход из этого состояния. Одни самоутверждаются, осознав себя человеком, другие, обиженные судьбой, переносят обиду на окружающих, на жизнь, третьи не хотят мириться с одиночеством, превращают свою обиду, непонятность в злобу, агрессию. Кто-то из них становится на путь мести, нетерпимости. Еще кого-то одиночество объединяет с такими же одиночками, не способными трезво мыслить и управлять своими поступками.

Здесь зарождается дружба, братство зачастую на всю жизнь. Многие спасаются от чувства одиночества, никому ненужности в общественной работе. Вспоминаю с благодарностью нашу детдомовскую комсомольскую организацию. Как и многие в то время, я прибавила себе один год, чтобы вступить в

комсомол. Смотрю теперь на этот билет, и, как в калейдоскопе, мелькают, вспыхивают детдомовские будни, дела комсомольской жизни. Мысленно переносусь в 1942 г. Война, вся страна живет и работает на фронт. Ну, а мы? Что можем мы, пионеры, в глубоком советском тылу? Вот были бы комсомольцами! Мы прибавляем себе годы и с боевым настроением вступаем в комсомол. Теперешним подросткам, пожалуй, не просто представить то время. А нам тогда пурга, 12 км в райком комсомола по заснеженной дороге, через заносы, сугробы — было нипочем. Мы уже были комсомольцы со стажем.

Еще у нас был детский совет. Возглавляли его, как правило, старшекласники, отличники, комсомольцы. В конце 1942 г. этот пост доверили мне. Это была неплохая школа ученического самоуправления, куда входили вопросы учебы, и дисциплины, и быта. Невесть что мы могли сделать, но все же. У меня появилась возможность поближе узнать и нужды ребят, и обстановку, положение дел воспитанников. Но главное, бывая на педсоветах, я входила в курс проблем, знакомилась с формами и методами решения этих проблем, со всей жизнью детского дома.

Отвлекалась я от тяжелых мыслей, переживаний чтением газет, которые мне регулярно приходили из Москвы. Сережа оформил подписку на издаваемые в Москве газеты «Раздавім фашысцкую гадзіну» и «Пионерская правда».

Но главное — это письма от Сережи из Москвы и от Вити, сначала из Саратова, одно или два, остальные, восемнадцать, — с фронта. Они приходили регулярно, раз в две недели, и давали ни с чем не сравнимое ощущение счастья от того, что у тебя есть кто-то родной.

Дело в том, что брат убежал из училища на фронт и, пока не погиб в апреле 1942 г., написал мне 19 писем. С каким нетерпением я ожидала их! Сережа со свойственными его жизни принципами в своих письмах продолжал воспитывать меня. Он не предоставлял мне возможности жалеть себя, хныкать. Кратко сообщив о своей жизни, делах, он, как правило, писал о трудовых, а главное — военных подвигах на фронте, о замечательных людях, тех, с кого следует брать пример. Из Сережиных писем я впервые узнала о подвиге, судьбе партизанки Тани — Зои Космодемьянской, о Лизе Чайкиной, об Александре Матросове.

Он также писал о своем друге Владимире Зеноновиче Царюке, его революционном прошлом и боевом настроении в годы войны, об отправке в тыл в Барановичскую область, где Царюк возглавил северную группу Баранович-

Выступление второго секретаря ЦК ЛКСМБ С. О. Притыцкого во время отправления комсомольцев в тыл врага. Москва, 1942 г.

В. З. Царюк — один из руководителей тюремной коммуны в равичской тюрьме в 1930-е гг.

ского партизанского соединения, а потом ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Работая в ЦК комсомола, Сережа занимался и организацией белорусской молодежи для отправки в тыл врага. По долгу службы он курировал комсомольскую работу Витебской области. Не без его участия и помощи уже в 1942 г. весной активно действовали в тылу врага Витебский обком комсомола, подпольные райкомы и были созданы четыре зональные группы. Он считал своим долгом перед отправкой в тыл неоднократно беседовать с выпускниками спецшколы партизанского резерва. Среди них были А. Денисевич, Р. Шершнева, В. Хоружая, В. Ласкович, Т. Говорень (впоследствии ставшая женой С. Притыцкого).

30 мая 1942 г. был создан Центральный штаб партизанского движения во главе с П. К. Пономаренко, а в сентябре 1942 г. — Белорусский штаб партизанского движения (БШПД) во главе с П. З. Калининым. В октябре 1942 г. С. Притыцкого утвердили помощником начальника Белорусского штаба партизанского движения по комсомолу. Вместе с М. В. Зимяниным, К. Т. Мазуровым, Ф. А. Сургановым Сережа активно участвует в подготовке передач

отдела молодежного радиовещания радиостанции «Советская Беларусь».

Как-то вечером перед отправкой в немецкий тыл к Сереже зашел В. З. Царюк попрощаться. Они оба ничего не знали о своих родных, оставшихся в оккупации.

Много общего было в судьбе друзей. Даже раны на ногах болели одинаково, не давали им спать.

— Как дела, Сережа?

— Дела известные: готовим, учим, посылаем за линию фронта. Думаешь, мне легко здесь? Уже который месяц у меня горит в груди, жжет сердце. — И замолчал. Справившись с волнением, Сережа как-то медленно расстегнул нагрудный карман гимнастерки, извлек оттуда в несколько раз сложенный квадратик бумаги и, держа осторожно, будто жег он ему руку или вот-вот рассыплется, исчезнет, протянул другу: — На — прочти.

Владимир Зенонович бережно развернул этот маленький листочек, пробежал по нему глазами, ничего не понял, потом еще раз, внимательно глядясь в неровные, местами размытые строчки и какой-то неестественно бурый цвет пятен. Взглянул на отрешенное лицо Сережи.

— Чернила? Красные?

У Сережи плотно сжатые, побледневшие губы, какой-то затуманенный взгляд, устремленный в зашторенное светомаскировкой окно, только жевлаки выдают еле сдерживаемую боль и горечь, заполнившие его сердце.

— Если бы чернила, — горестно, глухо сказал Сережа, — это кровь. Да ты читай, Володя, читай.

Володя, напрягая зрение, всеми силами сдерживая дрожь, передававшуюся ему от друга, всматривался в листок. И впрямь кровь, она въелась, местами расплзлась по клочку бумаги. Внизу подпись: Виктор.

— Кто это?

— Мой младший брат. Так вот, он бежал из Саратовского ФЗО на фронт. Был в добровольческом комсомольском полку. Это последняя весточка от него.

— А как это попало к тебе?

— Потом, когда немцев отеснили, на поле вышли санитары, вытаскивая раненых. Они наткнулись на Виктора, у которого было это неотправленное письмо. Думаешь, я не просился на фронт, к партизанам, все равно куда, лишь бы сражаться с врагом. А меня не пускают.

Примерно в середине марта Василий Ефимович Чернышев (Платон) со своей группой, в которой был и В. З. Царюк, покинули Москву. Из Бегомльской партизанской зоны с боями добрались до Налибокской пущи.

Восстановить и выстроить последовательность этих событий мне помогли Сережины письма в детский дом, послевоенные рассказы В. З. Царюка, Сережи и его жены Татьяны.

В одном из писем Сережа сообщал, что они с женой решили забрать меня из детдома и он уже выслал официальный вызов. В 1943 г. в Москву можно было выехать только по именному специальному вызову. С нетерпением я ждала окончания учебного года и с тревогой думала, что же ждет меня впереди.

В июле, окончив шесть классов в детском доме, я уехала в Москву.

МОСКВА. РЕМЕСЛЕННОЕ УЧИЛИЩЕ

На московском перроне меня встречает Сережа. Родное лицо, радостная улыбка — такая знакомая, светлая. Не могу наглядеться на него, поверить, что мы снова вместе. Уже почти все попутчики прошли мимо, а мы все стоим. Крепко-крепко Сережа обнимает меня. Не вижу вокруг ничего. За окнами машины мелькают дома, широкие улицы, площади — все как-то слилось в одну непрерывную ленту. В глазах рябит.

Огромная гостиница «Москва», где жили Сережа с Таней. Лифт, как в сказке, поднял нас на 8-й этаж. Небольшой уютный номер. Тани нет — она на работе. Сказав не выходить на улицу, брат умчался по своим делам. Боже мой, какое блаженство: горячая вода, мыло, хотя и хозяйственное. А полотенца большие, мягкие, как в Белостоке. Неужели уже позади одиночество, голодные и холодные дни, чужие люди, чужая земля? А где своя-то? Где родные? И все же у меня есть Сережа. Закончилось время, когда дни были заполнены мыслями, как согреться и что поесть.

Усталость взяла свое, я уснула. Проснулась уже вечером. Таня и Сережа пришли с работы. Сели ужинать. Я как-то сжалась, все внутри похолодело: ведь я

почти все приготовленное съела еще до их прихода. Сережа глянул на меня и все понял. Со словами: «Я сейчас» — убежал. Таня только спросила: «Как это ты все съела?» Я ответила, что не заметила, очень хотела есть, и расплакалась. А Таня смотрит на меня и улыбается: «Чего же ты плачешь, глупая? Что-нибудь придумаем».

Сережа из ресторана гостиницы принес нечто вкусное. Я ела, не задумываясь, что это. Глотала вместе с какой-то болью, обидой, ела и стеснялась. Наверное, меня поймут те, кто голодал. Мне казалось, что никогда не наступит такое время, когда я не буду хотеть есть. Расспросы, разговоры затянулись за полночь. Утром они уходили на работу, а я варила постную, на воде, манку, сидела на подоконнике, ела кашу и смотрела на «муравейник» людей и машин внизу.

Около месяца я жила в гостинице с Сережей и Таней. Приходили к нам друзья: Максим Танк, Михаил Зимянин, Кирилл Мазуров, Филипп Пестрак, Михась Лыньков и другие. Я молча сидела, слушала их бурные обсуждения текущих событий, в которых на первом месте были война и, естественно, партизанское движение в Белоруссии. Не все я понимала, но ощущение причастности к происходящему волновало меня, укрепляло в моем сознании чувство долга, обязательства перед моими родными. Хотелось каких-то конкретных, действенных дел, личного вклада в разгром врага. Впрочем, все мы, дети войны, мечтали о фронте, боевых подвигах.

Но реальность расставляла свои акценты. К концу августа решила и моя дальнейшая судьба. Я очень хотела учиться. Сережа поддерживал мое стремление. Он говорил: «Пусть хоть один человек из нашей большой семьи получит нормальное системное образование». Однако обстоятельства сложились не в пользу моих интересов. Наши с Сережей мечты споткнулись о трезвое замечание Татьяны: «А где она будет жить и кто ее будет кормить?»

Так как Сережа в любой момент мог уйти на фронт, Татьяна предложила определить меня в ремесленное училище металлистов № 13 (специальности токаря, слесаря и фрезеровщика).

Жизнь в училище шла по четкому расписанию, распорядку. Выдали мне форму: синюю юбку и гимнастерку для выходных дней, зеленую юбку и гимнастерку — для рабочих, а также бушлат, ремень, берет и сапоги. Утром — занятия в классах, после обеда — практические занятия в мастерских. Обучение рассчитано на два года. На втором году отработка или практика на заводе, чаще в вечернюю либо ночную смену. Выдали нам карточки на получение продуктов. В течение двух лет мы учились на слесаря и токаря. А так как я успешно сдавала экзамены и отрабатывала практику, то могла работать и фрезеровщиком. Кроме общеобразовательных дисциплин были и специальные: технология металла, специальная технология, сопромат, математика, черчение, технический рисунок и др.

Окончила курсы сандружинников. По вечерам и ночью, когда были свободны от работы, дежурили на крышах домов и нашего общежития. На крышах стояли ящики с сырым песком, и во время бомбежки (а в 1943 г. немецкие самолеты еще иногда прорывались к Москве) дежурный должен был успеть схватить зажигательную бомбу, если она летит на крышу, и закопать ее в ящик с песком.

У меня была и дополнительная учебная нагрузка, так как в детском доме я окончила лишь 6 классов общеобразовательной школы. Хотелось иметь хотя бы семиклассное образование, которое и получила в московской заочной средней школе № 8 в 1945 г. Учеба в этой школе как-то не запечатлелась ничем особо примечательным. Возможно, оттого, что занятия были в основном по выходным, после напряженной учебы и практических занятий в мастерских в течение недели. Практически получалось так: в воскресенье отдохнуть бы, а нет — нужно сделать уроки и потом «тянуться» на трамвае около часа в школу.

В нашем ремесленном училище, как и во всей системе трудовых резервов, созданной накануне войны, контингент учащихся был очень пестрый. Мужчины — на фронте, а на производстве — нехватка рабочих рук. Их заменили женскими и детскими. Отсюда строгий спрос за выполнение плана комплектования и обучение в школах ФЗО, РУ (ремесленное училище) и за то внимание, которое уделялось в те годы этой системе обучения молодежи.

К сожалению, набор в эти училища скорее напоминал мобилизацию. Давалась разнарядка городу, району, школе на отправку подростков в ФЗО, РУ. Естественно, школы посылали далеко не лучших учеников, и это, безусловно, сказывалось на успеваемости и дисциплине учащихся.

Много детей поступало из детских домов после достижения ими 15 лет. Были и подростки, пришедшие учиться в ремесленное училище самостоятельно, в основном дети из необеспеченных или многодетных семей, чьи отцы были на фронте, а матери работали на производстве. Здесь — рабочие карточки, форма и рабочая профессия. Трудно было в детдоме. Но, столкнувшись с улицей Москвы 1943 г., я переживала настоящий ужас.

Сережа был еще здесь, в Москве. Я к ним, когда выдавалась свободная минутка, забегала в выходные дни. Вечером ходить было небезопасно. В один из таких дней заявила твердо и категорически, что в общежитие не пойду и, вообще, в ремесленном училище учиться не буду. Разревелась и выложила все. Окружающая меня среда — мальчишки и многие девчонки грубые, сквернословят, их блатной жаргон режет слух, процветают воровство, угрозы и побои. По улицам ходить опасно. Страшно за жизнь, не хочу увечья, боюсь сама стать такой же. В общем, боль, обида, трудности, жалость к себе — все это вылилось в какую-то кошмарную картину. Ну, конец света — и все тут.

— Забери меня отсюда!

Сережа все внимательно выслушал, помолчал, потом меня обнял и говорит:

— Ну, давай подумаем, что можно сделать. Я могу тебя перевести в другое училище. А там будет иначе? Ты уверена? Это война, а ей сопутствуют определенные явления и силы, антагонизм, противовес: героизм и трусость, сила и слабость, чистота помыслов и дел, и мразь, подлость, неимоверный изнуряющий труд всего народа для победы и ложь, воровство, рвачество, разгильдяйство, стремление к удовлетворению своих личных интересов, низменных корыстных целей и потребностей. От этого никуда не уйдешь, нигде не денешься. И каждый должен сделать свой выбор. Тебе трудно. Но ты сильная, чистая, умная. Я в тебя верю.

А мне так хотелось поплакать, чтобы брат меня пожалел, избавил, укрыл как-то от всего и всех. А вместо этого — внешне спокойный, убедительный разговор, как со взрослой. Несколько дней была сама не своя. Потом меня пригласила к себе замполит училища Любовь Щекина. Как ни в чем не бывало поинтересовалась, какой участок комсомольской работы был у меня в дет-доме; почему у меня нет никакой общественной нагрузки, плачу ли я комсо-мольские взносы. И я стала думать, думать, искать «смысл жизни», свое место в ней. И искала прежде всего в себе.

И снова разлука с Сережей. Знаю, что он на фронте. Где — узнала позже.

Шел уже 1944-й год. Красная Армия после разгрома немцев под Сталин-градом и освобождения территории Советского Союза от немецких захватчи-ков дошла до границ Польши. Это решительно повлияло на развитие парти-занского движения в этом крае. Польский народ убедился в силе Красной Ар-мии и поверил в свое близкое освобождение. Это, естественно, был большой стимул к активному участию польского народа в партизанской борьбе.

На территории Польши под руководством Польской рабочей партии (ПРП) и Крайовой Рады Народовой была создана большая сеть отрядов Ар-мии Людовой, крестьянских батальонов и отдельных партизанских групп, ко-торые боролись против оккупантов и вели активную агитационную работу среди населения, мобилизуя его на борьбу за сильную, независимую и демок-ратическую Польшу. Но не все так просто складывалось с развитием парти-занского движения. Были факторы, тормозящие его развитие.

Прежде всего в связи с разгромом немецких войск на территории Совет-ского Союза немецкие армии ужесточили свой режим на оккупированных ими территориях. Активизация выступлений партизан усиливала немецкий

Начальник польского Штаба партизанского движения
С. О. Притыцкий (в центре) с летчиками Борисовым и Богдановым

С. О. Притыцкий с женой Татьяной среди польских и советских партизан
на партизанском аэродроме в районе Любани. 1944 г.

террор против польских патриотов. Народ был запуган. Кроме того, свою негативную роль играла и Армия Крайова под руководством лондонского правительства.

Между отдельными партизанскими отрядами, Армией Людовой не было связи, поэтому руководить этой борьбой было сложно. По предложению польских коммунистов в апреле 1944 г. был создан польский Штаб партизанского движения. Он начал свою деятельность 5 мая 1944 г. в окрестностях г. Ровно, а потом был перебазирован на польскую территорию.

Снова пригодился опыт С. Притыцкого — конспиратора, подпольщика, умелого организатора и бойца. Его назначают сначала заместителем начальника Штаба. А затем и начальником Штаба партизанского движения в Польше. Немалую роль сыграло то, что Сергей знал польский язык, знал и понимал психологию этого народа, был известен и популярен как в Белоруссии, так и в Польше. Среди польских патриотов было немало его товарищей, друзей по подполью, тюрьмам, совместной борьбе до 1939 г.

В итоге совместная борьба польских и советских патриотов под лозунгом «За нашу и вашу свободу» принесла свои плоды. Польша была освобождена. За личную храбрость и умелое руководство партизанским движением в Польше Сергей был награжден орденом Красного Знамени. В разные годы ему были вручены польские награды: «Крест партизански», «Крест офицерски», «Крест Грюнвальда» III и II степеней.

А я в Москве одна. Жизнь в ремесленном училище вроде налаживалась. Кроме учебы, много времени уходило на общественную работу. От выполнения

Встреча ветеранов польского партизанского движения
у братской могилы погибших в боях под Эвной

разовых поручений комсорга группы, комитета комсомола постепенно окунулась в жизнь комсомольской организации училища. Оказалось, что хороших ребят в училище не так уж и мало, что общими усилиями можем многое сделать.

В целом за отличную учебу и большую общественную работу в 1945 г. меня наградили Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. Кстати, за 2-е место на городском соревновании по стрельбе из мелкокалиберной винтовки я получила еще награду — отрез ткани на юбку. В памяти встает Колонный зал Дворца профсоюзов, где на слете отличников системы трудовых резервов я вместе с другими слушала М. И. Калинина, который поздравил нас с успехами, обрисовал обстановку в стране и на фронте, подчеркнул значимость трудовых резервов и их место в общенародной борьбе с фашистами. Мне так хотелось поделиться своими успехами, всем пережитым, увиденным с Сережей, но они с Таней были уже в Польше.

В памяти всплывает яркое событие того периода. Для того чтобы как-то помочь горожанам с продуктами во время войны, да и после войны еще какое-то время, практиковалось выделение предприятиям подсобных хозяйств в сельской местности. У нас такое подсобное хозяйство было где-то в Каширском районе. Нас, ремесленников, послали на заготовку овощей. Однажды на обратном пути наша баржа села на мель. Долго ожидали буксир. Не рассчитали сухой паек. К вечеру стали есть морковь. Кто-то из ребят попробовал капусту. Понравилось. Стало темнеть. И вдруг со стороны Москвы в небе показались сполохи. Все притихли и с ужасом смотрели на зарево над городом. Неужели немецкие самолеты прорвались и бомбят Москву? Испуганные, притихшие, сидим посреди реки. Капусту никто не хочет есть. Наконец пришел буксир, и мы в тревоге поплыли домой. Над городом привычная темень и тишина. Зарево погасло, только дымка кое-где еще висит в небе. На пристани, увидев возбужденных, радостных людей, узнали, что это был салют, первый салют в честь освобождения от немцев Орла и Белгорода.

В Москве в 1944 г. разыскал меня С. Шварцман. Мы были очень рады встрече. Он на несколько дней прилетел в Штаб партизанского движения, а все это время был в партизанах. От Сережи узнал, где я, и решил навестить. В нашей беседе я почувствовала, что он что-то хочет или должен мне сказать, но... недоговаривает. Эта тревога передалась мне.

И вот что рассказал мне, наконец решившись, старый наш друг. В середине 1942 г. в составе одной из заброшенных на Белосточчину в тыл врага группы был Шварцман. В Гаркавичи они не попали — полицаи и немцы на каждом шагу. От местного жителя соседней деревни Шварцман узнал о гибели Саньки, наших двоюродных братьев Лени и Ивана и еще шести бывших коммунистов, расстрелянных в марте 1942 г. Люба арестована. Что с ней, где она — неизвестно. А отец болеет, находится в деревне, но встретиться с ним не удалось. Это сообщение потрясло меня. Самуил как мог успокаивал меня, говоря, что у меня есть Надя, Сережа и Виктор и я должна радоваться, что они живы. А ведь несколькими днями раньше я получила похоронку на Витю, где говорилось: «рядовой Притыцкий Виктор Осипович погиб смертью храбрых на смоленском направлении, село Беляево, 20 апреля 1942 г.». Все это время

Сережа видел, чувствовал, как я тоскую и жду от Вити писем, с которым очень была дружна, и молчал, жалея меня. Все оттягивал тот момент, когда сможет сказать мне о гибели Вити.

После войны я долго искала место захоронения Вити. На мои запросы из архива Министерства обороны СССР пришел ответ, что рядовой Виктор Притыцкий захоронен в братской могиле недалеко от села Беляево Вележского района Смоленской области. Летом 2008 г. дочь Сергея Тамара Притыцкая с мужем Олегом побывали в селе Беляево и увидели, что память о погибших солдатах и о ее дяде Викторе жива и бережно охраняется. В центре села — братская могила, где захоронены более четырех тысяч бойцов добровольческого комсомольского полка, погибших в бою за это село. К памятнику солдату, который стоит, низко склонив голову, ведет красивая аллея. Тамара привезла фотографии памятника... Виктору тогда, 19 апреля 1942 г., не исполнилось и девятнадцати лет.

Но вернемся в Москву 1944-го. Долго мы со Шварцманом молча стояли у ограды нашего училища, и каждый думал о своем, и не хотелось верить и понимать, что жертвы можно или нужно чем-то оправдывать. Ночью он снова улетает за линию фронта. Просила, если увидит отца, сказать ему, что у меня все в порядке, живу хорошо, учусь и прошу его ожидать нас с Сережей. Следующая встреча со Шварцманом состоялась в 1949 г. в Гродно.

В Москве светомаскировка еще была, но уже не дежурили на крышах. Начали открываться коммерческие магазины. В городе стало спокойнее. Мы выросли, хотелось чего-то красивого, неповседневного. Чаше стали ходить в

Улица Ленина. Минск, 1944 г.

кино. С афиш кинотеатров нам улыбались Целиковская и Серова, Самойлов и Андреев, Орлова и Бернес. Кинофильмы «В шесть часов вечера после войны» с Самойловым и Ладыниной, «Два бойца» с Андреевым и Бернсом, «Жди меня» с Серовой и др. были нашими любимыми фильмами. А когда появились на экранах «трофейные» фильмы «Серенада солнечной долины», «Индийская гробница», «Багдадский вор» с Капуrom, за билетами выстраивались огромные очереди. Москвичи шли на эти фильмы, чтобы почувствовать, ощутить глоток мирной и неведомой нам жизни чужой страны. Не могу не вспомнить шутку, что гуляла тогда по Москве: «Пока смотрел “Багдадский вор”, московский вор бумажник спер».

Бывали мы иногда и в театре. В нашей группе училась москвичка Нина Трепалина, давняя поклонница и близкая знакомая семьи Москвина и Аллы Тарасовой. Через нее мы иногда получали контрамарки на их спектакли. Хоть и на галерку, но все же это МХАТ!

Сережа по-прежнему был в Польше в штабе партизанского движения. Татьяна с ним. Как я рада была их письмам! Иногда Сережа с оказией присылал мне небольшие посылочки. Главным образом это были пару баночек американской тушенки, получаемой по ленд-лизу, и шоколадки. А один раз мне привезли солдатские сапоги. Правда, были они на три-четыре размера больше. Но это была мелочь, зимой накрутишь бумаги, и в холодном цеху у станка стоять было даже тепло.

Потом нас, человек десять, перевели из общежития училища в общежитие Московской гидроэлектростанции № 1. Возможно, потому, что мы уже заканчивали учебу, и предполагалось, что будем работать на электростанции, где ранее проходили практику. Здесь мы испытали на себе гнет тяжелых будней и самоотверженный труд рабочих женщин. Измученные, усталые, грязные, приходили они с работы, приняв душ, валились на кровать, иногда не в силах что-то приготовить поесть. И ни звука жалоб, обид, стонов. Да еще находили силы шутить, подтрунивать друг над другом и писать письма на фронт мужьям и любимым.

В общежитии мы встретили День Победы. И отсюда меня вместе со всей ночной сменой рабочих увезла «Скорая помощь» в Пироговку с брюшным тифом. Я часто теряла сознание. Потом ко мне приходили подруги, соседки приносили любимое наше блюдо — жаренную на воде картошку, которую для запаха готовую брызгали постным маслом. Как я выжила с такой диетой — одному Богу известно.

В один из моих больничных дней пришел ко мне Сережа. Они с женой уже вернулись из Польши. Брат рассказал, что разыскал отца в Слуцком районе Бобруйской области. Он с Анастасией Семеновной (крестная моя и Сергея, наш близкий, родной человек) и Надиной семьей временно проживали в д. Большая Слива. Как только они смогут обосноваться на новом месте, я еду к ним. Все же там свежий воздух, да и с питанием будет легче.

На мой вопрос: «А почему ты остаешься в Москве? Что ты теперь будешь делать?» Сережа ответил, что с освобождением Польши штаб, где он работал, был расформирован, и он в звании полковника Войска польского закончил

карьеру военного. Ему предлагали высокие посты, хорошие должности как в союзных, так и в международных и даже в военных структурах и ведомствах, но от всего отказался: он хотел учиться и настоятельно об этом заявлял. Тогда его направили на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС в Москве.

Примерно через месяц меня выписали из больницы. Я была еще очень слабая, тощая, наголо остриженная. Наконец я получила письмо от отца. Можно уезжать к нему, в освобожденную Белоруссию. Закончился еще один этап в моей жизни, учебе, взрослении — московский, ремесленный. Это не значит, что я порвала с Москвой. Нет. При любой оказии, пока Сережа с Таней там жили, я ездила к ним. Заходила в училище, бродила по знакомым улицам. Мирная Москва преображалась.

Запомнилась поездка в столицу осенью 1947 г., когда проходили дни празднования 800-летия города. Нарядные толпы на улицах. Из парков, скверов доносились музыка, бравурные марши и знакомые всем песни: «Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полет...», «От Москвы до самых до окраин...».

Помню алые полотнища флагов, вечернюю иллюминацию. Как в военное время, в небе аэростаты. Только их назначение иное. Теперь на них показываются на ветерке портреты вождя, непобедимого Генералиссимуса. А когда стемнело, в пересечениях прожекторов также появилось изображение вождя. Что-то мифическое, необъяснимое парение в воздухе человека, за которым шел, «борясь и побеждая», с песнями весь народ... Всеобщее ликование, восторженный настрой.

XX съезд партии еще не скоро. Люди не падали духом в той обстановке, в которой жили. И песни пели, и стихи слагали, созвучные времени.

ВСЛЕД ЗА МЕЧТОЙ

Итак, я отправилась к отцу. Прошло четыре года, как не виделись, а сколько пережито, потеряно безвозвратно. Когда-то большая семья снова уменьшилась. Нет Саньки, Витьки. Где Люба, жива ли — неизвестно. Хорошо, что Надя здесь со своими детьми.

Все новые и новые вопросы ко мне. В свою очередь, и я задаю вопросы:

— А как вы оказались здесь?

И трудно понять — радость или сожаление в голосах стариков:

— А мы снова беженцы, переселенцы.

Оказывается, по соглашению между правительствами СССР и Польши, жители приграничных деревень — белорусы — могли выехать в БССР, а поляки переселиться в Польшу. Гаркавичи по новому размежеванию отходили к Польше. Каких-то полтора-два километра от нейтральной полосы. Естественно, письмо крестьян д. Гаркавичи Сталину, в котором они просили решить вопрос о переносе границы на два-три километра на запад в районе Гар-

кавичей, не было учтено. И снова эвакуация, переселение. Все постройки, земля, скот остаются, а люди едут. Куда? Что и кто их там ждет?..

Отец рассказал о Любе. Ее с мужем Иосифом немцы сначала держали в тюрьме в Белостоке, а затем отправили в концлагерь под Кёнигсбергом. Что было дальше с ней, ее мужем и сыном, отец не знал.

Отца беспокоило: «А что думаешь делать ты сама, куда пойдешь учиться?»

Я ответила, что пойду в педучилище в Слуцке. И отец воспринял это как само собой разумеющееся: «Да, конечно. Ведь ты и в детстве любила играть в школу».

Может, на мой выбор повлияла моя первая учительница в польской школе Янина Столярчикувна. Потом на своем пути я встретила Анну Александровну в детском доме. Хотелось, как она, много знать, красиво, увлекательно раскрывать мир книги, слова, героев литературы. А может, не последнюю роль в моем выборе сыграл учитель истории Московской заочной школы Целиковский, с его знанием истории и умением ее так преподнести, что ты становишься как бы свидетелем, соучастником событий.

Так, с 1 сентября 1945 г. я пошла учиться в Слуцкое педучилище.

Вдруг мы получили письмо от Любы. Она вернулась из концлагеря и разыскала отца. На каникулах я поехала в Гродненскую область, Берестовицкий район, где временно жила моя старшая сестренка, заменившая мне умершую мать, друга. Она меня обнимает, целует. Это не бурное проявление чувств, это — боль, скорбь, осознание безвозвратных потерь, того невысказанного горя, через что мы с ней прошли, каждая в отдельности и в то же время вместе. Мы плакали и плакали. А рядом стоял мальчик — худенький, бледный, бело-брысый с печальными голубыми глазами и такими забавными веснушками.

— Расскажи мне, Любочка, как ты вернулась и нашла сынишку?

И вот что Люба рассказала. Она была арестована 13 октября 1942 г., находилась в тюрьме в Белостоке, а 22 апреля 1943 г. вывезена в Германию. 11 марта 1945 г. вернулась домой. Когда их освободили из концлагеря в конце 1944 г., они не могли сразу уехать. Иосиф ушел в армию. Писем от него не было. Где он, что с ним — неизвестно. А она после освобождения какое-то время проходила вместе со всеми бывшими заключенными концлагерей так называемый «карантин», проверку. Хорошо, что при ней была справка, выданная командованием воинской части, которая освобождала Кёнигсберг. Дело в том, что Люба после освобождения из концлагеря оказывала помощь раненым, ухаживала за скотом этого воинского подразделения. Зная город, расположение немецких укреплений, она там была своеобразным проводником. Спустя много лет, после неоднократных запросов, поисков она узнала, что ее муж погиб и похоронен на военном кладбище в Калининграде.

В Белостоке у родственников мужа нашла сына Леню. Там ее Леня жил, радовался жизни, тетю Марию звал мамой, ее мужа — папой. Пожила некоторое время у них, чтобы как-то приручить ребенка, приблизить к себе, хотя это туго давалось. И Люба уехала сначала в Юровляны, а потом в Иодковици. Ей выделили старенький домик, сарай, кусочек земли, и она потихоньку, приво-

дя все в надлежащий порядок, стала жить вдвоем с сыном и продолжала поиски мужа, а также адрес отца.

Люба радовалась, что я учусь, но огорчалась, что одета «бедненько», что не может пока мне ничем помочь. Я, в свою очередь, заверяла сестренку, что чувствую себя в своих «нарядах» комфортно, не это главное — главное, что мы живы и нашли друг друга.

Вскоре отец с Анастасией Семеновной переехал в д. Садовую Клецкого района Барановичской области. Родители занимали одну комнату. Надя с семьей размещалась рядом в трех комнатах. Большая дружная семья жила в мире и согласии. Дети росли, уважая и любя родителей и друг друга. Надю государство наградило орденом «Мать-героиня». Всего у нее было 12 детей. Дети выросли и разбрелись кто куда. Семеро получили высшее образование. Кого только в этой дружной семье нет: экономисты, военные, рабочие, техники, конюхи и шоферы, учителя начальных классов и полеводы. Живут по всей Белоруссии. Выполнив свое предназначение на земле, Никанор в возрасте 85 лет умер в 1979 г., а Надя — через 5 лет.

У меня не было смысла оставаться в Слуцке. С сентября 1946 г. я перевелась в Несвижское педучилище поближе к отцу и сестре Наде. Радовалась, что учусь, что отец живет всего в двенадцати километрах от меня и каждую неделю могу на выходной ездить к нему. Мне удавалось изредка привозить им хлеб, ведь я получала продуктовые карточки.

Сам Несвиж в то время был невзрачный, осталось много следов войны: то пустые окна в домах, то развалины. В 1946 г. старинный замок Радзивиллов, в котором во время войны находились немецкие воинские части, стали ремонтировать для благоустройства в нем санатория «Несвиж» Совмина БССР. Это спасло замок от дальнейшего разорения. Мы ходили разбирать руины разрушенной в войну Несвижской учительской семинарии.

Наше педучилище размещалось в бывшем монастыре. Кельи были приспособлены под склады, кладовки, библиотеку, читальный зал. В монастырском костеле сделали на первом этаже актовый зал, а на втором — спортивный, а также переходы между учебными классами. Для общежития приспособили какое-то подсобное помещение. Мы видели, в каких стесненных жилищных условиях, здесь же в монастыре, в кельях, жили наши замечательные учителя.

Запомнились мне директор училища, заслуженный учитель республики Артем Савченко и его дочь — Нина Артемовна. Он вел у нас педагогику, она — рисование. Оба мягкие, ровные в отношениях с учащимися, всегда внимательные, добродушные. Математик — завуч Провашинский — красивый, подтянутый, строгий, но справедливый. Очень шумный, быстрый историк Степан Акиндинович Воронов мог так увлечь своими уроками, что порой можно было подумать, что, кроме истории, нет другой науки. Татьяна Григорьевна Маркова — с уложенной вокруг головы черной косой, глубокими черными глазами — заставляла нас думать, что без знания русской литературы не может быть человек образованным, культурным. Очень требовательная, вместе с тем внимательная к жизни учащихся, она могла откликнуться на любую просьбу или же-

ление учеников. А ее муж Павел (Паўлюк) Пронуза в противоположность жене был очень мягким человеком. Если кто-то не выучил урок, плохо рассказал то или иное задание по белорусскому языку или литературе — краснел, молчал, только большие голубые глаза становились печальными. В такие минуты мы его жалели, и нам было стыдно за невыученное, невыполненное задание. Можно о многих вспоминать и рассказывать...

Мы не жалели ни сил, ни времени, отдавая себя общественной работе, проведению комсомольских мероприятий. Мне, как секретарю комитета комсомола училища, приходилось заботиться и о художественной самодеятельности, были у нас свои чтецы и танцоры. Хором руководил замечательный музыкант, композитор местного значения Н. Косач. В училище меня приняли кандидатом в члены ВКП(б).

Материальные трудности, естественно, давали о себе знать. Вначале хлеб получали по карточкам. Когда их отменили в 1947 г., можно было что-то купить и в магазине. Отец и Анастасия Семеновна мне практически ничем помочь не могли. В силу возраста они в колхозе уже не могли работать, а лишь на приусадебном участке.

Я понимала, что нужно скорее идти самой зарабатывать на хлеб. Отец же не разрешал бросать учебу. Сережа тоже был против. Они хотели, чтобы я училась дальше. В райкоме партии меня уговаривали пойти секретарем Несвижского райкома комсомола. Но я хотела стать педагогом.

В 1948 г. окончила Несвижское педучилище с отличным аттестатом. На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29.10.1939 совет Несвижского педагогического училища присвоил мне 26.06.1948 звание учителя начальных классов. И в этом же году я как отличница педучилища была принята в числе 5 % на 1-й курс исторического факультета БГУ. Казалось, моему счастью не будет конца. Очень радовались за меня и отец, и Сережа с Любой, одобрили мое решение учиться дальше. Накануне 1 сентября 1948 г. я уехала в Минск.

Мы с отцом строили планы, возлагали надежды на Минск, университет. Отец все повторял: «Вот и дожил я до такой радости, что ты будешь учиться в высшем учебном заведении. Как была бы счастлива мама, что ее младшенькая учится не где-нибудь, а в университете. Могли ли мы мечтать об этом в Польше? Значит, не даром боролись твои братья и их товарищи».

О Белорусском государственном университете я узнала, когда жила в Москве. Сережа рассказывал, что университет эвакуирован из Минска. Эвакуация проходила в сложнейших условиях. Далеко не весь преподавательский и студенческий состав смог выехать из города. Студенты истфака и биофака были на практике за пределами республики. Многие преподаватели истфака: И. Ф. Лочмель, И. Е. Саевич, Н. В. Рыбаков, аспиранты И. Н. Лушицкий, П. Э. Савочкин, Г. М. Трухнов и др. ушли добровольцами на фронт. Почти все студенты, оставшиеся в Минске или бывшие на практике летом 1941 г., также ушли на фронт, в партизаны или включились в подпольную борьбу.

Эвакуированный БГУ, согласно постановлению СНК БССР, обосновался недалеко от Москвы на станции Сходня. Благодаря заботе белорусского прави-

тельства и материальной помощи Белорусского штаба партизанского движения Белгосуниверситет начал работу в октябре 1943 г. Помощь в кадрах, учебниках, оборудовании оказывали московские вузы. Часть студентов прямо со станции Сходня уходили на фронт, в партизаны. На смену им приходили новые.

Известие о возобновлении работы университета в Подмоскovie быстро распространилось по всей стране. Небольшое деревянное здание школы уже не вмещало всех приезжающих из советского тыла на учебу. Ректор П. П. Савицкий, используя свой организаторский опыт, инициативу, материальную помощь, в короткие сроки реконструировал и надстроил школу, превратив ее в здание, пригодное для учебы трехсот студентов университета. После освобождения Белоруссии от немцев БГУ вернулся в Минск, и в октябре 1944 г. начались занятия.

Как сейчас помню, в конце августа 1948 г. надела я свое лучшее платье цвета кофе с молоком с коричневым воротничком, которое Люба отдала мне. Обула брезентовые туфли-лодочки, модные в те годы, взяла старенький чемодан, в который сложила все необходимое на первое время. Завернула в платочек какую-то сумму денег и поехала учиться, грызть гранит науки. Сомнений, что меня примут в университет, почти не было. Ведь у меня — отличный диплом из педучилища и решение педсовета о направлении на учебу в университет. А разве мое огромное желание учиться, надежда родителей ничего не стоят?

У отца подозрительно блестели глаза, он переминался с ноги на ногу, волновался. Анастасия Семеновна бурчала тихонько, что нет коня, чтобы отвезти меня в Клецк, что вот опять в люди, — тоже волновалась. Да и у меня комок подкатывал к горлу — снова расстаемся, снова старики остаются без меня. Обещаю часто писать и приезжать, ведь уже регулярно ходят пассажирские поезда. Присели на дорожку. Ну, уже пора, ведь до Клецка еще идти 5 км. И я ушла, ушла во взрослую жизнь.

И. О. Прицыцкая (Царюк) — студентка I курса БГУ. 1948 г.

Казалось, даже природа разделяла мою радость и надежды на чудесное будущее. Закрываю сейчас глаза и вижу, как не по-осеннему теплый ветерок гнал первые опавшие листья вдоль лесной дорожки, цвел вереск, кустарник буйствовал отцветающей осенней листвой, а взъерошенные воробьи возились в пыли. Почему я все это помню? Возможно, потому, что все мои мысли, чувства были тогда открыты к восприятию нового, жили ожиданием, надеждами, и в уголки памяти откладывались все мелочи, моменты-спутники на новом витке моей, да и не только моей жизни.

Послевоенный Минск — пустые глазницы окон, развалины домов, завалы из кирпича и

щебня на улицах. Вышла из вагона. На противоположной стороне от здания вокзала, на котором были видны следы войны, бомбежек и обстрелов, стояли деревянные бараки, будки, где торговали не только снедью, — чаще всего вишнегретом и рыбными консервами, бочковым пивом и селедкой, — но еще поношенной одеждой, обувью. За этим стихийным рынком начинался город.

Нашла университет. То, что осталось от довоенного университетского городка, можно было условно назвать университетом. Разрушено, сгорело большинство зданий. Опустевший скверик. Во время войны фашисты использовали уцелевшие здания под казино, увеселительные помещения, комнаты допросов, пыток подпольщиков и партизан.

Ко времени моего поступления в университет силами первых послевоенных наборов студентов и преподавателей, вернувшихся с фронта и из партизан, некоторые здания уже были приспособлены для учебы и жилья студентов. Сдала документы. Сказали, что зачислят. Дали направление в общежитие.

Получить в Минске общежитие было счастьем, потому что город был в развалинах, люди жили в трущобах, подвалах, бараках, землянках. Помню барак, где жили семьи преподавателей и сотрудников. Он находился в конце довольно большого, но очень запущенного сквера, в котором каким-то чудом сохранилась, хотя и здорово покалеченная, гипсовая фигура пионера. Любопытно, что этот сквер почему-то называли «ботаническим садом». Студенты любили этот зеленый оазис среди развалин, там по вечерам собирались, сидели на траве или на допотопных скамейках, пели песни, шутили, веселились. В этом «ботаническом саду» и в сквере, который тянется вдоль Бобруйской улицы, назначали свидания, строили житейские планы, далеко не всегда связанные с завтрашними лекциями и экзаменами.

Университетский дворик в первые послевоенные годы

Ф. М. Нечай — профессор,
доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории
Древнего мира и Средних веков,
декан исторического факультета
в 1947—1953 гг.

Мое общежитие находилось в старом химическом корпусе. Он стоял рядом с теперешним зданием геофака, позже его снесли. Комнаты были разные, на 4—5 и на 45—50 человек. У нас их называли «пятисотками». В них жили в основном первокурсники разных факультетов. Практически это были не комнаты, а прежние поточные аудитории. Я получила место в комнате на 30 человек. В центре комнаты стоял длинный стол, за которым мы занимались, стопками лежали конспекты, книги. У каждого студента были кровать и тумбочка. Вот и вся мебель. Личные вещи — одежда, обувь — лежали в чемодане под кроватью. Сегодняшнему студенту не понять, как это мы такой толпой из разных факультетов, занимавшиеся в разные смены, жили мирно, без скандалов. По графику убирали комнату, ходили в подвал за кипятком. Мы были счастливы, что учились и что вообще было жилье.

Познакомилась с расписанием и аудиториями. А что в городе? Карточки от-

менили, что-то съестное можно купить на вокзале в ларьках или на Советской площади, сейчас — это площадь Независимости. Та Советская площадь была раза в 4—5 меньше сегодняшней, вокруг — жилые дома, магазины. Посередине располагались ларьки с разной мелочью, в том числе и со снедью.

Главного корпуса и нынешнего химического тогда еще не было. Стояло здание тогда биологического, ныне географического, факультета, а в глубине двора — математического (сейчас это ректорский корпус), где размещалась военная кафедра. Вот и весь университет.

Занимались в арендованных помещениях школ по вечерам. Студентов тоже было не так уж много — 25—30 человек на курсе. На нашем курсе студенты были в основном бывшими фронтовиками. Вчерашних школьников было мало. Среди девушек школьниц было больше. Но, по-видимому, обстановка послевоенного времени, преобладание взрослого контингента студентов сказывались на отношении к учебе и вообще к жизни в университете.

1 сентября мы, первокурсники, собрались в 56-й аудитории тогдашнего биологического корпуса. Первая встреча с деканом. В аудиторию зашел уже не молодой, представительный, несколько медлительный Федор Макарович Нечай. Он поздравил нас с поступлением. Рассказал об истории университета, традициях, тяжелых потерях материальных, и главное, людских во время Великой Отечественной войны, а также о боевых заслугах на фронте, в парти-

занах, в подполье наших студентов и преподавателей. «Впрочем, — сказал он, — вы со многими из них встретитесь на занятиях». От декана мы узнали о крупнейших историках Белоруссии, о направлениях их научных исследований. А дальше он пожелал нам успехов в учебе, сохранении и приумножении добрых традиций и чести выпускников истфака.

Я узнала, что на факультете объединенной кафедрой истории СССР и БССР заведовал профессор, доктор исторических наук А. П. Пьянков. Кафедрой марксизма-ленинизма — В. И. Мацко. Кафедрой диалектического и исторического материализма руководил тогда доцент, затем он стал доктором наук, профессором, В. И. Степанов. Кафедрой истории Средних веков заведовал профессор, доктор исторических наук В. Н. Перцев. Во главе кафедры Нового и Новейшего времени стоял тогда доцент, а потом доктор исторических наук, профессор Л. М. Шнеерсон. Кафедру истории Древнего мира возглавлял доктор исторических наук, профессор, потом член-корреспондент АН БССР Н. М. Никольский.

Мы слушали лекции, учились у замечательных педагогов, самозабвенно работавших в тяжелейших условиях в годы военного лихолетья, репрессий и борьбы с различного рода провокациями. Прежде всего считаю необходимым вспомнить Владимира Ивановича Пичету — первого ректора БГУ, историка, слависта с европейским именем, в прошлом профессора Московского университета. К сожалению, нам не пришлось слушать его лекции: Владимир Иванович умер в 1947 г. Но по его книгам, статьям мы изучали историю СССР, историю БССР, источниковедение и историографию. А его материалы по Западной Белоруссии нам, «западникам», были особенно интересны.

Исключительно эрудированным человеком был Владимир Николаевич Перцев. Он читал нам лекции по истории Средних веков. Доктор исторических наук, профессор, академик АН БССР, крупнейший специалист в своей области. Мы уже были наслышаны о его революционном прошлом, когда его за участие в студенческих волнениях дважды царская полиция сажала в бутырскую тюрьму и высылали из Москвы в Курск. Когда стал создаваться белорусский университет, он в числе первых преподавателей приехал из Москвы в Минск.

В. Н. Перцев вел и активную общественно-политическую работу. Мы гордились тем, что наш профессор Перцев как делегат от Белоруссии (вместе с Фролом Порфирьевичем Шмыговым, тоже профессором-историком) прини-

П. З. Савочкин — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории СССР, декан исторического факультета в 1955—1973 гг.

мал участие в организационной конференции ООН в Сан-Франциско. Среди подписавших Устав ООН стоит и фамилия Перцева. У профессора была уникальная память, он умел своеобразно анализировать исторические события, делать глубокие и оригинальные научные выводы. Будучи в преклонном возрасте Владимир Николаевич мог перепутать аудиторию, курс. Но стоило ему напомнить, какого курса мы студенты и какую тему проходим, как он тут же без всяких записей блестяще начинал читать лекцию. Профессор В. Н. Перцев, заслуженный деятель науки БССР, награжден тремя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени.

Незабываемы лекции корифея исторической науки, профессора, академика, заслуженного деятеля науки Николая Михайловича Никольского. Высокоэрудированный педагог, крупнейший ученый, он умел словами и содержанием читаемых курсов увлечь студентов. Его работа «История русской церкви», написанная еще до революции и переизданная в начале 1930-х гг., воспринималась нами как реликвия. Знали студенты и то, что он не прекращал свою научную работу и в оккупированном немцами Минске, и в партизанском отряде, куда его вывели подпольщики.

Лекции по Новой истории читал у нас Лев Михайлович Шнеерсон. Тихим спокойным голосом, красивой речью он умел заинтересовать нас, четкоставляя акценты, на конкретных фактах истории вел от события к событию. Никогда не повышал голоса, не читал нотаций, да и не было повода. На лекциях — полнейшая тишина, работали все очень сосредоточенно, никто не позволял себе даже слова сказать. Невозможно было прийти на занятия или экзамен неподготовленным. Любую полученную оценку все воспринимали как действительно заслуженную и объективную. Лев Михайлович Шнеерсон возглавлял кафедру Новой и Новейшей истории с 1937 по 1989 г., до выхода на пенсию.

Очень любили студенты профессора Гилера Марковича Лившица. Активный, быстрый, очень энергичный. Он и лекции читал, как будто спешил передать нам как можно больше знаний, и в аудиторию не входил, а влетал вслед за своим желто-коричневым портфелем. Еще не вынув записи, уже начинал читать лекцию. Слушать его было непросто. Кроме того, что читал быстро, так еще и картавил. Зная этот недостаток речи, старался в таких случаях повториться или заменить слово синонимом. Но студенты очень любили Лившица. Каждая его лекция — это яркая картина событий, погружение в мир Средневековья. После его, казалось бы, сумбурных, лекций, скажем, о Великих географических открытиях, Жакерии, войны Белой и Алой Розы, о Великой инквизиции можно было не искать дополнительной литературы, хоть сегодня можно было идти сдавать экзамен. Научный багаж, энергия, неиссякаемая жажда научной деятельности позволили ему защитить две докторские диссертации — по истории и философии.

Из старой когорты преподавателей хочу отметить Алексея Петровича Пьянкова, который читал курс по феодальному периоду истории СССР. Подтянутый, я бы сказала, элегантный на то время, типичный представитель старой русской интеллигенции. Его лекции были выдержаны в классическом стиле, базировались на глубоких научных исследованиях. Нам были известны

его научные работы по Древней Руси. По ним мы готовились к экзаменам. Пьянков был известен в научных кругах не только в Белоруссии. Одно время он возглавлял исторический факультет БГУ.

Учебный план на историческом факультете на то время был насыщенным и многообразным. Кроме исторических дисциплин, читались лекции и по другим предметам. Запомнился нам доцент Г. И. Якуб, который читал курс по истории ВКП(б). На его лекции приходили студенты других курсов и факультетов. Он знал и образно излагал массу подробностей, интересных фактов из истории политических партий и жизни партийных и государственных деятелей как дореволюционной России, так и СССР. В научных публикациях, в СМИ тогда мы ничего подобного не могли прочитать. Слушать было очень интересно, но для лучшего усвоения знаний нужно было учиться и по учебникам.

Очень содержательными были лекции по русской и мировой литературе. Зарубежную литературу нам преподавал доцент филфака Г. Факторович. Профессионализм, лекторское мастерство, умение увязать читаемый курс с интересами и спецификой историков захватывали нас. Зарубежную литературу знали поверхностно не только вчерашние фронтовики, но и большинство вчерашних школьников. Мы читали некоторые произведения, что-то могли пересказать. Факторович же открывал нам заново Гюго и Драйзера, Стендаля и Золя, Бальзака и Сервантеса. На семинарских занятиях разбирали особенности языка, литературные приемы, эпоху, быт, философию, культуру героев произведений изучаемых авторов. Это были яркие, запоминающиеся лекции и семинары.

С первого до пятого курса мы учили английский язык, два года — латинский, с третьего курса — еще и французский, дополнительно — по выбору:

Молодые преподаватели исторического факультета первых послевоенных лет: В. Мельцер, П. Савочкин, И. Игнатенко, И. Лушицкий, Л. Абецдарский (сидят слева направо) и др.

польский, чешский, немецкий. На втором и третьем курсах моей учебы значительно улучшилась материальная база университета, увеличился набор студентов, появились новые факультеты и кафедры. Историю тогда читали почти на всех факультетах. Появилась потребность в новых кадрах историков. Увеличивалось количество аспирантов. Росло количество кандидатов и докторов наук. Среди них — целая когорта молодых, способных, — каждый со своим характером, особенностями, но все интересные, доброжелательно относящиеся к студентам. Они отдавали нам все свои знания, учили нас, готовили к профессии учителя и исследователя, приучали к поиску ответов на вопросы, которые ставила жизнь, потребность нашей профессии.

В те годы пришел и связал всю свою жизнь с университетом Лаврентий Семенович Абецедарский. В него влюблялись многие студентки, боялись за строгость и требовательность все студенты. Грамотный, глубокий исследователь, творческий человек как в науке, так и в преподавании, Лаврентий Семенович — впоследствии доктор наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР. Учебник по истории БССР, написанный под его руководством в соавторстве с Марией Порфирьевной Барановой и Ниной Георгиевной Павловой, многие десятилетия был основным учебником не только для БГУ, но и для всех вузов республики.

Вернулся с фронта Петр Захарович Савочкин, награжденный орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и Отечественной войны II степени, многими медалями. Окончил аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, работал доцентом, затем стал заведующим кафедрой истории СССР и на протяжении восемнадцати лет возглавлял исторический факультет университета. Исключительная скромность Петра Захаровича, корректность, глубокие знания снискали уважение как у руководителей, преподавателей, так и у студентов.

Теорию государства и права сначала читал у нас Илларион Мефодьевич Игнатенко. Закончил на историческом факультете аспирантуру. Был секретарем парткома БГУ, секретарем Минского горкома партии, директором Института истории партии, затем — директором Института истории АН БССР. Защитил докторскую диссертацию, стал профессором, академиком АН БССР. Однако с историческим факультетом практически не расставался, читал курсы лекций, руководил аспирантами, дипломными работами. Преподаватели и студенты уважали его за глубокие знания, профессионализм.

Не могу не сказать об Алексее Исаевиче Сидоренко. Будучи студентом четвертого курса истфака в 1941 г. он ушел на фронт. Прошел всю войну, горел в танке, остался инвалидом. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени и Отечественной войны II степени, медалями. В 1945 г. окончил университет, затем аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию, работал доцентом кафедры истории СССР. Некоторое время был деканом исторического факультета. А. И. Сидоренко запомнился нам глубиной знаний, богатым содержанием читаемых курсов, особой чуткостью, мягкостью своего характера.

Преподаватели исторического факультета в послевоенные годы:
А. Пьянков, М. Баранова, Е. Воронова,
М. Фридман, А. Сидоренко и др.

Лекции по источниковедению читала Мария Порфирьевна Баранова. Во время войны она училась на Сходне, после войны защитила кандидатскую диссертацию и работала на кафедре истории СССР. Красивая, мягкая, чуткая, педагог-историк по призванию, прекрасно знала свой предмет, художественную литературу, могла часами говорить о художниках, их творчестве. Любила музыку, была знакома со многими артистами, певцами, сама неплохо пела. Студенты нескольких поколений любили и уважали ее не только за профессионализм, но и за высокую общую культуру и теплое отношение к молодежи.

Кроме учебы, где все ново, необычно — лекции, семинары, экзаменационные сессии, — студенты участвовали в расчистке завалов улиц Минска, в разборе руин домов, в том числе и полуразрушенного барака во дворе университета, где жили семьи преподавателей и сотрудников. Помню, комитет комсомола организовал городской субботник по посадке деревьев. Мы работали в сквере им. Янки Купалы и на улице Советской (нынешний проспект Независимости) в районе цирка. Как муравьи, копошились комсомольцы, работа спорилась, а тут пришел к нам секретарь ЦК комсомола Белоруссии Вадим Позняк. Обступили мы его со всех сторон. Всеобщий интерес: «Где воевал? За что награды? А вы действительно с самим Заслоновым вместе воевали? А какой он был?» Вадим, в свою очередь, расспрашивал нас об учебе, у фронтовиков — об их службе, о планах на будущую работу. Тут же все вместе обдумывали перспективу возрождения города, всего хозяйства республики.

В. Позняк тоже был студентом истфака на Сходне в годы войны. Я с ним была знакома еще с Москвы, когда он бывал в ЦК комсомола или Белорусском штабе партизанского движения, требуя отправки его в партизаны. В штабе Вадим близко познакомился с моим братом Сережей, часто бывал у нас дома. По рекомендации ЦК комсомола Белоруссии был заброшен в тыл врага

в Витебскую область, где стал одним из организаторов комсомольского подполья, ответственным организатором Оршанской партизанской зоны. Поэтому он хорошо знал и дружил лично с К. Заслоновым, его комиссаром В. Комлевым. С. Притыцкий по линии ЦК комсомола курировал партизанское движение и подполье Витебской области, часто бывал в партизанских отрядах, где встречался с Позняком. Эти встречи сблизили их. Родилась искренняя дружба, длившаяся всю их жизнь. В дальнейшем сложились теплые отношения между моей семьей и семьей Позняка.

В октябре 1948 г. С. Притыцкого после окончания ВППШ направили в Гродненскую область вторым секретарем обкома партии. Картина была печальная. Во время войны фашисты нанесли огромный ущерб экономике Гродненщины. Невосполнимы были людские потери. Нужно восстанавливать народное хозяйство, а кадров не хватает. Только в Гродно из 55 тыс. человек, живших в городе перед войной, 33 тыс. человек были расстреляны. Но люди работали самоотверженно, осознавая личную ответственность за дело, и это дало свой результат. Область оделась в леса новостроек. Обрабатывались запущенные за годы войны поля. Как посевы после зимы, выпрямлялись, оживали люди. К станкам встали вчерашние подростки, в поле работали одни женщины да малолетки, но они пахали, сеяли.

Я часто бывала в Гродно, у Сережи. Помню, приедет он домой после поездки по области, а у него перед глазами картины, увиденные в поле. Вздыхает, глаза печальные: «Сколько этим детям пахать и сеять, пока смогут в полную силу заменить погибших отцов, стариков, братьев?! Что сделали эти фашисты с людьми? Сколько еще следы их кованых сапог будут напоминать войну? Худенькие, одетые в старые отцовские портки да рубахи, но вы бы видели их взрослые повадки, уверенный голос, твердый взгляд. Снова и снова вспоминаю себя в таком же возрасте... Но ничего, выдюжим, еще пару лет, и станет легче. Вы-то верите?»

Мы с Таней в один голос заверяли его, что верим — так и будет. Да и невозможно было не верить, видя Сережину уверенность, убежденность, огонь в глазах, когда он говорил. Мы знали, что это не просто красивые слова, он делает все, чтобы люди вздохнули легче, чтобы эти подростки почувствовали себя действительными хозяевами и земли, и своей жизни.

Сразу, конечно, не все ладилось, как хотелось. В промышленности — еще более-менее. Шла работа по восстановлению Лидского завода сельскохозяйственного оборудования, началось строительство Скидельского сахарного завода. Набирал темпы, расширял ассортимент производства открытый в 1947 г. Гродненский тонкосуконный комбинат, поднимались Волковысский цементный завод, Гродненская табачная фабрика «Победа». Каждый учебный год вступали в строй новые школы, хотя по-прежнему их не хватало на селе.росло число техникумов, училищ. Открывалось все больше домов культуры, библиотек в сельской местности. Постепенно, но с большими трудностями шла коллективизация. Естественно, были ошибки и недостатки в руководстве этим процессом как в центре, так и на местах в Гродненской области. Но нужно учитывать и время, и обстановку.

К сожалению, в послевоенный период в западных областях коллективизация проводилась по аналогии с коллективизацией в СССР 1928—1930 гг., со всеми недостатками и просчетами. Это — ускоренное объединение крестьянских хозяйств в колхозы, порой без учета желания крестьян, материальной и психологической подготовки, наличие банд, запугивание крестьян, нехватка опытных хозяйственников, руководителей новыми формами ведения сельского хозяйства. Было особенно тяжело, когда встал вопрос о сплошной коллективизации.

В 1949 г. на XIX съезде КП(б)Б Сережу избрали членом ЦК КПБ. Этот факт он расценил как особое доверие ему, а доверие следует оправдывать. И он еще больше отдался работе. Дома его почти не видно было. За все болела его душа. 1950 г. был лучше, успешнее предыдущего, но еще много недоработок. Не укладывались в сроки с ремонтом школ к началу учебного года, медленнее, чем ожидалось, шло строительство жилья, в больницах не хватало оборудования... За все в ответе первый секретарь обкома. В ряде районов коллективизацию сельского хозяйства пытались ускорить «сверху», не было основательной разъяснительной работы с населением и решительных мер против кулаков и националистов.

Особенно тревожно в этот период было за Любу. Она после возвращения из концлагеря жила вдвоем с малолетним сынишкой в Берестовицком районе. Если бандиты убивали, грабили, издевались над учителями, активистами, зачастую их же односельчанами, то с Любой у них были особые счета. Ведь она сестра Притыцкого, секретаря обкома, с приездом которого, как считали они, началась на Гродненщине коллективизация. Осенью 1950 г., когда уже был собран урожай, снопы свезены в овин, заготовлено сено для коровы, которую Люба недавно купила, бандиты ночью подожгли сарай. Огонь перекинулся на дом. Схватив сынишку, через окно она выскочила на улицу. Все, что было в сарае, сгорело вместе с постройками и крылом дома. Люба уехала в Гродно. Там все — родственники и друзья — общими усилиями, кто деньгами, кто личным участием, помогли Любе построить небольшой домик.

В моей жизни произошли перемены. На одном из общих собраний студентов факультета мы встретились с Шурой Царюком. Это была первая наша встреча после знакомства в Барановичах в 1948 г., куда я ездила по приглашению друга моего брата Сережи — Владимира Зеноновича Царюка, отца Шуры. Шура рассказал, что учится на третьем курсе, учебой доволен. Поинтересовался, что я делаю на истфаке, почему раньше не встречал. Приятно удивился моей целеустремленности, жажде учиться.

— Ну что ж, будем видеться.

Он учился на втором послевоенном курсе истфака, где было 50 человек, в основном бывшие фронтовики, партизаны, подпольщики. Я узнала ближе сокурсников Шуры. Все такие разновозрастные, опаленные войной. У большинства на гимнастерках, рядом с орденскими планками, были нашиты полоски ранений. Партизаны, фронтовики самых разных родов войск: разведчики, танкисты, летчики и моряки, подрывники и саперы. Вот они, победив-

шие, выжившие в этой кровавой мясорубке, теперь готовятся стать педагогами. Не случайно их принимали в вузы вне конкурса. Многое упущено, забыто за годы войны, но очень велики были упорство в учебе, жажда знаний, стремление наверстать. Естественно, все они по-своему разные, но их отличало фронтовое братство, взрослое отношение к жизни, труду, единство цели. Они могли и пошутить, и побалагурить, и подтрунить друг над другом, однако не могли подличать, идти на экзамены на авось, вымаливать оценки.

Юноши почти все ходили в военной форме: гимнастерки, брюки галифе или клеш у моряков, сапоги, вместо пальто — шинели, у летчиков кожаные куртки. Гражданскую одежду не успели купить, да и не за что было, а из довоенной выросли. Но это не мешало им быть всегда аккуратными, подтянутыми. Особенно выделялись бывшие летчики или моряки. До сих пор они у меня перед глазами: бывший моряк Виктор Рябцевич, летчики Женя Дашкевич и Женя Захаров и др. У каждого фронтовика — ордена, медали, которые они одевали по особым случаям. В повседневной жизни носили скромные орденские планки.

Примерно такой же по составу, возрасту был набор студентов в 1947 г. Наш курс, набор 1948 г., уже был иным, хотя фронтовиков тоже было достаточно. Исторический факультет всегда жил активной общественно-политической жизнью. Передо мной фотография 1949/50 учебного года. На снимке профком БГУ. Из восемнадцати членов профкома — пятеро с истфака. Это Иван Шишло, Миша Прилепко, Гена Хорошко, Шура Царюк, Женя Захаров. Членами комитета комсомола университета были Надя Хрипко, Жора Герасименко, Нина Краснова, Тамара Сушкова и др.

Комитет комсомола, профком и партком БГУ занимались организацией политико-массовой работы в подшефных организациях, колхозах, детских домах, где не только проводили политинформации, но и силами своих агитбригад выступали с концертами. Теперь это звучит по меньшей мере странно, но в те годы студенты активно работали с населением по распространению госзайма, выполнению плана хлебопоставок, сбору для сельских школ подшефных районов (у нас был Дзержинский район) книг, учебников, спортивного инвентаря.

Сегодня молодежь, студентов очень-то не зазовешь в художественную самодеятельность, у них уже совсем другие интересы, взгляды. А тогда в 1940—1950-е гг. художественная самодеятельность, общественная работа были очень популярны и интересны. Студенты истфака всегда были заводилами в организации различных вечеров отдыха, спортивных соревнований, в которых участвовали все с большим желанием. Именно истфаковцы первыми стали праздновать начало учебного года. Первого сентября проводилось шествие всех студентов университета по улицам Минска с пением песен комсомольских и военного времени. В последующие годы в этих шествиях стали принимать участие студенты и других вузов. Организаторами таких шествий были сами студенты. Руководство БГУ, других вузов, администрация города не опасались за порядок в городе. Не могло быть и речи о пьяных выходках, хулиганстве.

Мы жили жизнью страны, всего народа. Это были годы бурных дискуссий, борьбы с «космополитизмом», «формализмом» в музыке Прокофьева и

Шостаковича, «вейсманизмом», «морганизмом», «низкопоклонством» перед Западом. Все это и многое другое в той или иной степени выходило за двери закрытых партийных собраний, довольно широко обсуждалось в аудиториях, общежитиях. И память, и документы свидетельствуют, что, во-первых, в коллективе истфака каких-либо серьезных «измов» не было. Во-вторых, при обсуждении этих вопросов историки, например, наши преподаватели Л. С. Абещадарский, И. Н. Лущицкий, Ф. П. Шмыгов, И. М. Игнатенко, аспиранты Н. Хрипко, Г. Герасименко и др., выступали за взвешенность, объективность оценок, против «навешивания ярлыков».

Наши встречи с Шурой сначала были редкими, на перерывах между занятиями. Но постепенно появилось желание встречаться чаще, и не только в коридоре у окна, но и в кино, театре. Все больше хотелось узнать друг друга, рассказать о себе. Шура расспрашивал о моем пути в университет. Я, в свою очередь, узнала, что кроме сестры Люды у него есть брат Виктор. Шура рассказывал об отце и матери, о которых я многое знала из Сережиных писем. Всегда с болью он говорил о революционном прошлом отца, о его тюремных годах, когда отбывал пожизненный срок заключения за принадлежность к компартии.

Рассказал, как они встретились после освобождения отца из равичской тюрьмы в сентябре 1939 г. А произошло это так. Когда Красная Армия в 1939 г. заняла Столбцы, Шура с друзьями пошел в местечко Турец за 5 км от д. Обрина, чтобы поскорее увидеть красноармейцев, советские танки, конницу Буденного. На обочине улицы остановилась легковая машина, пропуская колонну танков. Увидев группу подростков, пассажир вышел из машины и подошел к ним.

— Откуда вы, хлопцы? — обратился он к ребятам.

— Из Большой Обрины.

— А Царюка Володю вы ведаеце?

— Знаем, — ответили они.

А Владимир Зенонович не памятью, а сердцем почувствовал что-то родное и близкое в облике, голосе одного из стоявших немного ближе других юношей.

— Откуда вы его знаете?

Шура рассказывал, что у него пересохло во рту, комок подкатил к горлу, трудно было говорить. Что-то неосознанное мелькнуло в памяти о встрече с отцом на свидании в новогрудской тюрьме. Ему было 4 года. И вот теперь снова видит отца. Не может быть. Но он выдал из себя:

— Это мой отец.

Владимир Зенонович смотрел и не верил своим глазам. Прошло 13 лет с тех пор, как он видел своего сынишку, а теперь перед ним стоит не ребенок и даже не подросток, а ладный красивый юноша. Так, за много лет, считай, впервые, встретились отец с сыном.

До начала войны семья жила в Столбцах, где В. З. Царюк работал председателем Столбцовского райисполкома. Война вновь разлучила семью. Шура ушел в партизаны, где, снова случайно, встретился со своим отцом, куда тот

был заброшен в марте 1943 г. командующим северной группой Столбцовского партизанского соединения.

...После очередного задания партизаны возвращались на базу, докладывали своему командиру о завершении операции. Один из партизан сообщил, что они встретились с разведывательной группой отряда «Комсомолец» и что там есть парнишка по фамилии Царюк.

— Это, может, Ваш родственник или однофамилец?

— Какой он из себя? Как зовут?

— Кажется, Саша, нет, Шура.

— Так это ж мой сын, мой хлопчик.

Шура рассказывал, что он совсем недавно вернулся с бойцами с очередного задания. Хочется спать, но не дает покоя мысль об отце. Ведь еще в декабре 1942 г. прибыл с «Большой Земли» Павел Арсеньевич Железнякович и сказал, что отец в Москве и собирается сюда, на оккупированную территорию. Уже март 1943 г., а его все нет.

И вдруг, чуть не выбив дверь, в землянку влетел партизан и выкрикнул:

— Шура, быстрее, тебя командир зовет!

Шура открыл дверь и замер на пороге. За столом он увидел своего отца. Никого не видит — только отца. Замер и Владимир Зенонович, не верил своим глазам. Этот ладный, с солдатской выправкой, возмужавший, с обветренным лицом парень — его сын? Это его Шурка?

Так вот ты какой. От счастья они стояли молча, обнявшись.

— А где мама? Люда? Витя? Бабушка? Знаешь что-нибудь о них?

Студенты исторического факультета среди членов профкома БГУ

— Знаю. Они живы, — ответил Шура и смахнул внезапно набежавшую слезу. — Поедем к ним. Они тебя ждут.

Так состоялась вторая встреча отца и сына на бесконечных дорогах Второй мировой войны.

Через какое-то время Елена Леонтьевна, мать Шуры, вместе с младшими переехала в семейный партизанский отряд.

3 июня 1944 г. был освобожден Минск, а через три дня встретились Красная Армия и партизаны Столбцовского соединения. Вот тогда Владимиру Зеноновичу и было присвоено звание Героя Советского Союза. ...Январь 1957 г. Старые раны, болезни, дни и ночи напряженной работы, — и сердце не выдержало, не справилось с четвертым инфарктом, и мозг не перенес третьего инсульта. На 57-м году жизни скончался уникальный, незаурядный человек, коммунист, муж, отец, дедушка, близкий человек, хороший друг для многих людей.

С Шурой мы поженились в августе 1949 г. и прожили вместе шестьдесят лет до его кончины 27 января 2009 г.

Вскоре мой отец с Анастасией Семеновной переехал жить к Сереже в Гродно. В семье у них все было хорошо. В январе 1949 г. Сережу избрали первым секретарем обкома. Еще большая ответственность легла на его плечи. Не хватало рабочих рук, квалифицированных специалистов. Надо было поднимать сельское хозяйство, благоустраивать школы, строить больницы, готовить специалистов, врачей. А главное, несмотря на то что действовали банды, которые грабили, убивали активистов, партийных работников, учителей, — надо было сохранить у людей веру в перемены.

Совместными силами милиции, НКВД и местных жителей там, где удавалось вступать в контакт, приходилось разяснить «лесным братьям» тщетность усилий, безнадежность их действий. И таким образом многим помогли выбрать правильный путь, сложить оружие и вернуться к мирной жизни.

Постепенно налаживалась хозяйственная и общественная жизнь области. В феврале 1949 г. состоялся XIX съезд КП(б)Б, который много внимания уделил вопросам развития сельского хозяйства. На партийные организации западных областей ложилась огромная задача — не просто улучшить положение в сельском хозяйстве, но и успешно проводить коллективизацию и на этой основе повысить уровень всего сельского хозяйства и жизни крестьян. Основная масса крестьянства области жила по-прежнему единоличной жизнью. Предстояла

Вместе на всю жизнь:
И. О. Царюк и А. В. Царюк

Семинарские занятия по истории КПСС на I курсе исторического факультета проводит М. А. Прохоренко. 1949 г.

кропотливая работа по коллективизации сельского хозяйства, укреплению существующих колхозов. К сожалению, в послевоенный период в вопросах коллективизации в западных областях действовала политика и практика сплошной коллективизации в СССР 1927—1930-х гг. со всеми ошибками и просчетами. Не учитывались особенности западных областей, где советская власть только установилась, активно действовали антисоветские польские и кулацкие банды.

Зная местные условия, особенности вновь присоединенных западных областей, психологию и настроения людей, Сережа предупреждал руководителей о недопустимости форсирования темпов коллективизации, призывал давать возможность созреть крестьянам к переменам в их жизни. Он постоянно повторял, что не «дутые» колхозы, а экономически крепкие хозяйства должны стать целью партийных, хозяйственных организаций области. Но работа шла тяжело, в сложнейших условиях.

Немалую отрицательную роль сыграли в то время формы и методы деятельности органов Министерства государственной безопасности, насаждаемые Л. Берия, а в Белоруссии — Н. Цанавой. Практика была такова, что Цанова пытался, и нередко это ему удавалось, ставить органы госбезопасности над партией, подчинить партию. За партийными, советскими работниками велась слежка, навешивались ярлыки «троцкист», «provokator», фабриковались фальшивые «дела». Так было и в Гродненской области: преследовали крестьян, не вступавших в колхозы, проводили аресты, высылали «кулаков», боролись с «антисоветскими элементами» — словом, велась «борьба с кулачеством». Постоянные комиссии, проверки, отписки, объяснения. Все это, естественно, нервировало парторганизацию, обком, С. Притыцкого, мешало

ему работать. Шли записки в адрес Бюро ЦК КПБ о совершенно неблагоприятном положении дел в области, о снижении темпов, о срыве коллективизации, о «восстании крестьян» против советской власти. Следовательно, нужно снимать с работы Притыцкого. Секретарь ЦК КПБ Н. С. Патоличев на июльском 1949 г. Пленуме ЦК Компартии Белоруссии говорил: «Я думаю, что очень многие товарищи помнят, как неоднократно на Бюро ЦК Н. Цанава и другие недоумевали, почему до сих пор Притыцкий работает. Этот вопрос поднимался, может быть, раз десять». Таким образом, производился нажим на Бюро ЦК.

Когда все эти провокации и давление не дали желаемых результатов, примерно в ноябре 1950 г. появилась новая большая докладная записка Цанавы, ставившая под сомнение политическую честность и порядочность Притыцкого. На Пленуме Патоличев говорил: «Я лично дело это понимаю так: раз Цанаве не удалось сшибить товарища Притыцкого по деловым соображениям, он решил его скомпрометировать политически...» Уже в 1980-е гг., будучи на пенсии, Н. С. Патоличев вспоминал (как об этом пишет Н. Зенькович в своей книге «Тайны ушедшего века»): «Цанава вручил Патоличеву записку о “подпольной контрреволюционной деятельности Притыцкого в Польше”. Цанаву пытались убедить, что Притыцкий не мог быть польским шпионом, ведь власть “той” Польши приговорила его к смертной казни через повешение. Цанава возразил: “Но не повесили же! Значит, дали задание шпионить”». Такая вот «смертельная» логика. А дальше, следуя этой логике: «Но раз шпион — арестовать». А как? Ведь он депутат Верховного Совета, значит, нужно согласие Президиума Верховного Совета. Достаточно согласия его Председателя. И согласие В. Козлова было получено.

Патоличев вспоминал, что он несколько раз обращался, ездил по этому вопросу в Москву в ЦК ВКП(б), и там ему неизменно отвечали, что они знают Притыцкого, что не следует верить Цанаве, надо Притыцкого уберечь. Однако давление не прекращалось, начались попытки ареста. Чтобы вывести Притыцкого из-под удара, было принято решение о переводе его на работу в аппарат ЦК КПБ.

Сережа и в той ситуации не проявил ни слабости, ни растерянности. Только близкие видели его переживания и стоявшие в погрустневших глазах мучительные вопросы: «Когда все это кончится?», «Как можно так лицемерить?». На работе он оставался собранным, волевым, неутомимым, ничем не выдавая свое внутреннее состояние. Сегодня можно однозначно сказать, что огромная популярность, открытость, принципиальность Сережи, поддержка истинных друзей и товарищей не позволили снова засадить его за решетку. Однако были и такие, которые обходили его стороной, прервали с ним всякие отношения и контакты. Но верных было неизмеримо больше, они не изменили дружбе, продолжали общаться с ним. Помню теплые встречи Сережи в те годы на отдыхе с К. В. Киселевым — министром иностранных дел БССР, В. З. Царюком, В. Н. Малиным — секретарем ЦК КПБ, Вадимом Позняком — секретарем ЦК ЛКСМБ, К. Т. Мазуровым, П. А. Железняковичем, В. Р. Романовым — заведующим отделом ЦК. Мой брат дружил с М. Лыньковым, М. Танком, Ф. Пестраком и многими други-

ми. Не порвал с ним отношений А. Ю. Снечук — первый секретарь ЦК Компартии Литвы, народный художник РСФСР Ф. А. Мадоров. Знакомство с художником состоялось в дни работы Народного собрания в 1939 г. в Белостоке, где Мадоров по приглашению Пономаренко работал над сюжетным полотном «Народное собрание Западной Белоруссии».

В труднейших условиях, когда решалась судьба Сергея, он вел себя в высшей степени достойно, как подобает коммунисту, ни в чем не изменив себе, своим убеждениям. А. Белугин, работавший в то время инструктором оргпартотдела ЦК КПБ, говорил, что работа рядом с ним была настоящей академией партийного воспитания. «В КПСС мы вступили не на восемь часов в сутки, — приводит А. Белугин слова Сережи, — коммунист всегда на работе. На партийной работе». «В этой связи, — пишет Белугин, — вспоминаются слова В. Г. Белинского: “У всякого человека есть своя история, а в истории свои критические моменты. И о человеке можно безошибочно судить только смотря по тому, как действовал и каким он является в те моменты, когда на весах судьбы лежала его и жизнь, и честь, и счастье. И чем выше человек, тем история его грандиознее, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее”. Все это в полной мере, — резюмирует А. Белугин, — можно отнести и к Сергею Осиповичу».

Те, кто тайно или явно готовил расправу, вынуждены были отступить после того, как Сталин, который не мог не учитывать авторитет и популярность Сергея Осиповича в партии и народе, произнес фразу, решившую его судьбу: «Притыцкого мы знаем, не трогать его».

В результате Сергей с семьей переехал в Минск, дочери пошли в школу, жена — на работу в кабинет политэкономии БГУ. Мы стали часто видеться. Теперь никто не следил, кто пришел или приехал к Притыцким, сколько пробыл, когда уехал. Не стояла за углом машина, больше никто не контролировал каждый шаг Сережи.

Настал 1953-й год. Умер Сталин. Мы, как и все минчане, вся страна, прощались с ним. Прощались с целой эпохой сталинизма. Началась новая жизнь со своими радостями, успехами, горем, потерями, ошибками и преступлениями. Но такова жизнь.

МЕЧТА СБЫЛАСЬ

В мою семью немало радостей и горестей принесли 1950-е гг. В декабре 1950 г. родился сын Дима. Жили мы тогда на улице К. Маркса в доме № 6 на последнем, пятом, этаже в одной из комнат двухкомнатной квартиры. Лифта не было. Но мы были молодые и счастливые. Жили на наши стипендии. Благо, что я получала сталинскую стипендию — 75 руб. и Шура — 32 руб., в общем, жить как-то можно было. От финансовой помощи родителей Шура отказался сразу, как только мы поженились. Он считал, что взрослый, женатый мужчина не должен сидеть на шее у родителей. Тем более что работал

один Владимир Зенонович, а дома были больная жена и двое младших детей. У моих родителей пенсия была уж очень скромная. Но нам хватало того, что было. Вскоре приехала к нам Анастасия Семеновна. Она оставила в Гродно отца, спокойную и обеспеченную жизнь у Сережи и приехала в нашу однокомнатную квартиру помочь нам, студентам.

На все уговоры Сережи остаться в Гродно Анастасия Семеновна отвечала одно:

— Ире трудно, она учится, ребенок маленький, я ей нужна.

— А отцу?

— Я знаю, что отец не будет в обиде. Он досмотрен, да и к нам будет приезжать. А что я здесь делаю? Ничего. Кто же Ире поможет, если не я?

Зима 1950/51 гг. была на редкость нестабильная. Большие морозы, снегопады сменялись оттепелью, дождями. К весне и вовсе нас заливало. То ли когда чистили заледеневший снег на крыше и очень старались рабочие, то ли не выдержала наших морозов кровельная жесь, но после очередного дождя либо таяния снега вся вода через дырявую крышу лилась на чердак, а оттуда в квартиры верхних этажей, а часто текла и по стенам. Детскую кроватку мы постоянно перемещали с места на место, где меньше капало. Ребенок часто болел. Врачи рекомендовали увезти мальчика из этой квартиры. У меня обострился радикулит. Еле дотянули мы до лета 1951 г. А как начались каникулы — уехали в Барановичи к родителям Шуры. Поехала с нами и бабушка Анастасия Семеновна. К первому сентября мы вернулись на учебу и по настоянию родителей Шуры оставили у них Димочку и бабушку. Особо трогательная лю-

Студентка II курса И. О. Царюк на семинарских занятиях по истории СССР. 1951 г.

бовь у внука была с дедом-«героем». Даже бабушки ворчали, что дед балует внука. На что Владимир Зенонович отвечал: «Не волнуйтесь, он умный мальчик, не избалуется». А этот малыш ревел на весь двор, если дедушка, уезжая на работу, не дай Бог, не поцеловал его.

В Минск бабушка с внуком вернулись в 1953 г. Тогда у нас уже была другая квартира, на улице М. Горького.

В октябре 1953 г. Сережу избрали первым секретарем Барановичского обкома. Здесь он встречается с бывшими подпольщиками, политзаключенными польских тюрем: П. А. Железняковичем, Р. И. Сержантом, И. П. Добрияном, часто видится со своим другом В. З. Царюком, отводит душу в откровенных беседах. В январе 1954 г. в республике началась административно-территориальная перестройка, укрупнение областей, районов за счет упразднения некоторых из них. Тогда была ликвидирована и Барановичская область.

Шесть лет (с февраля 1956 г.) С. Притыцкий работал первым секретарем обкома Молодечненской области. Молодечно был обычным, районного уровня, городом. Одно время руководство области находилось в Вилейке. До полноценного областного центра Молодечно нужно было тянуться и тянуться, ведь там не было ни развитого производства, ни административных зданий. Рабочих рук было мало. Городские кварталы — это одноэтажные домики, зачастую старые, ветхие. Постепенно город стал преобразоваться — асфальтировались улицы, началось строительство многоэтажных жилых домов, здания обкома партии, благоустраивался частный сектор. По инициативе Сережи и при его непосредственном участии осуществили закладку парка, для чего были привезены саженцы разных пород деревьев из Сибири и Юга. И ныне этот парк им. Ф. Маркова — революционера, Героя Советского Союза — украшает город.

Закладывался фундамент новых отраслей промышленности: строительных материалов, топливной, лесотехнической, станкостроительной. Мы часто ездили в Молодечно. Город менялся буквально на глазах. Много забот было и о сельском хозяйстве. Так получилось, что на этих землях особо хорошо рос лен. Это традиционная белорусская сельскохозяйственная культура, «шелковистая, волокнистая», была, пожалуй, самой доходной, экономически выгодной культурой на Молодечненщине. Если мы проезжали с Сережей мимо льняных полей, он останавливался, заходил на поле осторожно, чтобы не потоптать, и тихо, так тепло, ласково говорил: «Ира, Таня, вы только посмотрите на это чудо, послушайте, как они шепчутся. Нет, вы смотрите и молчите. А какой он мягкий, шелковистый, когда хозяйки подготовят его прясть. Ты помнишь, Ирочка, как мама пряла лен? Какая у нее всегда была мягкая, шелковая куделя?» А лен, когда цвел, заполнял голубизной все поле до горизонта, при малейшем дуновении ветерка по нему бежала мелкая рябь, у ног переходившая в широкую морскую волну, или когда зрелые коробочки, как колокольчики, не слышные каждая в отдельности, но все вместе вслед за ветерком звенели неповторимыми серебряными звоночками.

В те времена начали проводиться праздники песни на берегу озера Нарочь, у села Никольское, где собирались тысячи жителей и шел своеобразный

конкурс хоровых, музыкальных коллективов со всей области. Это было незабываемое зрелище: люди отдыхали, веселились, всюду песни, танцы. Семья брата любила ездить на Нарочь еще и потому, что там можно было встретиться с друзьями — М. Лыньковым, М. Танком, А. Кулешовым, — где у них были дачи. Вспоминали подполье, друзей, «тюремные университеты», погибших товарищей. Снова и снова возвращались в разговорах к Н. Дворникову, В. Хоружей. Сережа горячился, не мог мириться с тем, что имена их находятся как бы в забвении. Ничего до сих пор о них не написано. Его статьи о В. Хоружей и Н. Дворникове были первой данью их памяти.

Много душевных, теплых, иногда острых, горячих бесед, споров было с Михасем Лыньковым. Насколько могла наблюдать за ними, я видела, понимала, что так могут общаться только близкие по духу, помыслам люди, чье доверие друг другу бесконечно. Говорили они и о творчестве самого Лынькова, о том, что им написано и, кроме жены его Зоси, никем еще не читано, о литературе вообще. Сережа достаточно хорошо знал русскую и белорусскую литературу, неплохо польскую, тепло относился к П. Бровке, К. Крапиве, П. Панченко, Ф. Пестраку, любил поэзию, многое знал наизусть из стихов Я. Купалы, Я. Коласа. Читал, имел свое мнение о Г. Сенкевиче и С. Жеромском, В. Лацисе и Я. Райнисе, так что темы для разговоров, бесед были. Нередко они обсуждали дела насущные, хозяйственные, то, чем занимался Сережа повседневно. Брат любил М. Лынькова как писателя, но, пожалуй, больше как человека — искреннего, мягкого, принципиального, разумного. Они часто вспоминали время, когда Лыньков читал лекции в школе КПЗБ. Глуховатый, мягкий голос лектора «Владека Бельского» — Лынькова, его эрудиция запомнились Сереже на всю жизнь.

Я окончила университет, поступила в аспирантуру на кафедру истории КПБ, заведовал которой Фрол Порфирьевич Шмыгов. Его принципиальность,

С. О. Притыцкий в кругу белорусских писателей. 1968 г.

Выпуск 1953 г.

строгость, требовательность заставляли нас, аспирантов, да и преподавателей, много работать. Его немного побаивались, хотя он никогда ни на кого не повышал голос, не ругал. Эрудиция, интеллигентность Шмыгова, умение видеть и понять человека, будь то профессор, аспирант или студент, вызывали у всех, кто общался с ним, глубокое уважение. Фрол Порфирьевич — один из тех, кто подписывал Устав ООН. Позже Ф. П. Шмыгов возглавлял Минский педагогический институт им. М. Горького, а затем институт иностранных языков.

Мы забрали из Барановичей бабушку Анастасию Семеновну с Димой, отец тоже перебрался к нам. Шура, после окончания в 1951 г. университета, затем аспирантуры, пошел работать лектором горкома КПБ г. Минска. А в 1954 г. осенью он защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Революционно-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1921—1939 гг.». Как мы все радовались успехам Шуры, особенно его родители! Они приехали в Минск на Шурина защиту. Владимир Зенонович и Елена Леонтьевна буквально светились от счастья, радости за сына. Владимир Зенонович много шутил, балагурил, но за этим, и все это видели, понимали, стояло волнение, гордость за сына.

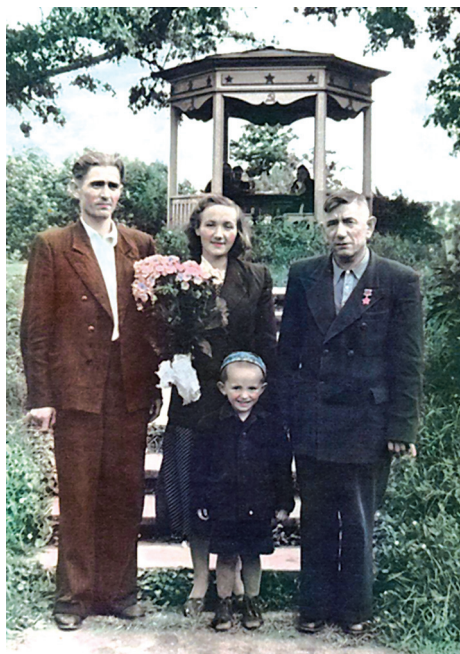
«Нам с мамой не довелось получить высшее образование, а ты вот стал кандидатом наук. Спасибо, сынок, оправдал наши надежды, не подведи и впредь», — говорил он.

На очередном съезде КПСС:
Н. С. Патоличев, К. Т. Мазуров, П. М. Машеров, С. О. Притыцкий

Сестре Любе в Гродно скучать некогда. Кроме работы, домашних забот, Люба продолжает жить активной общественной жизнью на тонкосуконном комбинате, по-прежнему часто встречается с бывшими подпольщиками. К ней «на огонек», отвести душу, посоветоваться, поделиться новостями, приходят друзья не только из Гродно, но и нередко приезжают издалека: Ф. Чернявский, М. Хвойницкий, С. Шварцман, А. Гришин и многие другие, чьи подпольные тропы пересекались в былые времена. Например, Михаил Хвойницкий приехал на родину и вместе с живущим в Гродно А. Гришиным пришли к Любе и смеются: «Видишь, мы пришли открыто, не тайком, как много раз приходили в Гаркавичах в 30-е гг.». И начинаются воспоминания тревожной молодости.

Люба по-прежнему энергичная, веселая, острая на язык, категоричная, но добрейшей души человек. Каждому поможет где советом, где делом. После травмы, полученной на производстве, она перешла на работу в подсобное хозяйство комбината, где выращивали овощи, саженцы для озеленения и цветы. Это была поистине Любина стихия, и она занялась поисками элитных семян, сортов. Могла в выходной день съездить в Белосток, благо, тогда это было довольно просто, за семенами. В Минске, в Институте картофелеводства и овощеводства, добилась встречи с директором и получила хорошие семена, рассаду для хозяйства

А. В. Царюк, И. О. Царюк
с сыном Димой и В. З. Царюк.
Несвиж, 1956 г.

ее сын Леня. На 75-м году жизни, в 1984 г., после тяжелой болезни Люба умерла. Похоронена рядом с сыном.

...А у нас все идет своим чередом. Шура работает, я учусь в аспирантуре. Собираю материал для диссертации. Дедушка Осип водит Диму в садик за Оперным театром. Идут, эдак, два мужика — 4-летний внук и 84-летний дед Осип по скверу у театра и рассуждают, делятся каждый своими новостями. Мне соседи часто говорили: «Вон, смотри, твои мужчины идут». Любо-дорого было видеть эту трогательную пару. Отец любил постоять у дома, посмотреть на людей, побеседовать с соседями. Все говорил: «Как вы тут живете? Это же муравейник». А у нас под балконом была трамвайная остановка, поэтому людей здесь всегда было действительно много. Ему после размеренной сельской жизни в большом городе все было в диковинку.

комбината. Помню, академик Николай Дорофеевич Дорожкин помог ей. И как! Мы рты раскрыли, когда в конце дня на грузовой машине Института приехала Люба с ценным грузом — пять или шесть ящиков отборной рассады помидоров. Мы спрашиваем: «Как это тебе удалось?» Она смеется и говорит:

— Он же наш, советский человек, наш ученый, знает нужды рабочих. — И добавляет: — Ты представляешь, я спросила, где касса. Нужно оплатить за рассаду. Он ответил, что это подарок текстильщикам от Института.

— А как же ты их завезешь в Гродно?

— Так и завезу, поездом. Там ведь тоже люди.

В Гродно ее встретили работники комбината... Такова была наша Люба. Это и о ней сказал Некрасов: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

Потом она ушла на пенсию. Радовалась внукам. А в 1974 г. трагически погиб

Дети
Дима и Наташа на катке

На остановке как-то увидел отца помощник режиссера киностудии «Беларусьфильм». Приглянулся красивый дедушка, с необычной седоватой аккуратно расчесанной бородой, и предложил он ему сняться в кинофильме. Тогда шли съемки киноленты «Міколка-паравоз». Сколько было радости в глазах нашего отца. Он хвастался Анастасии Семеновне:

— Видишь, на старости лет артистом стал. Ну, как я?

Да еще когда позвонили и пригласили приехать в студию получить гонорар в сумме 40 руб., тут уж было столько удивления.

Отец был разносторонним человеком. Интересовался происходящим в стране, в мире. Читал газеты. Любил с кем-нибудь обсудить прочитанное. Всегда с нетерпением ждал приезда в Минск Сережи, чтобы решить «мировые проблемы» со своей крестьянской хваткой, житейским опытом, природной смекалкой и мудростью. Он имел свое видение на происходящее вокруг, по-прежнему был довольно категоричен. Но Сережа был для него непререкаемым авторитетом. Да и как же иначе?! Ведь он встречался с самим Сталиным, Ворошиловым, не говоря уже о Пономаренко, Патоличеве, Киселеве. Отец часто бранил сына за то, что не бережет себя, работает на износ, забывает за работой о здоровье и отдыхе. И эта его тревога и боль за Сережу была понятна — из четырех сыновей живым только он остался.

— Ну, теперь, Сережа, побереги себя, подлечись, побудь чаще на воздухе, с семьей.

— Еще отдохну, пока некогда. Вот очередное взыскание получил.

— За что? Неужто плохо работаешь?

— Я ведь не только за себя в ответе, а за всю область. Смотри, в одном колхозе засеяли люпин в междурядье по кукурузе, которая возшла плохо, так за это председателя хотели с работы снять. А я считаю, что он правильно сделал. Молодец. Не вырастет кукуруза, на этой же площади будет люпин. Скот не останется на зиму без кормов. Председателя защитил, а сам выговор получил. Да ладно, не впервой.

Отец только головой покрутил, вздохнул и сказал:

— Побереги себя, на все и всех тебя не хватит.

На эти годы в истории нашей страны выпала так называемая «кукурузная эпопея». По указанию Н. С. Хрущева повсеместно начали засевать кукурузу. К сожалению, делалось это так же, как и многие другие «кампании», насаждаемые сверху без учета климатических условий, агротехнических возможностей, зачастую в ущерб привычным районированным сельскохозяйственным куль-

Сестра Люба в саду
Гродненского
тонкосуконного комбината

С. О. Прищцкий с женой Татьяной
и дочерьми Тamarой и Наташей.
Москва, 1965 г.

турам. Результат не замедлил сказаться. Только в отдельных районах, например в Воложинском, в сложившихся благоприятных погодных условиях кукуруза дала хорошие всходы и урожай как зерна, так и кормов для скота. В подавляющем большинстве на колхозных полях были плохие всходы, мелкое невызревшее зерно, небогатые корма. А за плохие урожаи зерновых тут же посыпались взыскания, выговоры, снятие с работы и т. д. С. Прищцкий тогда также получил выговор на Бюро ЦК КПБ.

Меня отец любил как «младшенькую», переживал за мое трудное детство и юность: «Всё общежития, чужие люди. Как оторванный листочек, носят тебя ветры по всему свету. А ты ведь еще такая молодая. Но что я могу для тебя сделать».

А мне он и так очень многое давал уже тем, что жил рядом.

27 марта 1956 г. я родила дочь Наташу. 3 апреля у моего отца случился обширный инсульт. А назавтра, т. е. 4 апреля,

он тихо, спокойно ушел от нас навсегда. Наш отец честно, благородно прожил длинную (86 лет) трудную жизнь. Были радости и горе, потери и приобретения. Но в его поступках, делах не было ни подлости, ни предательства.

Анастасия Семеновна осталась жить в моей семье. В меру сил она помогала мне, очень любила детей. Умерла она в 1962 г., пережив моего отца на шесть лет.

Смерть отца я переживала очень тяжело. Во время похорон Наташа, которой от роду было лишь восемь дней, заболела пневмонией. Дима подхватил корь. А тут пришла новая беда — заболел Шура. Обследование показало туберкулез — не редкое явление в послевоенный период. Тем более что Шура всю войну партизанил. Холод, недоедание, дожди, вечно сырая одежда, которую изредка удавалось подсушить на костре, не прошли для него бесследно. Родители не на шутку всполошились. Елена Леонтьевна как могла нам помогала. Больному требовалось усиленное питание, а магазины в эти годы были полупустые, моей аспирантской стипендии и его зарплаты в 120 руб. явно было недостаточно. Хорошо, что тогда государство, несмотря на тяжелые экономические условия, изыскивало возможность посылать больных туберкулезом на лечение в специализированные санатории бесплатно. Так, Шура ездил в Новоельню на 40 дней в течение четырех лет, и, слава Богу, все обошлось.

В 1957 г. закончился срок моей учебы в аспирантуре. В силу домашних обстоятельств написание диссертации я не закончила. Владимир Зенонович

В. М. Сикорский, И. О. Царюк (*справа за столом*) в составе делегации на Всесоюзной научной конференции. Баку, 1979 г.

умер. Вскоре начались материальные трудности, и я пошла работать. Моя научная карьера прервалась на целых семь лет.

После окончания аспирантуры заведовала парткабинетом при Минском горкоме КПБ — это была первая моя работа. В мои обязанности входили организация и чтение лекций для населения в системе политпросвещения — по-своему интересно. Шура перешел работать в БГУ на кафедру истории КПСС. Потихоньку наше положение улучшалось. Появилась возможность вывезти детей на отдых и самим отдохнуть, подлечиться.

Меня перевели работать в Минский горком КПБ инструктором идеологического отдела. Характер работы изменился. Приходилось тесно сотрудничать с партийными организациями школ и вузов, органами высшего, среднего и народного образования города и с руководством вузов, техникумов и средних школ. Работая в горкоме, а затем обкоме КПБ, я общалась с выпускниками исторического факультета, которых знала еще будучи студенткой. В те годы я близко познакомилась, часто встречалась не только на областных, городских пленумах, совещаниях, но и на вузовских партийных собраниях, заседаниях парткомов с руководством практически всех вузов, большинства техникумов, школ. Что ни вуз, то своя специфика, свои трудности, свои задачи.

Интересными и полезными для меня в те годы были встречи с директором Минского политехнического института М. В. Дорошевичем, который стал позже министром высшего образования, с П. И. Ящерицыным — директором завода поточных линий, который затем сменил Дорошевича на посту ректора института. Это были люди, прошедшие большую школу жизни, вой-

Председатель Президиума Верховного Совета БССР С. О. Притыцкий
и ректор БГУ академик АН БССР А. Н. Севченко

ну, профессора, мастера своего дела, опытные организаторы учебной, научной работы вуза.

Несколько сложнее, но не менее интересно было работать с директорами, которые по тем или иным причинам начинали руководить вузами в тот период. Назначению того или иного человека на должность руководителя предшествовало кропотливое изучение кадров, банка резервов, беседа с активом вуза, партийной организации и, естественно, с самими кандидатами на данный пост. Обязательным было согласование с вышестоящими партийными органами.

Помню, как трудно шел процесс подбора и обсуждения кандидатуры на пост директора театрально-художественного института. За короткое время, каких-то пять-шесть лет, там сменилось три директора: Цвирко, Масленников, Герасимович. Были проблемы и с определением руководителя бывшего лесотехнического института. Мединститутом много лет руководил Александр Александрович Ключарев, высокообразованный, эрудированный, принципиальный.

Особенно тесными были мои контакты с Белорусским государственным университетом конца 1950-х — начала 1960-х гг. Возглавлял его ректор А. Н. Севченко. Бывая в горкоме партии, Антон Никифорович заходил и в наш отдел, при каждом случае агитировал меня переходить на работу в университет. Я видела крупнейшего ученого, известного общественного деятеля, депутата Верховного Совета. Казалось, этот ученый — недостижимая величина. Но общение с ним показало, что А. Н. Севченко демократичен, внимателен, готов выслушать собеседника и помочь ему.

В те годы шло активное строительство как главного корпуса университета, так и новых учебных и научных корпусов. Встал вопрос об освоении территории, зоны отдыха на озере Нарочь, создания условий для работы биологи-

И. О. Царюк с мужем и детьми. 1959 г.

ческой станции и студенческого спортивного лагеря. Севченко, с его огромным авторитетом и присущей настойчивостью, раздобыл где-то шесть «финских» домиков. Их поставили и приспособили для отдыха преподавателей, сотрудников БГУ с семьями в свободные от практикантов-биологов летние месяцы на берегу Нарочи. Видно было, как много внимания уделяли ректор, партком БГУ строительству главного корпуса на площади Ленина и общежития для студентов на Парковой магистрали (ныне проспект Победителей). В адрес секретарей горкома партии неоднократно поступали докладные письма из парткома БГУ, от ректора Антона Никифоровича заявления о недостаточной оперативной работе строителей, о срывах планов ввода объектов в строй. Не раз А. Н. Севченко по проблемам строительства и обеспечения научным оборудованием встречался с К. Т. Мазуровым, П. М. Машеровым, С. О. Прищипком, А. З. Кузьминым, А. Н. Аксеновым.

В конце 1950-х гг. в Белоруссию начали приезжать на учебу юноши и девушки из-за границы, прежде всего Кубы, Польши, ГДР, Эфиопии и др. По долгу своей работы я знакомилась с географией представительства студентов, с условиями их учебы, проживания. Была на митинге на перроне Минского вокзала, когда приехали на учебу в БГУ кубинцы. Проректор БГУ А. Я. Малышев от имени университета приветствовал кубинскую молодежь, ответил на ряд вопросов приехавших ребят. Запомнился мне один паренек с томиком Ленина в руках. Звали его Иван Мачадо. Он с беспокойством спрашивал, разрешат ли им в Белоруссии читать работы Ленина. Нужно помнить то время, революционный пафос, детей, родители которых были сподвижниками Ф. Кастро. Потом приезжали уже другие — дети обеспеченных родителей, менее политизированных. И учились они уже за счет родителей, а не государства.

Конечно, было нелегко. Многому пришлось учиться у старших, более опытных товарищей. Партийная работа поглощала много времени. Тогда большин-

ство мероприятий проводилось после рабочего дня — собрания, конференции. Заседания бюро, пленумов также зачастую затягивались допоздна. Ситуация усложнилась, когда партийные, советские, комсомольские и профсоюзные органы были поделены на промышленные и сельские. Меня перевели в промышленный обком партии, теперь в моем ведении или, вернее, в сфере моей деятельности стали школы, техникумы и вузы не только г. Минска, но и Минской области.

На всю жизнь запомнилось совещание по вопросам высшего образования в СССР. Проходило оно в 1962 г. в Москве. К концу 1950-х — началу 1960-х гг. в работе высшей школы наметился отрыв теоретических знаний от практики, специфики народного хозяйства. Обеспокоенное этим положением правительство СССР принимало меры по перестройке работы, обучения не только в высшей, но и в средней специальной и общеобразовательной школе, давало установку на укрепление связи школы с жизнью. На упомянутом совещании с основным докладом «О ходе перестройки работы высших учебных заведений в соответствии с Законом “Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования СССР”» выступил министр высшего и среднего специального образования СССР В. П. Елютин. Пленарные заседания проходили в Большом Кремлевском дворце, а работа секций — в вузах, согласно профилю образования — технического, педагогического, медицинского и т. д.

К совещанию была приурочена тематическая выставка «Закон “Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР” в действии». Мы побывали в ряде высших учебных заведений, достигших высоких результатов по претворению этого Закона в жизнь, познакомились с достижениями вузов в развитии научной работы.

Руководители, практические работники системы высшего образования со всех республик Советского Союза делились опытом, искали пути, формы и методы совершенствования процесса подготовки кадров, специалистов для народного хозяйства и культуры. В конце совещания в Георгиевском зале Кремля состоялся правительственный прием во главе с Н. С. Хрущевым, Е. А. Фурцевой, М. А. Сусловым и другими членами ЦК и правительства. Смотрю на фотографии, и кажется, что это было вчера. Мысли снова и снова возвращают меня в те дни, в гущу событий тех дней, к людям, запечатленным на фотографиях и в памяти снова, как кадры киноленты, мелькают дни и годы моего детства, юности... Могла ли я думать, уезжая в 1939 г. из Гаркавичей, что буду не просто свидетелем, а приму участие в обсуждении государственной важности вопросов в столь представительной аудитории союзного значения.

А в судьбе Сережи снова произошли изменения: снова переезд, новое назначение. После ликвидации Молодечненской области он переезжает в Минск. Его избирают первым секретарем Минского обкома партии. Таня не раз сетовала, что практически вся их жизнь прошла на колесах: пакуйся, что-то бросай, что-то вези то туда, то сюда. Ни постоянного жилья, ни привычной обстановки, мебели. Но это была их жизнь, как и жизнь большинства партийных и советских работников того времени. Они вкладывали душу в порученное им дело, стара-

Семья Царюк на Рижском взморье. 1966 г.

лись принести пользу людям, а значит, и стране, Родине. Наверное, не зря помнят в народе С. О. Притыцкого, К. Т. Мазурова, П. М. Машерова, Л. Г. Клецкова, А. Т. Кузьмина, А. Н. Аксенова, В. З. Царюка, П. А. Железняковича и др. Но жизнь вносит свои коррективы. Сегодня приходится констатировать факт изменения ценностей, понятий морали, нравственности. Сейчас другое время.

...Мы с Сережей довольно часто встречались, работали в одном здании обкома партии, где размещались и обком, и горком, и даже райком Октябрьского района г. Минска. Конечно, его новый участок работы не шел в сравнение с прежним. Минская область была самая крупная в республике. Здесь было не просто многоплановое промышленное производство — по механизации, трудоемкости процессов на заводах, по внедрению программного управления и т. д., здесь было то, чего не было в других областях. Здесь уже работали на полную мощность такие гиганты промышленности, как автомобильный, тракторный, подшипниковый заводы, завод автоматических и агрегатных станков, предприятия радиоэлектронной, легкой и пищевой промышленности.

Минск — областной центр и столица республики, центр науки, культуры, промышленности, транспорта. Во многих учреждениях союзного значения была задействована огромная армия рабочих, служащих, интеллигенции. Какие

К. Т. Мазуров и С. О. Притыцкий
осматривают кукурузные поля в Воложинском районе

только вопросы ни приходилось решать первому секретарю обкома. Все грани жизни области находились в поле его зрения. Но была и еще одна особенность столичной области, о которой мне Сережа как-то в сердцах сказал: «В печенке у меня сидит эта специфика. Ты понимаешь, сестренка, по многим вопросам, казалось, ясным, понятным, должен спрашивать разрешения, согласия у вышестоящих органов. Ведь здесь столица, здесь все чиновники, руководство республиканского уровня. Они тоже что-то делают, вот и держи их в курсе дела, по всякой мелочи отчитывайся. Проверяющих не сосчитать».

Притыцкий понимал, что всех проблем одним партаппаратом, как ни старайся, не решить. Хозяйственными делами должны заниматься хозяйственники, специалисты в своей области. Поэтому он пошел по пути поднятия уровня значимости и активности соответствующих органов и организаций.

Вскоре ЦК партии утвердил С. Притыцкого председателем Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПБ и Совета Министров БССР — такие комитеты в начале 1960-х гг. создавались по всему Советскому Союзу. Одновременно мой брат был избран секретарем ЦК, утвержден заместителем Председателя Совета Министров БССР. Практически сразу три должности. Сегодня это звучит не очень резонно. Но тогда была такая структура власти.

Трудно было ему бороться с бюрократической номенклатурой, подчинявшейся непосредственно Москве. Очень часто материалы, представленные в Москву по тем или иным фактам, улаживались без шума. «Засветившихся» чиновников, хозяйственников либо переводили в другое место, забирали в

И. О. Царюк на Всесоюзном совещании работников Высшей школы. Москва. Кремль. Июль 1961 г.

Москву, спасая от наказания, либо всячески мешали расследованию, а При-тыцкого грубо одергивали, советовали «не совать нос в регионы, специфику которых плохо знаете». А помощник Брежнева однажды строго предупредил: «Не превышайте свои полномочия и не делайте из мухи слона». По совету К. Т. Мазурова, работавшего тогда в Совмине СССР, в Москве, Сережа на время вынужден был замолчать. Как тогда он возмущался: «К чему приведут уступчивость, либерализм, эрозия морали и нравственности? Мы потеряем доверие народа и по всем направлениям покатимся вниз».

Увы, жизнь подтвердила правоту этих тревожных раздумий моего брата, его болезненную реакцию на набирающую силу тенденцию к развалу и хозяйства, и государства в целом.

Таким же искренним коммунистом он оставался и на посту Председателя Президиума Верховного Совета БССР. На новой работе он делал все, зависящее от него, чтобы поднять значимость государственных органов власти, Советов народных депутатов. Он часто говорил: «Без малого не может быть большого». Вывод напрашивался сам собой — необходимо улучшать работу местных советов, тщательнее подбирать кадры специалистов. Советы стали делать попытки более ощутимо влиять на решение экономических вопросов, развитие культуры на местах. Местные советы сами стали требовать согласования с ними планов развития региона. И к депутатам Верховного Совета Притыцкий подходил с высокой меркой ответственности, высокой планкой их деятельности.

Работая в обкоме партии, где вроде все было хорошо — работа интересная, знаю людей, и люди знают меня, — я не могла избавиться от ощущения, что это не совсем мое, что диссертация не закончена, т. е. учеба в аспирантуре как бы зря прошла. А я привыкла доводить дело до конца, но так сложились обстоятельства. Умерла Анастасия Семеновна, дети находились дома одни: Диме — 12 лет, Наташе — 7, поэтому я не могла принять предложение секретаря ЦК А. Т. Кузьмина о выдвижении меня на работу секретарем одного из райкомов партии г. Минска.

В октябре 1963 г. пошла работать в Белгосуниверситет на кафедру истории КПСС. Возглавлял ее доктор философских наук, профессор Всеволод Михайлович Сикорский, его заместителями были доценты З. Д. Григорьева и Е. А. Василевская. Кафедра (более сорока человек) — общеуниверситетская, обеспечивала чтение курса истории КПСС на всех факультетах и всех формах обучения. В основном это были высококвалифицированные, опытные преподаватели. Кроме В. М. Сикорского здесь работали профессора М. Е. Шкляр, И. М. Игнатенко, В. Г. Ивашин, А. Е. Журов. Вскоре защитили докторские диссертации Д. П. Жмуровский, В. К. Коршук, П. И. Зелинский, К. К. Герман, В. Ф. Ладысев, Т. П. Солодков, Н. В. Власенко, Т. И. Притыцкая. Не могу не отметить таких профессионалов своего дела, кандидатов наук, доцентов, как И. Ф. Романовский, Т. Е. Дударева, В. И. Медяник, Т. К. Колесникова, М. В. Прилепко, А. В. Царюк, Р. А. Малюкович, Г. Е. Мартинович, Е. Н. Захватаева и др.

Позже в связи с расширением университета было принято решение разделить эту кафедру на две: для гуманитарных факультетов и естественных. Заведующими их стали В. М. Сикорский и Т. И. Притыцкая.

Тогда, в 1963 г., я поставила перед собой задачу все-таки завершить работу над кандидатской диссертацией, хотя это было и непросто, поскольку собранный материал требовал доработки. Время ушло, что-то безнадежно устарело, а на что-то у меня появился новый взгляд, новые оценки. Пришлось корректировать тему и собирать новый материал. Научным руководителем был В. М. Сикорский. Тема диссертации: «Деятельность Компартии Белоруссии по осуществлению культурных преобразований в западных областях Белоруссии (1939—1953 гг.)». В июне 1965 г. успешно прошла защита.

Подрастали дети. Димочка был непоседа, вечно в порванных штанишках, вымазанный приходил со двора, но когда садился за уроки или шел в школу — сама серьезность, дисциплинированность, а дома — мне помощник. Наташка ходила в садик. В первые годы своей жизни она довольно часто болела то гриппом, то ангиной, то пневмонией. По совету врачей я определила ее в школу фигурного катания. Фигуристки из нее не вышло. Главное же — Наташа, как предполагали врачи и надеялись мы, окрепла, закалилась, и наши тревоги за ее здоровье отошли на второй план. Наташа ходила в ту же школу, где учился и Дима.

Все было у нас хорошо. Каждое лето мы вывозили детей на море, в лес. Старались показать детям красоту нашей природы — леса и озера. Став студентом БГУ, Дима с ребятами ходил во время каникул в походы по Белоруссии. Возвращались усталые, порою грязные, но сколько было восторга. В то время туристические походы были очень популярными у молодежи.

Дима увлекался спортом — подводным плаванием (окончил курсы спасателей), пятиборьем. Хорошо ходил на лыжах. Но самым любимым видом спорта у него было фехтование. Довольно скоро он стал кандидатом, а затем и мастером спорта. Школу он окончил с медалью и поступил на физфак, отделение радиофизики и электроники БГУ. Помню, старший тренер секции по фехтованию, известный тогда фехтовальщик Бокун, приходил к нам домой, к декану факультета, где Дима учился, просил не препятствовать заниматься спортом. Но декан И. П. Зятков заявил: «Мне нужны физики, а не спортсме-

В. М. Сикорский —
доктор философских наук,
профессор, член-корреспондент
АН БССР, заведующий
кафедрой истории КПСС,
ректор БГУ (1972—1978)

Делегация БГУ на XIII Всемирном конгрессе историков.
Москва, 1969 г.

ны. Пусть идет в физкультурный институт, если он такой талантливый спортсмен». Республиканский комитет по спорту выделил Диме специальную стипендию, но Дима остался в БГУ.

Пошел заниматься в научную лабораторию факультета. Защищал дипломную работу. После окончания университета женился. Его избранница Люда была студенткой Минского пединститута им. М. Горького. Жили мы все вместе. В 1975 г. у Димы родилась Настенька. За два года Дима написал кандидатскую диссертацию, успешно защитил. Стал кандидатом технических наук. После аспирантуры остался на кафедре радиофизики и электроники.

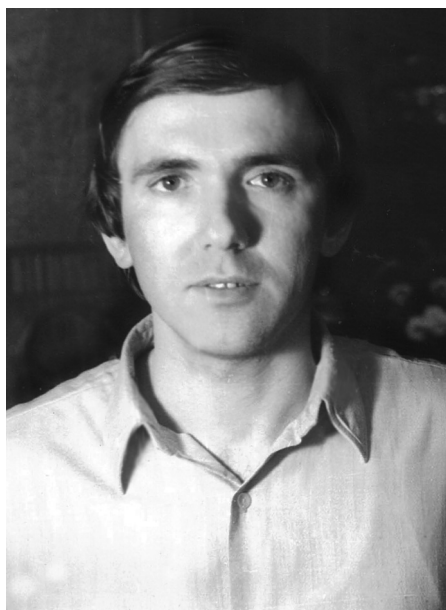
Позже, будучи уже кандидатом наук, он мне как-то с ноткой горечи сказал: «Знаешь, мама, когда я чувствовал себя по-настоящему счастливым? Когда занимался фехтованием. Это было так прекрасно».

Мы с Шурой радуемся его успехам. Только Наташе все реже удается обсудить с братом свои школьные дела, увлечения, переживания. Впрочем, их дружба, взаимоуважение, тепло, чувство обеспокоенности друг за друга остались навсегда.

На протяжении всей учебы в университете Дима ездил в стройотряды. Был несколько раз в Коми, Пскове, на БАМе и продолжал со своими друзьями, такими же энтузиастами, ходить в походы по Белоруссии. Позже, когда Димы уже не стало, его друг и постоянный спутник походов и работы в строй-

отрядах Толя Курлович сказал: «Все мы, его товарищи, друзья, любили Диму, уважали за порядочность, человечность, надежность. Ведь в поход, как и в разведку, не с каждым пойдешь. Нам очень будет не хватать этого верного друга, красивого человека».

Наташа успешно окончила школу. Она, гуманитарий по складу ума, еще в школе посещала факультатив по истории искусства. Раздумий по поводу дальнейшей учебы у нее не было, поэтому и поступила на исторический факультет, продолжая интересоваться историей искусства. После первого курса она вместе с другими слушателями спецсеминара поехала на практику в Эрмитаж. Директор Эрмитажа Пиотровский согласился, по нашей просьбе, принимать белорусских студентов на ознакомительную практику. Руководитель практики доцент Г. И. Довгяло получил разрешение на осмотр студентами не только экспозиций в выставочных залах, но и экспонатов в запасниках.

Сын Дмитрий — студент БГУ. 1975 г.

Внучки И. О. Царюк Настя, Оля и Татьяна со своим сыном Владом

Я же, работая на кафедре истории КПСС БГУ, решила писать докторскую диссертацию. Приходилось выкраивать любую свободную минутку, чтобы собирать материал, ходить, ездить в архивы Минска, по городам республики и в Москву. Писать приходилось чаще всего ночью. Пока жили вместе с семьей Димы, часто забирала к себе в комнату внучку Настеньку, давая ее родителям отдохнуть. Вот так мы с Настей — я за столом, а она — рядом в коляске — и работали... Вскоре семья Димы пополнилась: появилась дочь Олечка.

Дети — наша радость. У Наташи в 1979 г. родилась Танюша, а в 1991 г. — Сашка. Кстати сказать, сегодня у меня четверо внуков и четверо правнуков. Так что, я богатая, счастливая бабушка и прабабушка.

ДЕЛА И ЛЮДИ

Для всех нас очень тяжелым оказался 1971 г. 13 июня внезапно умер Сережа. Накануне ничего не предвещало трагедии. Готовились к выборам в Верховный Совет республики, куда баллотировался и Сережа. Вечером 12 июня он почувствовал себя плохо. Утром молодой тогда доктор А. Шотт поставил диагноз — аневризма аорты. У нас не могли тогда ее лечить, оперировать. Вызвали бригаду из Москвы. А время идет, наши врачи стали оперировать сами. На операционном столе он и умер. На 58-м году жизни ушел от нас дорогой, любимый нами человек.

Петр Миронович Машеров, прощаясь с ним, сказал: «В нем, как солнце в капле воды, отражались лучшие свойства и черты нашего народа: природная мудрость и сметливость, выносливость и стойкость в борьбе с жизненными испытаниями, великая самоотверженность и глубина советского патриотизма, душевная щедрость, богатое обаяние и скромность, безграничное трудолюбие, неиссякаемый оптимизм. Все это делало его работником и человеком незаурядным, пользовавшимся огромным авторитетом, уважением коммунистов, трудящихся республики, всех, кто его знал».

Заведующий кафедрой В. М. Сикорский (он в то время был и ректором БГУ), навещая меня в больнице, куда я в тот год попадала дважды, сказал мне: «Знаешь, Ирина, так дело не пойдет. Нужно взять себя в руки и лечиться работой, делом. Ты знаешь, что декан истфака П. З. Савочкин неизлечимо болен. Сказывается его долгое отсутствие. Пойдешь работать деканом».

*Слева направо: А. Снечкус — первый секретарь ЦК КП Литвы;
Т. И. Притыцкая (в центре) с дочерьми Тамарой и Наташей;
И. Гришкявичус — первый секретарь Вильнюсского ГК КП;
И. О. Царюк после собрания, посвященного годовщине памяти
С. О. Притыцкого. Каунас. Январь 1972 г.*

Я даже испугалась. Думала, он так некстати шутит. Мне не до должностей, ответственных постов. А он, как будто угадав мое смятение, и говорит: «Отказа не приму. В ЦК я уже согласовал этот вопрос. П. М. Машеров дал добро (истфак в то время являлся идеологическим факультетом и находился в номенклатуре ЦК). Так что, поправляйся, выписывайся из больницы и за работу». И действительно, никакие аргументы в плане отказа приняты не были. В 1972 г. я была избрана деканом исторического факультета БГУ, проработав в этой должности 13 лет.

В 1975 г. защитила докторскую диссертацию, стала профессором. Деканом работать было очень даже непросто, особенно в первое время. Ведь я пришла в коллектив преподавателей, где сама училась. Естественно, я робела, хотя старалась не подавать виду. А профессора, доктора наук Ф. М. Нечай, Л. М. Шнеерсон, Г. М. Трухнов, дважды доктор наук Г. М. Лившиц, Л. С. Абецдарский, В. М. Сикорский, доценты М. П. Баранова, И. М. Игнатенко, Л. А. Михайловский и многие другие меня понимали, и каждый по-своему помогал. Был еще один момент, который вызывал определенные опасения не у меня, а у некоторой части сотрудников университета, а главное — факультета. Деканом стала женщина. Назначение женщины на эту должность было впервые в истории университета. Кое-кто прямо говорил мне: «Не женское это дело». Но ничего. Меня же, по большому счету, беспокоило другое: многоплановость факультета, большое число студентов и профессорско-преподавательского состава.

В те годы на историческом факультете было три отделения (истории, философии и политэкономии), десять специализаций (философия, социология, политэкономия, история СССР, история КПСС, научный коммунизм, история БССР, история Древнего мира и Средних веков, история Нового и Новей-

Заседание ученого совета исторического факультета
во главе с деканом И. О. Царюк

шего мира, археология). Кафедрой истории Древнего мира и Средних веков заведовал доктор наук, профессор Ф. М. Нечай, кафедрой истории БССР — доктор наук, профессор Л. С. Абецдарский. После него кафедру возглавил доктор наук, профессор А. П. Игнатенко, затем — В. В. Чепко, а после нее — я. Л. М. Шнеерсон по-прежнему заведовал кафедрой Новой и Новейшей истории. В 1974 г. кафедра истории СССР была разделена на две части. Кафедрой истории СССР досоветского периода возглавил доктор наук, профессор И. В. Оржеховский, а советского периода — доцент И. А. Литвиновский. В 1973 г. из состава кафедры истории БССР была выделена и стала работать как самостоятельная организационная единица кафедра археологии, этнографии и специальных исторических дисциплин. Возглавил ее доктор наук, профессор Э. М. Загоруйский.

Кроме того, учебный процесс на отделениях истфака — историческом, философском и политэкономии — обеспечивали общеуниверситетские кафедры: истории КПСС (В. М. Сикорский), научного коммунизма (П. П. Дронь), политэкономии (В. К. Драчев, С. Е. Янченко), марксистско-ленинской философии (В. И. Степанов, после него — член-корреспондент АН СССР В. С. Степин, который позже возглавил Институт философии АН СССР). Кафедрой истории философии возглавлял тогда И. Н. Луцицкий, а затем — А. С. Клевченя. Когда была образована кафедра социологии, возглавил ее профессор Г. П. Давидюк.

Эти общеуниверситетские кафедры обеспечивали специализацию наших студентов на соответствующих отделениях, курировали их и оказывали помощь деканату исторического факультета в организации учебного процесса. Вместе с тем такое положение дел влекло за собой сложности, требовало учета и соблюдения определенной субординации и такта во взаимосвязях факуль-

тета и общеуниверситетских кафедр, которые формально декану не подчинялись, были в ведении ректората. А там свои проблемы, амбиции, устои, традиции.

На дневное отделение истории ежегодно принималось 100 человек, на заочное — 100—150, а на вечернее — 50. На отделения философии и политэкономии принимали по 25 человек. Кроме наших студентов на факультете училось много иностранных граждан, среди них — из Кубы, Польши, Вьетнама, ГДР, Болгарии и стран Африки. Ежегодно приезжало более 20 человек. В 1970-е гг. начался активный обмен студентами на полный курс обучения между вузами СССР. Мы посылали наших студентов на учебу в МГУ, ЛГУ. К нам направлялось большое количество юно-

И. О. Царюк
с дочерью Натальей, зятем Володи-
ей и внуками Татьяной и Сашей

шей и девушек в основном из республик Средней Азии, Закавказья, Молдавии и Прибалтики. Главным образом они учились на отделении истории КПСС, созданном на истфаке в 1970 г., по несколько человек — на отделениях философии и политэкономии.

Направление Министерством высшего образования СССР на учебу в БГУ юношей и девушек из других республик свидетельствовало о признании нашего университета, и в частности истфака, который готовил специалистов высокого уровня.

Рос, развивался факультет. Жизнь поставила перед нами задачу расширить подготовку социологов, специалистов по политэкономии, увеличить число специализирующихся по этике, эстетике, логике, истории философии. Таким образом, на базе наших отделений философии и политэкономии было создано два новых факультета: философии и социальных наук, а также экономического.

Учебный процесс на историческом факультете обеспечивали более 250 преподавателей, обучалось более 2 тыс. студентов. А это требовало учебных площадей, а их, как и стипендий, хронически не хватало. Большой, если не одной из важнейших, социальной проблемой была проблема общежития. Естественно, в общежитиях в то время была скученность. Жили по 4—5 человек в комнате. Поселить мы могли каких-то 60 % от всех нуждающихся. А студенты народ молодой — влюбляются, женятся. Снять квартиру большинству не позволяло материальное положение. Вот мы с комендантом, студсоветом, нарушая всяческие правила, выкраивали где-то в подсобках уголки для семейных.

Работа декана, как известно, — не только координация и обеспечение учебного процесса. Это подготовка и проведение советов факультета, заседаний деканата, а в мою пору заведования кафедрой истории БССР — еще и организация работы кафедры, обеспечение чтения лекций студентам, руководство курсовыми и дипломными работами, аспирантами.

И. О. Царюк с правнуком Владом и его отцом Сергеем

Вступительные экзамены на историческом факультете БГУ.
Проректор БГУ А. Я. Малышев, ректор БГУ В. М. Сикорский,
министр высшего образования БССР Н. М. Мешков, декан И. О. Царюк

Работа, жизнь факультета может быть успешной, если в коллективе, кроме высокого профессионализма профессорско-преподавательского состава — здоровый рабочий микроклимат. У нас на кафедрах, да и на факультете в целом, царил дух товарищества, взаимопонимания и уважения друг к другу. Это имело место как во время обсуждения научных исследований, открытых лекций, семинарских занятий, так и в повседневной жизни коллектива. Критика, замечания всегда делались с принципиальных позиций, корректно, были направлены на оказание помощи коллегам, на совершенствование учебно-воспитательного процесса.

Вместе с тем царил так называемый «соревновательный дух». В то время принимались социалистические обязательства кафедрами, общественными организациями. При подведении итогов по любому виду деятельности определялись лучшие кафедры, группы, курсы, факультеты. Не все формы отчетности, наглядности принимались однозначно, безусловно.

Например, В. А. Белый — академик АН БССР, ректор БГУ ввел на всех факультетах такую наглядную форму отчетности, или информации, как составление таблиц. На больших листах ватмана выписывались итоги экзаменационных сессий по каждому курсу, каждому предмету в абсолютных цифрах и процентах. Такая форма работы деканатов не сохранилась, хотя она была и имела определенный смысл, положительные стороны. Тем не менее с уходом В. А. Белого с ректорского поста эта громоздкая система отчетности и контроля постепенно была свернута.

Обсуждение с сотрудниками исторического факультета
плана реконструкции музея БГУ

На протяжении нескольких лет коллектив факультета жил созданием, вернее воссозданием, музея истории факультета и университета. Впервые по инициативе Н. М. Никольского в 1927 г. был создан историко-археологический музей на педагогическом факультете БГУ. Самостоятельного исторического факультета тогда не было. Благодаря хорошим деловым отношениям с руководством Эрмитажа на основе копий некоторых скульптур была сформирована скульптурная часть музея в БГУ.

Новое рождение музея связано с инициативой декана исторического факультета В. И. Шевченко. В 1940 г. пополнилось количество экспонатов из истории университета, но война разрушила музей вместе с учебными корпусами, оборудованием. Насколько важен был музей в обеспечении учебно-воспитательного процесса, сохранении истории университета, говорит такой факт. Как только вернулся университет из эвакуации и продолжил восстановление своей учебно-материальной базы, ректор П. П. Савицкий издал уже в апреле 1946 г. приказ о возрождении разрушенного музея. Директором его был назначен тогда еще кандидат исторических наук Ф. М. Нечай, лаборантом — Л. А. Михайловский. На музей возлагались задачи организации выставок, связанных со знаменательными датами, событиями БГУ.

Музей развивался, к 1960 г. уже имелось несколько залов-аудиторий. Например, зал развития человеческого общества с Древнейших времен до Средневековья. Интересно была представлена нумизматика. Отдельная аудитория посвящалась культуре Индии, Китая, Египта и других стран Азии и Африки. Нам помогали сотрудники ленинградских, московских музеев, АН БССР. Некоторые экспонаты, вывезенные из Минска во время войны, были возвращены из Германии. Музей пополнялся материалами, полученными студентами во время прохождения археологической практики. Коллектив исторического

Коллектив исторического факультета на открытии музея БГУ

факультета, прежде всего декан П. З. Савочкин, преподаватели Ф. М. Нечай, Л. А. Михайловский, лаборант (в то время) А. П. Игнатенко, проделали огромную работу по созданию учебного музея.

В начале 1970-х гг. ректорат БГУ поставил перед истфаком задачу несколько перепрофилировать музей, расширить его параметры как функционально, так и географически. Речь шла о том, чтобы превратить его в первую очередь в музей истории университета — флагмана высшего образования в Белоруссии, показать процесс развития каждого факультета, подчеркнув важность учебного назначения. Дело это оказалось не из легких. Не хватало денег, не было художников, оформителей. Нужно было заинтересовать, вовлечь в это дело не только свой факультет, но и другие десять факультетов, службы и подразделения всего университета и ректорат. Большую работу проводили преподаватели и сотрудники исторического факультета своими силами. И мы справились с поставленной задачей. Как было приятно, когда в главный корпус на шестой этаж на истфак приходили на экскурсии студенты других факультетов, преподаватели, школьники, делегации различных уровней республики и гости из-за рубежа.

У меня хранятся фотографии многих делегаций, гостей. Среди них — П. М. Машеров, А. Т. Кузьмин, Н. М. Мешков — министр высшего образования БССР, ректор, деканы, преподаватели МГУ, преподаватели и студенты Софийского университета, Иенского из ГДР и много, много других.

Впоследствии исторический факультет перевели из главного корпуса на ул. Красноармейскую, 6. Пришлось перевозить с собой и музей. Сейчас на историческом факультете, в стесненных условиях, при недостатке даже учебных аудиторий, музей не только сохранен, но даже реконструирован и обновлен, хотя только как учебный для историков.

Работа декана в то время — это постоянная борьба за учебные площади, места в общежитии, которых катастрофически не хватало, это вопросы стипендий, формирования строительных, реставрационных отрядов, отправки студентов на археологическую, педагогическую практику, на сельхозработы. Декан был в ответе и за организацию художественной самодеятельности и вечеров отдыха, спортивных мероприятий. Факультет считался идеологическим, готовил идеологических специалистов как для народного образования, так и для партийных, комсомольских структур. Соответственно идеологическая работа на факультете должна была быть на высоком уровне. Да и всех направлений, аспектов работы, в том числе и научной, «на высоком идеологическом уровне» не перечесть.

Для студентов, кроме лекций и семинарских занятий, одной из важнейших форм получения знаний являлись студенческие научные кружки. Тогда много внимания уделяли этой форме работы со студентами. Это поистине являлось школой приобщения университетской молодежи к научным исследованиям, которые проводились часто совместно с преподавателями. В процессе такой работы студенты учились анализировать найденный ими фактический материал, обобщать, делать выводы. Тогда рождались их первые публикации, закладывались, формировались основы понимания и соблюдения научной этики, ответственности, появлялась потребность научного творчества.

Студенческие научные кружки в обязательном порядке работали на всех кафедрах. Как правило, в апреле на всех отделениях, курсах проводились студенческие научные конференции. Эти мероприятия были приурочены ко дню рождения В. И. Ленина. Учебные занятия в тот день отменялись. Студенты готовили доклады, сообщения. Обсуждение их велось довольно активно. По итогам университетских конференций лучшие работы посылались на городской, республиканский и всесоюзный конкурсы. Часто студенты нашего факультета награждались медалями, дипломами, грамотами. Тогда существовала практика делегирования студентов на конференции в другие города республики, в Москву, Новосибирск, Ульяновск, Волгоград...

Саша (внук И. О. Царюк)
с отцом Володиёй

В 1960—1970-е гг. одним из важнейших направлений идеологической работы со студентами было военно-патриотическое воспитание. Проводились различные конференции, связанные с историей Великой Отечественной войны. Организовывались встречи с известными военачальниками и ветеранами, руководителями и участниками партизанского движения, например, председателем республиканского ДОСААФ, председателем республиканского Совета ветеранов, Героями Советского Союза Н. Я. Зайцевым, Д. П. Жмуровским и др. За хорошую организацию военно-патриотической работы я как декан и факультет в целом были награждены Почетной грамотой ДОСААФ СССР за подписью Алексея Маресьева.

Ежегодно в День Победы, 23 февраля мы организовывали встречи студентов с преподавателями — ветеранами Великой Отечественной войны. А на историческом факультете их была почти половина. К сожалению, сказывается возраст и здоровье участников войны, их с каждым годом становится все меньше, да и традиция встреч с молодежью уже «неактуальна». Теперь, увы, идет попытка переоценки ценностей. К счастью, до нас не докатилась волна «реабилитации» коллаборационистов, власовцев, «людовцев», «лесных братьев», полицаев и т. д.

В соответствии с учебными программами много внимания уделялось чтению лекций о Великой Отечественной войне. В рамках этого курса широко использовалось проведение семинарских занятий в Музее истории Великой Оте-

Ветераны исторического факультета и другие заслуженные работники БГУ

чественной войны. Преподаватели пытались использовать разнообразные формы проведения семинарских занятий, искали новые. Одно время была популярна форма «малых групп». На кафедре Древнего мира и Средних веков ставились спектакли, костюмированные сценки в рамках читаемых курсов.

В условиях многоплановой, разносторонней работы факультета, которому в те годы уделялось особое внимание как идеологическому, очень важна была команда помощников декана. Она была замечательной. Это и заместители декана — Л. В. Лойко, А. П. Сальков, П. А. Шупляк, А. Г. Клецков; парторги — М. Г. Елисеев, М. Р. Пилипенко, Д. Б. Мельцер; зав. кафедрами — Л. С. Абецедарский, Л. М. Шнеерсон, Н. А. Гусакова, Э. М. Загоруйский, И. А. Литвиновский, да и все преподаватели факультета. Мы все вместе решали одну задачу — подготовить хороших специалистов.

Это было время, когда студенты переписывали конспекты от руки. О распечатках лекций, пособий и т. д. на принтере, через компьютер, про интернет вообще не знали. И тем не менее из стен университета, исторического факультета выходили хорошие специалисты. Мы ставили перед собой задачу не только дать студентам знания истории, знаменательных фактов, дат, событий, но и вооружить их навыками научного поиска, анализа, научить их давать объективные оценки событиям и историческим личностям. Самое главное, мы старались учить и воспитывать настоящих граждан своей Родины, неравнодушных людей, любящих свою страну и ее историю. Мы пытались научить молодежь не бездумно критиковать все и вся, а болеть за происходящее, жить и работать не только для себя, но во благо родной Беларуси.

График работы у меня был жесткий, время расписано чуть ли не по минутам. С меня, декана, никто не снимал учебную нагрузку. Я должна была выполнять свой индивидуальный план: читать лекции, вести семинары, руководить курсовыми и дипломными работами, аспирантами. В 1970-е гг. в респуб-

Сотрудники исторического факультета
в университетском дворе. 1984 г.

Митинг: отъезд студентов исторического факультета БГУ
в стройотряд. 1978 г.

лике был взят курс на более активную подготовку кадров через аспирантуру по естественным и техническим наукам. А по гуманитарным наукам, согласно решению Министерства высшего образования БССР, стало выделяться ограниченное количество мест в аспирантуре. Наш факультет ежегодно получал два-три аспирантских места на все исторические кафедры, притом, что мы го-

Сотрудники исторического факультета
на Первомайской демонстрации. 1985 г.

товили кадры и для других вузов республики. Активно использовалась такая форма, как соискательство. В целом преподавателями факультета подготовлена целая когорта кандидатов наук, которые успешно работают до сегодняшнего дня на факультете и в других вузах республики.

Многие студенты факультета имели возможность окончить аспирантуру и защитить диссертации на кафедрах истории КПСС и научного коммунизма. За время работы в университете только под моим руководством 30 человек окончили аспирантуру, 29 из них защитили кандидатские диссертации. Среди них: А. Н. Алпеев, П. И. Бондарь, В. Н. Черепица, М. Э. Чесновский, В. И. Меньковский, В. И. Шайков, А. И. Каданьчик, А. С. Ходосевич, С. Н. Ходин, Б. Н. Долотович и др. В то время широко практиковалась подготовка аспирантов по форме целевого направления. Например, мною были подготовлены следующие кандидаты наук: В. Н. Черепица, С. Н. Тодорович, М. В. Мартен, Т. Н. Гойдь — для Гродненского университета; Р. И. Яцкевич — для Брестского пединститута; А. И. Каданчик — для Горьковской сельхозакадемии и др. Многие из них впоследствии стали докторами наук, профессорами: М. Э. Чесновский, В. И. Меньковский, В. И. Шайков, А. Н. Алпеев, П. И. Бондарь, В. Н. Черепица и др.

В те годы для чтения лекций довольно широко практиковался обмен преподавателями с зарубежными вузами. К нам приезжали коллеги из Польши, Болгарии, ГДР, Венгрии. И наши преподаватели ездили к ним, например, Л. М. Шнеерсон, М. П. Баранова, Д. Б. Мельцер, В. И. Синица, М. Г. Елисеев, П. А. Шупляк. Я также читала лекции по истории КПСС, БССР, Западной Белоруссии в Софийском, Будапештском, Иенском университетах. Бывала там не раз и на научных конференциях. Являлась членом комиссии по коммунистическому воспитанию студенческой молодежи при Минвузе БССР. Как член методического совета Министерства высшего образования СССР принимала

Сотрудники кафедры истории СССР эпохи социализма

Обсуждение вопроса о создании
самостоятельного философского факультета

участие в выездных его заседаниях в Москве, Самарканде, Ашхабаде, Баку, Бухаре, Саратове, в научных конференциях в Донецке, Ульяновске, Волгограде и т. д., где обсуждались проблемы, методика, организация чтения курсов, разделов отечественной истории и культуры.

Весьма интересные и полезные контакты у нас установились с историческими факультетами вузов Прибалтики и Калининграда. Раз в два года по-

Участники конференции историков Прибалтики и Белоруссии
в университете г. Тарту. Эстония, 1981 г.

Декан исторического факультета БГУ С. Н. Ходин
поздравляет И. О. Царюк с юбилеем. 2008 г.

очередно группа преподавателей, заведующие кафедрами, деканы выезжали к своим соседям, где шел конкретный деловой разговор о методике преподавания того или иного курса, решались организационные, теоретические проблемы. Такие поездки способствовали более тесным контактам как между кафедрами, так и личностным. Коллеги по кафедрам находили более конкретные и глубокие точки соприкосновения, методические приемы, темы научных исследований и публикаций. Как правило, в программу таких встреч входило посещение музеев, библиотек, исторических мест.

Во время зарубежных командировок для чтения лекций, кроме общения со студентами другой страны, участия в научных конференциях и изучения работы кафедр, факультета, наши преподаватели имели возможность посмотреть достопримечательности Берлина, Потсдама, Лейпцига, Софии, Тырнова, Будапешта с их неповторимыми музеями и архитектурой.

Работала я деканом до 1986 г., пока позволяло здоровье. Награждение знаком «Отличник народного образования», медалью «Ветеран труда», двумя Почетными грамотами Верховного Совета БССР, присвоение звания заслуженного работника Высшей школы БССР — такова оценка моего многолетнего труда в Белорусском государственном университете.

С коллективом исторического факультета я не расстаюсь душой. Там мои ученики, друзья, которые меня не забывают так же, как и я их. Мы вспоминаем наши студенческие послевоенные трудные годы. Это было время возрождения народного хозяйства после войны, трудового подъема всего народа, тем более молодежи.

Это было время романтиков: целинники, стройотрядовцы, участники самых различных фестивалей, праздников спорта. Это было время политического, эмоционального роста, мужания. Студенты не были в стороне от обсуждения важнейших политических событий, будь то разоблачение культа личности или борьба с «космополитизмом», генетиками. Много ожидали и неоднозначно оценивали хрущевскую «оттепель»...

Вспоминаем, как мы переживали и бурно обсуждали события в соседних социалистических странах, разрядку международной напряженности в 1970-е гг. В то время и преподаватели, и студенты много читали, причем не всегда дозволенную литературу: «Не хлебом единым» Д. Дудинцева, «Звездный билет» В. Аксенова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и др. Доставали «из-под полы» томик В. Высоцкого «Нерв». Помню, стоил он тогда двадцать пять рублей... Не хватало наглядных пособий. Доцент кафедры истории БССР И. В. Марченко со студентами рисовал на листах ватмана тематические карты по истории Белоруссии. Но тем не менее на факультете была насыщенная, интересная, многоплановая жизнь.

Больше чем полвека моей жизни связано с историческим факультетом. Он действительно стал родным за годы учебы и работы в БГУ, я и сейчас не отделяю себя от него.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда я писала эту книгу, помощниками были моя память, рассказы, воспоминания близких мне людей, друзей, соратников. Что-то забыто, а что-то так ярко, отчетливо видится каким-то внутренним созерцанием, ощущением, как будто это происходит со мной здесь и сейчас.

Мне надо было вернуть из забвения некоторые стороны жизни моих близких и родных. Возвращаясь к снимкам, письмам, воспоминаниям друзей, товарищей, соратников по борьбе моих братьев, так захотелось взять «в детство обратный билет». И я взяла этот билет. В июле 2007 г. я с дочерью Наташей и ее мужем Володей поехали на мою родину — в Гаркавичи. Все та же дорога от Соколки на восток. Только теперь она упирается в пограничную полосу, а слева — кладбище. Деревни Юровляны уже нет. Там пограничная застава. По этой дороге лишь изредка кто-то пройдет или проедет навестить родных, где они обрели вечный покой, да послушать молебен в старой церкви. Мало православных прихожан, священник приезжает из соседнего местечка Крынки.

Молодежи почти нет. Она уехала на запад страны либо за границу: на учебу, работу. Лишь летом приезжают к дедушкам и бабушкам внуки, «на дачу» — шутят старики. Из 120 домов осталось около 30, где еще как-то теплится жизнь. Улица по-прежнему выложена брусчаткой. Оставшиеся жители деревни, мои ровесники, узнав о моем приезде, собрались у бывшего нашего колодца.

Время с присущей ему закономерностью изменило почти все. Увиденное вызвало тоску, сожаление по моим детским Гаркавичам, многолюдным, шумным, веселым. Я там жила, «когда деревья были большими».

Мои записки — это мысли мои и тех людей, которые жили в то время, для которых сталинские времена, хрущевская «оттепель» не далекая история, а огромная часть жизни. Возвращаясь в XX в., когда в основном происходили события, рассказанные мною, хочется подчеркнуть, что это мой век, мои годы, счастливые, порою горестные, но такие замечательные, потому что это были молодые годы.

Иногда говорят, что жизнь протекла, как вода из горсти сквозь пальцы. Нет. Это не так. Ведь если вода протекла, то и ладошки высохли. И нет ничего. А в жизни, чьей бы она ни была, не так. Она, как мелкий белый песочек, струится сквозь пальцы. Просыпается, образуя на земле бугорки и впадины. А на руках остаются песчинки. Очень они тебя беспокоят, порою даже саднят. Ты о них помнишь, чувствуешь — это невидимые следы твоей и чужой жизни. Ты о них думаешь. Хотел бы смыть эти следы — да не сможешь. Это ведь память. Не смывай ее, не теряй связь с прошлым, Человек.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ОБ АВТОРЕ	3
К ЧИТАТЕЛЮ	4

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К СВОБОДЕ

Колыбель моей семьи	7
Горький хлеб беженцев	17
Взросление	27
Школа жизни	37
Их жизнь — борьба	52

СУДЬБА СЕМЬИ — СУДЬБА СТРАНЫ

Воссоединение	75
Мои военные дороги	91
Дети войны	96
Москва. Ремесленное училище	103
Вслед за мечтой	112
Мечта сбылась	132
Дела и люди	152

ПОСЛЕСЛОВИЕ	167
-------------------	-----

Научно-популярное издание

Царюк Ираида Осиповна

ОТ РОДНОГО ПОРОГА

Редактор *Г. В. Мыцык*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Корректор *Л. С. Мануленко*

Компьютерная верстка *А. А. Микулевича*

Подписано в печать 31.03.2011.

Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,54. Уч.-изд. л. 15,27.

Тираж 100 экз. Зак.

Белорусский государственный университет.

ЛИ № 02330/0494425 от 08.04.2009.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.